

ДАВИД
КУГУЛЬТИНОВ

СКАЗКИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

**ДАВИД
КУГУЛЬТИНОВ**

СКАЗКИ

*Перевод
с калмыцкого*

**Москва
«ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»**

1986

С (Калм)
К88

Рисунки М. Ромадина

Кугультинов Д. Н.

К 88 Сказки/Пер. с калм.; Рис. М. Ромадина. — Переизд. — М.: Дет. лит., 1986. — 352 с., ил.

В пер.: 1 р. 10 к.

Сказки в стихах известного советского поэта, лауреата Государственных премий СССР и РСФСР. В них повествуется о героизме, смелости, любви к Родине, развивается морально-нравственная тема.

К 4803010200—261 453—86
M101(03)86

С (Калм)

© Вступительная статья, 1981 г.
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА», 1986 г.

СЛОВО О ПОЭТЕ

Давид Никитич Кузультинов родился в Калмыкии, в семье сельского учителя в 1922 году. Неоглядный мир ковыльной степи, озаренной солнцем, оглашенной призывным ржанием вожака бесчисленного табуна и пронизанный тонким свистом стоящих столбиками у своих норок сусликов, вошел в его глаза, не боящиеся смотреть прямо на солнце, наполненные радостью жизни и удивлением ее многообразием. И вместе с этой необозримостью мира, вращая в его впечатлительную душу, вошел воздух истории родного народа, золотой воздух легенд и сказаний, былей и небылиц, яви и фантазии, обид и предчувствий — воздух света и надежд его народа.

Этот мир по праву наследия стал его миром с первого взгляда, с первым звуком материнского голоса. Потом эта стихийная сила любви превратилась в осознанность и просвещенность и, подкрепленная мудростью опыта жизни и смерти, подняла его к вершинам осмысления Земли и Человечества.

Его поэзия — поэзия зрелой мысли и возвышенной души. И я не преувеличивая могу сказать, что никто из современных поэтов, которых я знаю, так широко, эпически не раскрывал природу нависшей над человечеством трагедии, как это сделал он, Давид Кузультинов, в поэме «Бунт разума».

Судьба не была к нему особенно милостивой, она наделила его верностью любви и горечью предательства, она провела его по переднему краю всенародного подвига Великой Отечественной войны к празднику Победы. Она не позволила ему склонить кудрявую голову перед унижением, она научила его спокойно нести бремя заслуженной славы.

Лирик и философ по сути своего дарования, он не без успеха обращался к эпическому жанру поэмы, от книги к новой книге вырабатывая свой строй четкой поэтической речи. И потому его поэзия стала заметным явлением не только в интенсивной духовной жизни калмыцкого народа, а через переводы на объединяющий русский язык сделалась достоянием многонациональной советской литературы. В стихах и поэмах Давида Кузультинова предстает поэтический праздник души его родного народа, певучей, как весенний ветер, пробегаящий по цветущим тюльпанам ковыльной степи.

*Как ты прекрасна, степь моя, в апреле!
Хрустально-звонкий воздух, и простор,
И колокольчик жаворонка трели!..
Ты — музыка, чьи звуки с давних пор
Какой-то гений, в неизвестность канув,
Переложил на музыку тюльпанов.*

Его поэзия красочна, добра, общительна, как сама душа народа, понимающая, что чужого горя не бывает, и исповедующая каждым словом своим эту прекрасную истину. Его книги доступны всем: и малым, и старым — и почитаемы по достоинству. У его книг, как у птиц, далекие пути полета.

У его поэзии глубокие корни, она выросла на поле народной неиссякаемой мудрости, на том червонном золоте народного опыта, который так тщательно отбирает и сохраняет История. Удивительный эпос «Джангар», сказки и легенды для него были во всей своей прелести открыты с детства. Он постигал их сущность вместе с постижением мира, и они оставались жить в его творческой душе.

Это был бесценный дар судьбы, который нельзя отобрать, его можно только дарить.

Книга «Сказок» Давида Кузультинова и есть этот бесценный дар творческого духа калмыцкого народа, осмысленный, переработанный творческой индивидуальностью поэта.

«Сказки» Кузультинова народны, и в то же время они отмечены любовью, талантом и характером самого поэта, да кстаги говоря, он сам сказал об этом точно и выразительно:

*У каждого из слов душа своя,
На душу говорящего похожа.*

Михаил Дудин

* * *

*Ты спрашиваешь, как рождается сказка,
Где начинается, в краях каких?..
Что ж, помолчи!.. Закрой глаза на миг
И облака — их форму, их окраску —
В уме своем отчетливо представь,
Приблизь к твоей мечте неугомонной...*

*Теперь открой глаза! И, удивленный,
Мечту увидишь пред собою въявь.*

*Не правда ль — в вышине голубоватой
Не облаков зубчатая гряда,
А город, снившийся тебе когда-то
Ясней, чем все другие города?..*

*И там, в тени причудливого зданья,
Стоит она, чей облик так знаком.
Она грустит и ждет с тобой свиданья,
Зовет, поет волшебным голоском...*

*Скорее к ней!.. Предайся безрассудству!
Нет-нет, постой!.. Чтоб не растаял миф,
Сначала мудро научись искусству —
Поверить в сказку, сказку сотворив!*

**ПЕСНЬ ЧУДЕСНОЙ
ПТИЦЫ**

Та земля, что всегда мила,
Что опорой верной была
С самых первых наших шагов,
И небесный ее покров,
Что сияет, счастье суля,
Та единственная земля,
Что мы родиною зовем, — .
Вот о чем мы песни поем.

* * *

В давнее время в одной из стран
Жил, истомясь от безделья, Хан.

Днем он ослушников тайных казнил,
Вечером правил свое торжество.
Не помогало ему ничего.
Был Солнцеликому свет не мил:
Черная Скука терзала его.
И во дворец созывает Хан
Лучших нойонов¹ земли своей.

Смотрит на них и зевает Хан:
— Скуку прогнать помогите живей!

---

¹ Н о й ó н — князь.

Если не сможете — тотчас казню.
Если поможете — повременю, —
Вымолвил Хан, продолжая зевать...
В страхе дрожит присмирившая знать.

Тут выходит вперед нойон...
Как верблюд, горбат тот нойон.
Точно шар, его череп гол.
Борода подметает пол.

Как посмотришь, так вовсе плох
Сухопарый этот нойон.
Но пройдохю из пройдох,
Говорят, был старый нойон.

На колени пред Ханом пал
И такие слова сказал:
— Солнцеподобный светоч земли!
Речи беззлойной старца внемли!
Мой слуга, безымянный пес,
Ревностно выполнив мой наказ,
Землю пройдя девяносто раз,
Птицу чудесную мне привез.
Птица не пестрым славна пером —
Песен мерцающим серебром.
Стоит ей только запеть, тогда
Скука твоя уйдет без следа.

Я пред слугой не остался в долгу:
Чтоб неразумный не мог достать
Птицу вторую — моей под стать, —
Я обезглавить велел слугу.

Я глуховат и отменно стар.
Хан мой! Прими драгоценный дар!

А Хану не спится. Он встал на заре —
Послушать, как Птица поет во дворе.

С рассвета он думает только о ней...
Сапожки сафьянные, крови красней,

Он на босу ногу надел сгоряча.
И шуба соболя спадает с плеча...

На Птицу взирая, он думает так:
«Проклятая Скука попала впросак:

Рассеется Скука, чуть песнь зазвучит!..»
Но Птица — ни звука. Но Птица молчит.

Назавтра Высокостепенный опять
Торопится Птицу свою увидеть,
И, на босу ногу сапожки надев,
Смирная тревогу и ханский свой гнев,
Спешит он, в надежде, что песнь зазвучит,
Но Птица, как прежде, молчит и молчит.

Не спит Солнцеликий, не ест и не пьет:
— Что ж Птица моя до сих пор не поет?
Дворец ли ей тесен? Иль Птица больна?..
А может, для песен нужна тишина?!

Он кличет Визиря, открытию рад...
— Единственный в мире, ты знаешь, мой сад.

Садов драгоценней нет в ханстве моем,
Не сыщешь растений, чтоб не было в нем!

Он — в розовых звездах, в блистании рос,
В нем полнится воздух дыханием роз.

Прохлада струится. Фонтаны журчат...
Немедленно Птицу отправьте в мой сад!

Отправлена Птица со всей быстротой.
В бесценном саду ее дом золотой
Стоит меж ветвями, курится над ней
Зеленое пламя душистых ветвей.

Тюльпаны глядятся, как девушки, в пруд.
Фонтаны клубятся, и розы цветут,
А воздух пьянит, как хмельная арза...
Но Птица уныло прикрыла глаза,
У Птицы по-прежнему горестный вид.
Наохлилась Птица, на свет не глядит.

Встревоженный Хан рассылает гонцов.
Зовет он кудесников и мудрецов:
Немедленно птичий недуг изучить
И с помощью хитрых наук излечить!

Иначе...
Спешат мудрецы чередой,
Одна Борода за другой Бородой.

И за старичком старичок
Над покорной Птицей мудрят,
В горло заглянуть норовят,
Измеряют ей язычок...

— Да! — вскричала одна Борода. —
От простуды пришла беда!
Может статься, Птица больна,
Потому не поет она.

— Нет, — другая кричит Борода. —
От желудка пришла беда!
Из-за пищи Птица больна.
Потому не поет она.

— Да ничем она не больна!
Не певала сроду она.
Ведь нойон, говорят, хитрец! —
Самый старый шепнул мудрец.

Семью семь — сорок девять дней
Совещались старцы о ней,
Но к согласию не пришли
Мудрецы всей ханской земли.

Хан глазами сверкнул на них,
Но Визирь — почтительно тих —
Как лиса, подошел к нему,
Еле слышно что-то шепнул...
Хан в ответ головой кивнул
И промолвил: — Быть по сему!

И тотчас же в ханский дворец
Приведен был Скорбный мудрец.

Вместе с войском страны своей,
Проигравшей Хану войну,
Он не семь бысролетных дней —
Он семь лет пребывал в плену.
Он семь лет тосковал вдали
От любимой своей земли.

* * *

Властительный Хан оглядел пришлеца.
Увидел свинцовую бледность лица,
Глаза, опаленные черным огнем...
— Что, пленник, скучаешь о крае своем? —
Спросил он у Скорбного мудреца.
— В той временной жизни, что нам
суждена,

Дороже сокровищ родная страна
И небо и солнце над краем родным!
Когда б довелось мне хоть глазом одним
Увидеть просторы любимой земли,
Песчаные, желтые горы вдали,
Хоть раз подышать ароматом степным, —
Тогда бы достойно я встретил конец! —
Властителю Хану ответил мудрец.
И слезы из глаз у него потекли.

Властитель отвечал пленнику:
— Что ж!
Когда ты надежное средство найдешь,
И слух мой возрадует Птица моя, —
Ты снова увидишь родные края.
Туда долетишь, как ядро из пращи!..
А средства не сыщешь — тогда
не взыщи!..

Не дважды добычу хватает орлан.
Не дважды дает обещание Хан.

Высокостепенный воссел на престол.
А пленный к другим мудрецам подошел.

Спросил их о чем-то, на Птицу взглянул
И вдруг, просяив, облегченно вздохнул,
Как будто схватил за поводья коня,
Несущего в Царство счастливого дня,
Где нет ни изгнанья, ни тяжких угроз...

Склоняясь пред Ханом, мудрец произнес:
— Ты хочешь услышать, как Птица поет?..
Тогда поезжай все вперед и вперед,
Вози свою Птицу из края в край.
Да только почаще места меняй!
Тотчас приговиться в путь соизволь,
Вели оседлать своего жеребца!..

И внял повелитель словам мудреца,
Вкушавшего долгих страданий соль,
Узнавшего муку и горькую боль.

Рукой не успел повелитель взмахнуть,
А слуги его уж собрали в путь.
Пригнали овец, круторогий скот,
Затем, что далекий их ждал поход.

И вот на рассвете идет караван.
Покинув покои своей Бумбулвы¹,
На рыжем коне восседает Хан,
На черном, понурясь, сидит мудрец.
А слуги, не смея поднять головы,
Несут на шестах золотой дворец
Пичуги — печальнейшей из пичуг.
Бряцает оружием охрана вокруг.

---

¹ Б у м б у л в а́ — дворец хана.

* * *

И не день, не два и не три —
Много лет протекло в пути.
Пробуждался Хан до зари
И приказывал вновь идти.

Он менял и менял места,
И меняла над ним цвета
Неоглядная высота,
Неохватная ширь небес...

Столько он повидал чудес,
Сколько отроду не встречал
В Бумбулве, где он так скучал!

Он узнал, что значит мороз,
Дождь хлестал жестокий его.
От ветров и весенних гроз
Побурели щеки его.
Жег его беспощадный зной.

Над отвесною крутизной,
Средь покрытых снегами гор,
Где летал лишь орел один,
И среди бескрайних равнин
Разбивали Хану шатер.

Но в полях и в глухом бору,
Ранним утром и ввечеру,
Беспокойный вкушая сон,
Хан в раздумия погружен:

«Что у Птицы печальный вид?
Почему певунья молчит?..

Иль всему виною нойон?..
Замышлял дурное нойон
В день, когда мне Птицу дарил,
Он, должно быть, со мной хитрил.
Он решил захватить мой трон.
С мудрецом столкнулся он,
Чтоб вдвоем меня обмануть
И отправить в далекий путь...»

Хан велит мудрецу прийти.
— Столько лет мы уже в пути!
Добрались к началу начал
Сквозь красивейшие края...
Где же то, что ты обещал?
Что же Птица молчит моя?..
Ты, презренный, посмел солгать?
Нынче ж всех обрашу я вспять.
Слову Хана не изменю:
Как приедем, тебя казню
За коварнейший твой обман!.. —
И ногами затопал Хан.

Но спокойно сказал мудрец:
— Смерть — страданий наших венец.
Горе — мне опора и щит.
Это правда — Птица молчит.
Но прошли мы не все края...
И — взгляни! — где Скука твоя?!

От ладьи не найти следа
На зеркальной воде пруда.

След крыла на глади небес —
Не найти его, он исчез.

Черной Скуки растаял след.
Скуки больше с тобою нет.

Ты обрел себе дело, Хан,
И тобой овладела, Хан,
Та святейшая из забот,
Что людей по земле ведет,
Все вперед и вперед маня...
Если станешь слушать меня,
Не вернется Скука и впредь.
Птица ж все-таки будет петь!

Хан с ответом не поспешил.
Он ресницы свои смежил
И на Скуку взглянуть решил:
Неприметной Скука была.

Пожелал он увидеть цвет
Скуки, бывшей с ним столько лет,
Но бесцветной Скука была.

Слышать Скуку он захотел —
Бессловесной Скука была.
Мыслей Скуки познать предел —
Глупой, пресной Скука была.

Прочь она от Хана ушла.

Не найти от ладьи следа
На зеркальной воде пруда.

След крыла на глади небес —
Не найти его, он исчез.

Так же Скуки растаял след.
Больше Скуки у Хана нет.
Подивился великий Хан
И сказал мудрецу в ответ,
Прежний гнев он смог превозмочь:
— Хорошо. Мы продолжим путь...

И пошли они сквозь туман.
И когда наступила ночь,
Хан взошел под своды шатра,
Чтоб на ложе своем вздремнуть.

Но болотная мошкара
И зловердное комарье
Обрели там себе жилье.

Жалят Хана, звенят, жужжат,
Нос у Хана распух и рот.
Да к тому ж от гнилых болот
Поднимался тяжелый смрад,
В ноздри лез, точно едкий дым,
Хоть шатер и не был худым.

Места Хан себе не найдет,
Повелителя донял гнус.
— Нет, в проклятом этом краю
Я — последнюю ночь, клянусь!
Завтра утром приказ даю,
И домой направимся мы. —
Так средь душной гудящей тьмы
Сам себя утешает Хан.
Возвратиться решает Хан.

Но когда заалел восток,
Страж, который Птицу стерег,
Не поверил глазам своим.
Та ли Птица здесь, перед ним?

Птица странно себя ведет:
Огляделась кругом она,
Точно чем-то поражена,
Замахала серым крылом,
Будто в дальний стремясь полет,
Прочь из клетки куда-нибудь!..
Стала клювиком чистить грудь,
Поточила клювик, потом
Пролетела наискосок,
На решетку села... И вдруг
Прозвенел серебристый звук:
Птица пробует голосок!

К повелителю страж бежит:
— Хан великий да поспешит,
Чтоб немедля к Птице поспеть...
Птица, кажется, хочет петь! —
Между тем все светлел восход
И яснее стала видна
Та земля посреди болот:
И бедна она и скудна,
Лишена она красоты.
Кое-где чернеют кусты,
Да желтеют издалика,
Точно волны, горы песка.

На пески и не глянул Хан.
С ложа тотчас воспрянул Хан.

И домчался он до шатра,
Где грустила Птица вчера
В золоченом своем дому...
Правду страж доложил ему:
Птица серая ожила,
И подвижна, и весела.

Устремляется в высоту,
Презирая прутья, она.
Ударяется на лету
О решетку грудью она.
Видно, тем, кто на воле рос,
В золотой тюрьме — не житье!
Глазки черненькие ее
Вновь как будто в тумане слез.

Но, опять на жердочку сев,
Все ж она завела напев.

Песнь волшебная полилась,
Вместе с солнцем она росла.
В ней — любви целебная власть,
В ней — всему живому хвала:

И земле, что еще во сне,
И звезде, что сейчас уйдет,
И высокой голубизне,
И безмолвью гнилых болот,
Всем сыпучим пескам сухим,
Всем горячим слезам людским
Эта песнь утешенье шлет!

В песне — радости торжество.
Внемлет Хан с волнением в крови.

Сердце каменное его
Растопили волны любви.

К серокрылой Птице в шатер
Прилетела стая сестер.
И несслыханный птичий хор
До песчаных донесся гор.

Люди слушали, не дыша,
Эту песнь, влекущую ввысь.

Просветлела мира душа,
Точно все желанья сбылись,
Точно все забили ключи —
Тот, что древен, и тот, что юн...
Натянула земля лучи,
Словно сотни звенящих струн,
И пескам, и кустам нагим
Заиграла на струнах гимн.

И, очнувшись от немоты,
Вместе с ней запели кусты.
Пробудившись от злой тоски,
Вместе с ней запели пески.
Выси неба, глуби земли
Звуки счастья в себе нашли
И запели с Птицею в лад...
Над равниною песнь плыла,
Трепетала, к небу летя.
И казалось всем, говорят,
Будто родина обрела
Потерявшееся дитя
И ликующий небосвод
Милосердью хвалу поет...

Прослезившись, Хан произнес:
— Ты мне правду сказал, мудрец!
Но, прошу тебя, под конец
На последний ответь вопрос:
Это сладостное тепло,
Не имеющее границ, —
Как вместиться оно могло
В сердце крохотнейшей из птиц?

Почему, грустя до сих пор
Меж красивых лесов и гор,
Вдруг она разомкнула клюв,
Столь дурную землю хваля?..

И ответил мудрец, вздохнув:
— Здесь — ее родная земля.
Знает родина волшебство,
С ней младенец — и тот батыр,
Счастье в малом сердце его
Затопило бы целый мир!
Тот силен, кто нашел свой дом
И свободу обрел притом!

— Ты свободен! —

воскликнул Хан,

Новой радостью обуян. —
Собирайся домой, мудрец!
Да открой золотой дворец!..
Вижу, лучшая из темниц
Не годится для певчих птиц,
И свободу Птице даю!..
Да летит она в вышину,
Прославляя волю свою
И родную свою страну!

ЗОЛОТОЕ СЕРДЦЕ

Это все случилось давно,
Но в преданьях живет оно.

Говорят, в былые года,
В те далекие дни, когда
Зверь не знал, что такое страх,
И в ковыльных наших степях
Желтый барс не таясь бродил,
И от птичьих несметных крыл
Днем бывало темным-темно,
Вот тогда-то, давным-давно,
На просторы волжской земли,
Утомясь, калмыки пришли.

Шли они не день и не год,
Шли они, как идет народ —
К свету счастья из тьмы невзгод.
И кочевьем решили стать,
Поклонились земле, моля:
— Будь нам родиной, мать-земля,
Ты, сулящая благодать!

Говорят, в тот далекий век
Средь приветных наших степей
У бездетных старых людей

Родилось дитя наконец.
Были рады мать и отец.
Дали сыну имя Эдék.
Мальчик вырос богатырем.
Зашумела молва о нем,
Для друзей — звенела добром,
Для врагов — гремела как гром.

Если ты на лихом коне
Двадцать лет пронесешься вскачь,
Ты окажешься в той стране,
Где живет Алангсир-силач.
Не мала у него страна,
Но она для него — тесна,
И задумал он, Алангсир,
Подчинить весь подлунный мир.

Об Эдеке прослышал он,
Из терпения вышел он,
Заревел, затрубил, как слон.

Он ревет, что пойдет в поход,
Что Эдека шутя убьет,
Вырвет с корнем проклятый род.
Истребит калмыцкий народ.
Круторогий угонит скот,
Тонкорунных овец приплод,
Скакунов с собой уведет,
Стригунов, кому третий год,
Сосунков, что идут не в счет,
Всех нойонов живьем возьмет,
Все хотоны¹ огнем сожжет,
Всех детей превратит в сирот!

¹ Х о т о н — селение.

И пошел Алангсир войной.
На кольчуге своей стальной
Все застёжки он застегнул,
Пояс кованный затянул.
Слева тяжкий повесил меч,
Чтоб врага пополам рассечь!
Взял он пику, что острый клык,
Чтоб колоть врага напрямик...
Да погибнет Эдек-калмык!

Алангсир, на коня воссев,
Затянул боевой напев:

— Пляши и пой, народ степной,
Покуда занят Алангсир!
Могилы рой, народ степной,
Когда нагрянет Алангсир!

Своею силой знаменит
Вовек и ныне Алангсир!
Страну калмыков обратит
В пески пустыни Алангсир!

Так хвалился Эдеков враг,
Что степные марева, в прах
Обратясь, стелились дрожа,
Точно пламени языки,
Расходились во все концы...
И шарахались жеребцы,
Что вели свои косяки,
Чутко уши насторожа...

Из-за песни той боевой
Псы в хотоне подняли вой.

Сны дурные пришли в хотон.
Просыпаясь от злой тоски,
Размышляли вслух старики:
— Что он значит, недобрый сон?

Тогда в волшебное стекло
Эдек вгляделся сквозь туман
И видит: скачет тяжело
Гороподобный великан.
Багровая клубится пыль,
От скачки ветер поднялся,
Он ломит древние леса,
Сгибает, как степной ковыль.

Эдек смутился, говорят,
И семью семь ночей подряд
И семью семь суровых дней
В кибитке пребывал своей.
А вокруг шумел простой народ:
— Управу богатырь найдет
На Алангсира-силача! —
В котлах, кипя и клокоча,
Варился жирный чай степной.
Не угасал костер ночной,
И горн кузнечный полыхал,
Шипел и плавился металл.

Гремели сталью у костра
Прославленные мастера
И, не смыкая глаз в ночи,
Ковали пики и мечи.

В покоях ханского дворца
Сошлись нойоны на совет.

Там длились споры без конца:
Тот скажет «да», а этот —
«нет»,

И, зная, что далёко враг,
Являет храбрость на словах.
Хан размышляет: кто же прав?..
Но споры дальний гул пресек:
Узорный полог приподняв,
Покинул свой приют Эдек.
Он бледен был, но не угрюм
И молвил, голову склоня:
— Сильнее силы — ясный ум.
Народ мой, выслушай меня!
Дорогу преградим врагу:
Средь скал морских, на берегу,
У Алангсира на пути
Два дерева должны расти.
Туда ж, в приморские края,
Котел прошу вас принести,
Его поставить над огнем,
Чтоб сталь всегда кипела в нем...
Свершите это всё!..

А я

Подумаю об остальном.

Что велел богатырь Эдек,
То исполнил его народ.

А Эдек взял большой топор,
Тот, что семьдесят человек —
Как ни тужились — не могли
Хоть на пядь приподнять с земли!

С топором он к морю идет,
На морской выходит простор.

Меж ребристых каменных скал
Он два дерева отыскал.
Он увидел казан-котел —
Больше всех котлов на земле!
Сталь кипела, бурля, в котле
И морской заглушала гул.
Богатырь деревья согнул,
Топором слегка обстругал.
Он вершины друг с дружкой сплел,
Привязал их одну к другой,
Чтоб стояли лукой-дугой.

Вдруг его окатил прибой,
Дождь соленый вдруг оросил.
Море вокруг поднялось горой:
На него дохнул Алангсир.
Все притихло пред силачом,
Солнце он заслонил плечом.
— Здравствуй, мальчик! —

силач сказал,

Бегунца укрощая бег. —
Как же ты смехотворно мал!..
— Добрый путь вам! — сказал Эдек.
— Не встречал ты богатыря,
Что Эдеком у вас зовут?
— Как же! Был он недавно тут.
Он сюда приходил не зря:
Поручил мне свои дела.
Вот лука для его седла! —

Алангсир с коня соскочил,
На деревья сбоку взглянул.
Только пальцы к ним протянул,
Только сжал их, не тратя сил,
А уже побежал, потек
Из деревьев ручьями сок.
Стал силач, смотря свысока,
Две луки меж собой равнять:
Глядь, Эдекова-то лука
Подлинней на целую пядь!
Алангсир засопел...

— Эдек,

Видно, мне придется по груди! —
Снизу вверх посмотрел Эдек:
— Вас он выше ростом чуть-чуть,
Но в плечах — пошире стократ,
И бессмертен он, говорят.

Алангсир, чтобы скрыть испуг,
Походил, поглядел вокруг
И увидел казан-котел —
Больше всех котлов на земле!
Слышит, что-то бурлит в котле.
И об этом он речь завел:
— Что там булькает?.. Почему? —
Отвечает Эдек ему:
— Иногда богатырь Эдек
Остается здесь на ночлег.
Пробудится и крикнет вдаль:
«Эй! Живее чаю подай!..»
Только пьет богатырь не чай,
Пьет, могучий, жидкую сталь.
А потом, отирая пот,

Освежиться в море идет.
Море он превращает в лед.

Поднимается на носки —
Лед ломается на куски.
И по скалам вверх, напрямик
Богатырь восходит, как бык.
Вот каков наш Эдек-калмык!

Так закончил Эдек рассказ,
Снял шипцами густой нагар,
Чтоб огонь под костром не гас,
Чтоб в котле сохранялся жар.

Алангсир, на карачки сев,
Раскрывает громадный зев.
Зазияла, как страшный ров,
Рта бездонного чернота,
И белели скалы зубов
В необъятном ущелье рта!
— Чаю, — он заревел, — хочу!
Дай мне чаю — сколько не жаль!.. —
И Эдек плеснул силачу
Прямо в пасть кипящую сталь!
Льет металл раскаленный, льет,
Алангсир его пьет да пьет
Да поглаживает живот.

Ухмыльнулся и невзначай
Проглотил котел целиком...
Как зацокает языком:
— Це-це-це, что за ханский чай! —

Ублажив утробу свою,
Оттирает губы рукой: —
Надо мне у себя в краю
Завести обычай такой!
Крепче сроду пить не пришлось...
Мальчик, воду мне заморозь!

Алангсир, отирая пот,
Освежиться в море идет.
Он полморя вброд пересек...
Что есть мочи дует Эдек!
Воду он превращает в лед
Толщиною в девять локтей.
Да погибнет во льду злодей!

Алангсиру лед — нипочем!
Он слегка шевельнул плечом,
И тотчас по зеркалу льда
Разбежались трещины вокруг,
И чернеющая вода
Показалась из трещин вдруг.
Алангсир на берег ступил
И небрежно с доспехов сбил
Ключья пены, белой как снег:
— Я под стать Эдеку вполне!.. —
Но ответил ему Эдек:
— Вы стояли на всей ступне,
А Эдек лишь пальцами ног
Опирается о песок!
— Заморозь-ка еще разок!.. —
Алангсир на воду кивнул
И широко в море шагнул.

Богатырскою силой кичась,
Он на цыпочках входит сейчас,
Опираясь о дно чуть-чуть...
А Эдек принимается дуть.
Десять тысяч верблюдов-самцов
Не раздули б вихря лютей!
Стынет море со всех концов.
Ледяной нарастает покров
Толщиною в десять локтей!

Говорят, богатырь-смельчак,
Если он опоры лишен,
Все равно что хромой сайгак,
Окруженный со всех сторон,
Гибнет он средь зеленых трав,
Самой легкой добычей став.

Алангсир по горло во льду,
Лишь его голова — на виду.
Дна касаясь едва-едва,
Он плечом поднаддал сперва,
Но по-прежнему лед блестел —
Снежно-бел, нерушимо цел.
И тогда, как взбешенный слон,
Подскочил Алангсир как мог...
Ускользнуло дно из-под ног,
И опоры лишился он.

Он по горло в тиски зажат.
Стынет он в ледяной броне.
— Эй, мальчишка! Беги назад!
Погибаю! Живей ко мне! —
Завопил, завыл Алангсир.

— Ну и гибни! — сказал Эдек.
И, подняв секиру секир —
Ту, что семьдесят человек,
Как ни силились, не могли
Обхватить, приподнять с земли! —
Он вступает в неравный бой
С Алангсировой головой.

Но, услышав его слова,
Алангсирова голова
Как надует громады щек,
Встречный ветер как засвистит!..
Он Эдека сбивает с ног.
Как пушинка, Эдек летит!

За одну из прибрежных скал
Ухватился Эдек едва.
А в горах грохотал обвал...
Вот как дунула голова!
Но Эдек проворно достал
Пару тяжких литых подков
С длинным рядом острых шипов —
Были те подковы при нем!
Привязал их прочным ремнем
Он к обеим ногам своим,
И опять он к битве готов.
Смелым соколом боевым
На врага устремился он.

Но, доспехов заслыша звон,
Голова подула опять,
Обратила Эдека вспять!

Он взмывает до облаков.
Отлетают ремни подков!

И Эдек опять на скале
С невеселой думой своей:
«Где ремень раздобыть, прочней
Всех других ремней на земле?»

От мыслей тягостных устав,
Эдек отправился домой.
И видит он — среди сочных трав
Пасет овец чабан седой,
Под ним играет конь гнедой.

— Подай скорей совет, чабан,
Проживший много лет чабан,
Где раздобыть ремень прочней,
Надежней всех других ремней?..

— Учили в юности меня,
Что сухожилье жеребца
И сухожилье храбреца
Надежней всякого ремня.
Два сухожилья ты сплети —
Веревки крепче не найти!..
Но кто передо мной?

— Эдек.

— Неужто ты — герой Эдек,
Тот, кто прославлен и велик?! —
Воскликнул радостно старик. —
Благословляю этот день,
Судьбу свою благодарю!..
Но для чего богатырю
Прочнейший на земле ремень?..

— Отец, вступил я в смертный бой
С безжалостною головой.
От униженья, от огня
Я должен свой народ спасти.
Но без прочнейшего ремня
Победы мне не обрести,
Врага секирой не добить!..
Где сухожилья мне добыть,
Скажи, премудрый человек?.. —
И на колени стал Эдек.
— Не унижай себя мольбой!
Кто в бой идет за свой народ,
Помочь тому за честь почтет
Старик и юноша любой...
То, что ты ищешь, — пред тобой!
Ты сухожилья обретешь!

Как молния блистает нож,
И верный конь в крови хрипит —
Рукой хозяина убит.
А сталь уже блестит опять.
У старика удар могуч:
Воткнулась в землю рукоять,
Клинок сверкает, точно луч,
И на сверкающий клинок
Старик широкой грудью лег.
— Сплети себе ремень, Эдек, —
Шепнул он и умолк навек.

Вот как был тот ремень добыт!..
Но Эдек целый день стоит
Перед тем стариком святым,
Перед тем пастухом простым,

Голова уже начеку,
Раздувает громады щек,
Поднимает в море песок,
Все ломает на берегу,
Сбить Эдека желает с ног...
Но Эдек стоит невредим —
Сердцем он храним золотым!

Устремляется он вперед,
Направляется он в обход
И, в затылок зайдя врагу,
Бьет по шейному позвонку!
Черной крови взбурлил фонтан.
Завопил-завыл великан.

Так завыл, что прогнулась ширь,
Волны замерли на весу,
И у барса в глухом лесу
Разорвался желчный пузырь.
Так завыл, что дремучий лес
Закачало, как мураву,
Распоролось небо по шву:
Млечный Путь — это шов небес, —
И на землю средь бела дня
Покатались звезды, звеня.

Как ни дик Алангсиров рев,
Он Эдеку ласкает слух,
И Эдек меж косточек двух,
В углубленье меж двух бугров,
Смертоносный удар нанес:
— Издыхай, кровожадный пес! —

До глубин пробил вышину
Алангсира предсмертный крик.

Завопил Алангсир:
— Маштык! —
На подмогу он звал жену.

Говорят, его, как дитя,
Поднимала Маштык, шутя.
Алангсир танцевать привык
На ладони жены Маштык.

И была старуха Маштык
Во сто крат сильней, чем старик,
Но к тому она во сто крат
И глупей была, говорят.

Алангсира протяжный крик
Все двадцатилетье пути
Пролетел за единый миг
И успел до Маштык дойти.

Пробудилась она от сна,
Боевого кличет слона.
Слон спешит на старухин зов,
Красной пылью вокруг пыля.
Этот слон был из тех слонов,
На которых стоит земля.

И, в доспехи облачена,
На слона уселась она,
Гонит зверя во весь опор:
Где ступала нога слона,
Там колодцы и до сих пор!

Стопудовый слоновий бег
Услыхал богатырь Эдек.

И промолвил сердцу Эдек:
— Что народу покоя нет?!
Одного несчастья избеж —
Снова ворох страстей и бед!
Злейший враг у него в дому.
Слышишь, сердце, зловещий шум?..

Встрепенулось сердце в ответ.
Подказало сердце ему:
— Помни, силы сильнее — ум!
Вон белеет гора вдали.
Облака ее облегли,
Словно мягкая шерсть овец.

Погляди на гору, Эдек,
И постигнешь скоро, Эдек,
Где твой враг обретет конец!

* * *

Поспешает Эдек домой.
Собирает народ родной
И велит пять тысяч телег
С мягкой шерстью, белой как снег,
До рассвета к горе свезти,
Гору всю кругом обволочь —
Чтоб была она вся в шерсти.

Что велел богатырь Эдек,
То народ исполнит точь-в-точь.

И наутро гора была,
Словно пена, белым-бела.
К белопенной горе впритык
Прибыла на заре Маштык
На слоне боевом своем
И в Эдека тычет копьём:

— Ты, мальчишка, давно ли тут?
Говори со мной, не хитря:
Нет ли рядом богатыря,
Что Эдеком у вас зовут?
Хоть росточком ты не велик,
Не страшись, потолкуй со мной!
Пряник дам тебе расписной... —
Ну и пряничек у Маштык —
Он с кибитку величиной!

— Хоть и вправду я ростом мал,
Не годится страшиться мне!
А Эдек здесь вчера скакал
На своем вороном коне!
Конь его — прямой Аранзál!¹

Видишь гору — снегов белей?..
До небес доросла гора!
Это пену с губы своей
Уронил его конь вчера!

Заморгала глазом Маштык.
Потеряла разум Маштык.
Муженька своего кляня,
Подсчитала разом Маштык:

---

¹ А р а н з á л — крылатый сказочный конь.

— Если пена с губы коня
Достигает до облаков,
Сам-то конь вороной каков?!
Если ж конь вороной таков,
То Эдек молодой каков?..
Подпирает небесный кров!
Если ж сам богатырь таков,
Пораздумаешь — какова
Богатырская булава!..

И, о муже забыв, жена
Повернула назад слона,
Подхлестнула его она
И, подпрыгивая в седле,
В красной пыли — кровавой мгле —
От Эдека пустилась прочь...
И пока не сгустилась ночь,
Усмехаясь, смотрел Эдек
На постыдный ее побег.

Смолкнул топот слоновьих ног.
Богатырь затрубил в свой рог.
И пришли на победный звук
К той горе, где трубил Эдек,
Из-за дальних лесов и рек,
Ото всех четырех сторон,
Изо всех четырех племен
Гордость всей земли — силачи,
И певцы пришли — джангарчи¹,
Под горой они стали в круг...

---

¹ Д ж а н г а р ч и — певцы, исполнители калмыцкого героического эпоса «Джангар».

Золотого сердца костер
Обхватил руками Эдек.
Золотое сердце простер
Над горой, как знамя, Эдек.
— Да сияет оно века —
Сердце честного старика!
Славен будь его путь святой,
Славен будь человек простой,
Жизнь отдавший за свой народ!
Кто умрет за родной народ —
Тот в сердцах людских не умрет!
Слух о нем по земле пойдет
Трубным звуком из рода в род,
Он не будет забыт вовек! —
Говорит богатырь Эдек.

А меж тем старуха Маштык,
Алангсира злая жена,
Мчалась что есть духу Маштык,
Подгоняя палкой слона.

И бежал ее слон вперед
Через все океаны вброд,
Через горные все кряжи,
Через спорные рубежи,
Напролом бежал, напрямик
И предела земли достиг.
И на скользком краю земном
Со взбешенным своим слоном
Совладать Маштык не могла,
Угодила с ним прямо в ад!..

А не то она много зла
Принесла бы нам, говорят.

РАВНЫЕ СОЛНЦУ

Красотою несравненной
Озарив лицо вселенной
И калмыцкую страну,
Мальчик с девочкой родились —
Ими стар и млад гордились —
У калмыков в старину.
Вдоль родной реки широкой,
Волны гнавшей издалёка,
Детские текли их дни.
Оба, с детства неразлучны,
Там телят всего хотона
На степной долине тучной
С детских лет пасли они.

От восхода до заката
Лакомились их телята
Сочною травой зеленой
И речной водой студеной...
Но быстрее речной воды
Годы детства промелькнули —
И, не знавшие беды,
Оба вдруг беды хлебнули:
Мало стало для скота
Трав, где было их в избытке,
И, свернув свои кибитки,

В степь на разные места
Их отцы откочевали.
Дети слезы проливали,
Тосковали, горевали.
Далека степная даль —
Что ей детская печаль!

Словно облака над степью,
Пролетело лет пять-шесть —
И во всем великолепии
Время им пришло расцвести.
В восемнадцать — настоящим
Стал Джамсу богатырем,
Смелым, высоко парящим,
Сильным, молодым орлом.
И Кермен, учтивонравна,
Стройная, с походкой плавной,
Изо всех степных невест
Краше всех слыла окрест.
Красоты их дивной чудо
Всюду славил молва,
И о них рождались всюду
Песен звонкие слова.
Всем, чьи дочери подрастали,
Был Джамсу желанный зять,
И по всей степи мечтали
В дом Кермен невесткой взять.

И однажды речь такую,
О своем Джамсу толкуя,
Мать с отцом вела, — отцу
Говорит она:

— К концу

Наша катится дорога:
Жить осталось нам немного,
Но, пока живем, должны мы
Позаботиться о том,
Чтоб Джамсу, наш сын любимый,
Ввел подругу жизни в дом.
Так давай, старик мой, вместе
Похлопочем о невесте!..

И держали дня четыре
Меж собой они совет,
Порешив, что лучшей в мире,
Чем Кермен, невесты нет.
«Надо сватов слать, конечно,
Дня терять не надо зря...»
Счастливым был Джамсу, сердечно
Мать с отцом благодаря..

2

Почитаемый народом
У отца Джамсу был брат.
Мудрым был он овцеводом —
И, овец лет пять подряд
Тщательнейше отбирая
По одной из тысяч, он,
Их приметы проверяя,
Давней мыслью увлечен,
Новую овечку вывел,
И была она, пожалуй,
Как теленок годовалый.
Так народ он осчастливил!

Ехать степью много дней —
Нет в степи людей знатней!

С этим старшим, знатным братом
Речь отец Джамсу завел:
— Окажи услугу, мол —
Для племянника будь сватом!
— Неужели не уважу
Просьбу брата своего?
Бог поможет, дело слажу —
Не промажу сватовство.
Снаряжай посольство! — вот
Что ответил скотовод...

Приезжают сваты к месту,
В дальний тот хотон степной,
Чтоб красавицу невесту
Высватать любой ценой.
У невестиной кибитки
Сваты, веселы и притки,
Выгружают для пиров
Бортоха¹ своих даров —
Пировать хоть месяц впору:
Жирных борцуков² там горы,
Много там, само собою,
Крепкой, пенной араки³.
Любопытною толпою
Вся родня Кермен сошлась —
Молодежь и старики,
И, боясь ударить в грязь,

¹ Б о р т о х а́ — кожаные сосуды.

² Б о р ц у́ к и — лепешки на животном жире
или масле.

³ А р а к а́ — водка.

Чтоб гостям их не ославить,
На траве, в тени горы,
Стали им стелить ковры,
Белую кибитку ставить.

Вот шумит и первый пир.
Вытирая пот горячий,
С пальцев слизывая жир,
Главный сват тут слово начал.
Как положено, с намеков
Речь повел он издалёка,
Объясняя цель приезда,
Слов на ветер не кидал
И ответа ожидал
От родителей невесты.

Будто от воды — с шипеньем
Сразу гаснувший костер,
Стихло пира оживленье,
Смолк по кругу разговор.
Родичи Кермен в смятенье, —
Шепот, ропот среди них:
Той, что краше всех на свете,
Стоит ли такой жених?
Красотою он приметен,

Но свершить ведь не успел
Никаких высоких дел!
А мужчина — будь и рослым,
И красивым — не токуг¹,
Что, подвешен к женским косам,
Сыплет искрами вокруг...

---

¹ Токуг — металлические украшения на концах женских кос.

На приезжих строго глядя,
Говорит невестин дядя,
Брат отца:

— А что греха,
Если сметку жениха
Нам проверить для порядка
Хитроумною загадкой?
Пусть он свой докажет ум!..

В круге снова вспыхнул шум:
— Это правильное слово,
Что ж судить нам наобум!.. —
Тут другой, седоголовый,
Муж степенный поднялся,
Тоже дядей был невесты —
С материнской стороны.
Руку поднял, встал он с места
И, дождавшись тишины,
Молвил:

— Нет, отгадки слово
Не родит коня степного.
Эта мудрость — не скакун,
С ней не повернешь табуи!
Мудрости людской величье
Проявляется в трудах,
В ею созданных плодах.
Вот в чем мудрости наличие.
Не бахвалы-пустомели,
Как там ловко ни хитри,
А кто недругов сумели
Одолеть — богатыри!
Золотым седлом лихого
Украшают скакуна, —

По работе жениховой
Будет жениху цена!.. —
Кончики усов погладив,
Слов других не находя,
Трубку табаком набив,
Кончил так невестин дядя,
Взглядом сватов обведя.

Знатен и самолюбив,
Дядя жениха, обиду
Не скрывая и для виду,
С юношеской прытью вдруг
Встал, обвел глазами круг —
И язвительно-сурово
Произнес такое слово:
— Тот бешмет к лицу, который
Молодцу пришелся впору.
В бой батыра снаряжаешь —
На того коня сажаешь,
Что подходит седоку
И не сдохнет на скаку.

Лишней спеси тут не место,
Обижать вас не хотим,
Но достоинствам невесты
Сами цену мы дадим... —
С этим дядя жениха
Сел, откашлялся: кха-кха!..

Тут — среди калмыков самый
Уважаемый калмык,
Весь обросший волосами
Белыми, как соль, — старик,

Что пронес столетья бремя
И на ком ручьями лет
Лоб изборозило время,
Что ни год врезая след,
С места юношами поднят,
Говорит:

— Не ссорьтесь вы!
До раздоров ли сегодня?
Обе стороны правы!
Ведь считается от века:
В бренной жизни человека
Красоту и мудрость лишь
По трудам определишь.
Много в небе существует
Звезд — одна другой светлей,
Но всех лучше для людей
Та, что путь им указывает.
В многоконном табуне
Лучший конь — что скачет дольше.
Муж достойнейший в стране —
Чести ей добывший больше.
Жениха с невестой труд
Мерой их достоинств будет.
Дело сами изберут,
Мы — соревнованью судьи —
С честью выполним свой долг... —
Сел, глаза смежил, умолк.

3

Справедливо и прекрасно
Мудрый рассудил старик.

— Мы согласны! Дело ясно! —
Одобренья грянул крик.
И немедля с этой вестью
К жениху Джамсу, к невесте
Двое послано гонцов,
Расторопных молодцов,
Чтобы тех двоих спросили,
Что, мол, каждый сделать в силе.
Рядом, как два конских уха,
Всадники что было духа
Понеслись и вскоре были
Не видны за тучей пыли.

Выслушал гонцов Джамсу,
Думал: «Чем я честь спасу?»
И сказал:

— Задачу круга
Принимаю. Я готов:
Чтобы взять Кермен супругой,
В семьдесят и семь ладов
Смастерить домбру могу я.
День один потребен мне.
А сработаю такую,
Что не снилась и во сне!
Все, кто обладает слухом,
Лишь уловят чутким ухом
Звон моих волшебных струн,
Чуть на них я заиграю,
Со всего лица земли —
Из немислимой дали —
К нашему сбегутся краю.
Соберется стар и юн,

Что сказал, исполню я, —
Помощь мне — любовь моя!..

Оказав гонцам почтенье,
Выслушала их Кермен,
И судьбы ее безмен
Колебнулся от сомненья.
— О почтенные мужи,
Мудро предложенье круга.
(Ты, любовь, мне послужи,
Окажи Кермен услугу!)

Нет, не два дня, и не три,
И не десять, а всего-то
День прошу я на работу.
От зари и до зари —
За один лишь день я вышью
Жениху такой кiset,
О каком никто не слышал,
Обойди хоть целый свет.
Хоть оно не так-то просто —
Не один карман, не три —
Девятьсот и девяносто
Девять

сделаю внутри!

И на каждом том кармашке
Я весенний вышью луг,
В небе синем будут пташки,
Бабочки порхать вокруг.
Тот кiset с весенним видом
К вечеру на круг я выдам:
Человека с тем кisetом —
Осенью, зимою, летом,

Круглый год, красна, ясна,
Будет радовать весна.
Он, весной владея вечной,
Счастлив будет бесконечно.
Люди труд мой не осудят.
Помогать любовь мне будет!

Пожелав Кермен трехкратно
В избранном труде удач,
В седла сев, гонцы обратно
Скакунов погнали вскачь.
Волю жениха с невестой
Перед кругом изложив,
Сели два гонца на место,
Службу честно отслужив.
А старик, белее соли,
Снова встал и так изрек:
— Молодых похвальна воля —
Пусть народ назначит срок!
От восхода до заката
Надо срок обоим дать...

С этим родичи и сваты
Стали утра мирно ждать.

4

Поредел туман, качнулся,
Небосклон стал бледно-ал,
И весь мир от сна очнулся,
Охорашиваться стал.

Жаворонки в поднебесье
Высоко мелькали с песней,
В степь на пастьбу шел враскачку
Скот, пожевывая жвачку,
Вырвавшись из ночи темной,
Рдяной птицею огромной,
В клюве светлый день держа,
Солнце поднялось, дрожа.
Засверкал простор ковыльный,
И цветов и трав настой
Воздух напоил обильной,
Пьяной сладостью густой.

Вставший на заре румяной,
Степи оглядев красу,
С жаждой труд начать желанный,
Сразу поспешил Джамсу
В обусловленное место
У подножия холма.

Вслед за ним пришла невеста,
И сошлось народу тьма,
В нетерпенье ожидая,
Как свершит труды свои
Эта пара молодая
Ради чести и любви.

Приказав народу: «Тише!»,
Тот старик столетний вышел —
На восток направил взор,
К солнцу руку он простер
И сказал:

— Пусть молодое
Солнце это золотое

Временами проводя
Им по ногтю вкось: остёр ли?
Сбрив с затылка волосок
И под лезвие подсунув,
Тронул волос он разок,
Пополам рассек — и сдунул.
Мелодичный звон, дрожа,
Пел на острие ножа,
Словно голос пташки звонкой
С гибкой, зыбкой ветви тонкой.
Звон услышав тот напевный,
Прошептал Джамсу:
— Ну, право,
Нож — как бритва! —
И бурав он

Из кармана своего
Вынул — осмотрел его,
Все витки его ощупал —
Не зазубрены ль, не тупы ль;
Отковал затем стамеску,
Заточил, довел до блеска;
Одноручный сделал струг;
Распилл доску-шалёвку
И с привычною сноровкой
Разложил он в полукруг
Инструмент свой мастерской,
Чтобы был он под рукой...

Слыша в инструменте каждом
Пленных песен голоса,
Дать свободу им он жаждал,
Их расколдовать взялся...

И, стремясь мечтой к добру,
Начал мастерить домбру.

Заскользил по древесине
Струг его серебро-синий,
И метелью из-под стали
Кольца стружек вылетали,
Завиваясь на весу.
Руки, замыслу подвластны,
Действовали с ним согласно,
А когда глазам Джамсу
Из колодки деревянной
Вид его домбры желанной
Прорезаться смутно стал,
Волю радости он дал.
Тут же выточенной ловко
Журавлиною головкой
Увенчал он гриф и живо
Отстрогал углы красиво;
Припасенную заранее
Для отделки, на окромку,
Золотую взял тесемку —
И ее заправил в грани.
Загодя про этот час
Украшенья он припас,
Разместил их на порожках,
И алмазной мелкой крошкой
Переменчиво-игристой
Он усыпал всю домбру,
Словно небо ввечеру,
Звездной россыпью огнистой.

* * *

Вся полна одной заботой,
Молча, будто в полусне,
И Кермен свою работу
Начинала в стороне.
Разложив искристо-белый
Бархат, выправив края,
Принялася резать смело,
Из него кiset кроя.
И кiset, и все кармашки
Соразмерно, без промашки
Вырезая на глазок,
Раскроила весь кусок.
И, серебряным наперстком
И иглой вооружась,
Стала шить, металлом острым
В бархатную ткань вонзаясь.
За собою увлекая
Нить, туда-сюда пошла,
Невидимкою мелькая,
Швы протрачивать игла.
На халмак¹ с гребенкой частой
Расшивавшая цветасто
Златотканую парчу,
Нить, подобную лучу,
Нежно-голубого шелка
Втягивала за собой
В бархат резвая иголка.
Ровный, как в стекле оконном,
Цвет прозрачно-голубой

---

¹ Х а л м á к — женский головной убор.

Бирюзовым небосклоном
Распростерся под иглой.
Нитки золотой взамен
Вдевши аленькую, стала
Небо от земли Кермен
Отделять полоской алой...
Вот Кермен, иглу взнуздав
Нитью желто-золотистой,
Вышила кружок лучистый,
Солнце малое создав.
И, все так же умиленно
На свою работу глядя,
Шелк в иглу втянув зеленый,
Вышила густою гладью
Степь, и на степном просторе
Без предела, без границ
Расцвели тюльпаны вскоре,
Распорхалось много птиц,
Разлеглись стада барашков,
И на каждом из кармашков
Многоцветный мир весны
Навевал мечты и сны.
Кто посмотрит на кiset,
Вспомнит радость юных лет.
В каждой вышивке — отличие,
Но одна в них красота —
Чистота души девичьей
И любви её мечта
В дни, когда, робка, стыдлива,
Но игрива и резва,
Бродит по степи огромной
То поет, а то и шепчет
Песен нежные слова.

И так ласково-нескромно
Ноги смуглые щекочет
Бархатистая трава.
Это все и в самом деле
Открывалось в рукоделье,
Что уже убрать с колен
Приготовилась Кермен...
Лишь последнего кармашка
Не закончила она —
Вышить там одну букашку
На цветке была должна...

Вдруг Джамсу воскликнул: — Люди,
Вот она, моя домбра! —
И, смеясь, вздохнул всей грудью:
Мол, теперь сыграть пора!

6

Джамсу на струны руку резко бросил —
И песен жизнерадостно-веселых
Сыграл он ровно шестьдесят и восемь.
Где звуки те он слышал, где нашел их?
И ровно семьдесят и семь сильнейших
Калмыков — все в расцвете лет мужчины —
Под музыку Джамсу запели чинно
Торжественную песню в честь старейшин:

«Лишь песни такие народу нужней,
Что в бой увлекут и бойцов и коней.
Клянемся блюсти до скончанья веков
Священный закон почитать стариков!»

Красавицы, числом сто восемь ровно,
Любовь свою к подружке выражая,
Так жалобно запели хором, словно
Невесту на чужбину провожая:

«Плачет, тоскует бедняжка верблюдица —
Встреча ее с верблюжонком да сбудется!
Плачет невестка — свекровушка
взбешена, —
Мать бы родная пришла да утешила!»

Внимая песне девушек печальной
Под звон домбры медлительно хрустальный,

В душе у женщин и мужчин вдруг ожило
Все то, что память песней растревожило...

И вдруг та самая домбра,
Чья так была грустна игра,
Стремительно, как вихрь степной,
Взгремела песней плясовой,
Такой шальной, такой хмельной,
И в молодежной, огневой
Старинной пляске вихревой,
В калмыцкой пляске «ишкимдык»
Все буйно закружилось вмиг.
Плеснувший звуков океан,
Раздувший пляски ураган,
Весельем вдохновенья пьян,
Джамсу играл, горя душой.
С неистовою быстротой
Мелькали пальцы по ладам,

И то мизинец и большой,
То указательный и средний,
То дальних два, то два соседних,
По грифу вниз и вверх скользя
(Следишь — и уследить нельзя!)
Как бы по собственным следам,
Туда-сюда, то здесь, то там
Неслись в азарте звуковым,
Как кони в поле скаковом.

И, пальцы правой горяча,
Гремя, звеня и стрекоча,
Кричали пальцы левой:

«Эй!

Не отставать! Живей, живей!
Повеселей! Как в старину,
Щипни, тяни, рвани струну,
Одну, и две, и сразу три,
По всем ладам перебери,
Усталость, вялость побори,
Во всю длину и ширину
Родную весели страну!..»

Подобно летнему миражу,
Мелькающему вдоль горы,
На смену плясовому ражу
Теперь струились из домбры
Другие волны звуковые,
Другие голоса взывали,
Что чистым душам навевали,
Освободясь от немоты,
Как бы рожденные впервые
Людские мысли всковые
И сказок мудрые мечты...

А Солнце в небе той порою
Шло, шло — и, вдруг остановясь,
Необычайною домброю
Пленилось, диву удивясь.
И, не спеша, по небосклону
Пошло, пересекая высь,
И размышляло удивленно:
«О человеческая мысль,
Тебе, как видно, нет предела,
Так ты сильна и велика!..»

Тут Солнце к прерванному делу
Опять вернулось... А пока
Со всей степной страны калмыков,
Из ближних мест, издалека,
Шли толпы в радости великой,
Игрой Джамсу восхищены:
В ней были чарами искусства
Все помыслы их, все их чувства,
Все их мечты воплощены.
И, зачарованы игрою,
Садись люди под горою,
Поджавши ноги, на траву,
Как будто грезя наяву.
Перед породой человекьей
Забыв неодолимый страх,
Слетались птицы к ним на плечи,
И — по примеру смелых птах —
В добро волшебных звуков веря,
Сюда сбегались даже звери,
Свободных мест себе ища
Между людьми, спокойно, молча
Внимавших песне сообща.

Домбра звенела...
Морды волчьи,
И заячьи, и морды лис
Между людских виднелись лиц.
И были все так чутки уши
И так миролюбивы души!
Не только существа живые —
От человека до шмеля,
Но все растения степные,
Трава и стебли ковыля,
Метелочками шевеля,
Вперед как будто потянулись
И благодарственно пригнулись,
Джамсу, искусника, хваля.

Что обещал Джамсу вначале,
Сбылось — и ты его прославь!
Едва лишь струны зазвучали,
Мечтанья обращались в явь:
Болящий исцелялся сразу,
Родней был признан сирота,
Стекло превращено в алмазы,
С нуждой простилась беднота.
Казалось, чудотворной властью
Певучих струн озарена,
В страну бессмертия и счастья
Преобразилась та страна...

Опутана незримой сетью
Волшебной музыки, Кермен
Забыла о своем кисете.
Но вдруг в ее глаза с колен

Ударил свет слепяще-яркий:
Закатный луч на белый бархат
Упал, в искристый ворс вонзаясь,
Багряной вспышкой отразясь
В глазах у девушки...

В испуге

Кермен подумала о друге:
«Кисет не кончен! Солнце, стой!
Немного задержись, помедли,
Меня, бедняжку, не карай —
Кармашек кончу я последний!»
И мигом шпилькой золотой
Садящегося Солнца край
Пришпилила за кромку тучи
И в спешке и в волненье жгучем;
Но, все старание вложив,
Последний маленький кармашек
Расшив и множество пришив
Петель, застежек, медных бляшек,
Кермен счастливая вздохнула,
Кисет закончив дотемна.
И подняла его она,
И торжествующе тряхнула,
И всех с ума чуть не свела —
Такие начались дела!

Такого дива не бывало,
Чтоб Солнце в предвечерний час,
Как в полдень, ярко запылало
И обжигало зноем вас!
И кто бы мог поверить в это!
Расскажешь — спросят: «Не во сне ль?»
Из всех карманчиков кисета

Цветов посыпалась метель!
И сколько светлых дней счастливых
В золото-синих переливах
Кармашек каждый излучал
И радость жизни источал!
И гроздь за гроздью, диск за диском
Взлетали звезды, луны ввысь.
«Весна! Весна!» — с веселым писком
Стрижи и воробьи вились...
Кисет, любимой рукоделье,
С его цветочною метелью
И со снопами звезд и лун,
Увидев издали, Джамсу,
С рукою правой на весу,
Окаменел, не тронув струн.
Как пьяный, встал он и, шатаясь,
К любимой шел и, задыхаясь,
Воскликнул, счастья не тая:
— Кермен, красавица моя! —
Все ликовало в нем и пело,
Струил кисет лазурь и золото.
И вдруг он стал оторопело.
— Как! Солнце к облаку приколото?! —
Вскричал он, сразу помрачнев:
Погасла радость — вспыхнул гнев.

7

Как новый, бело-серебристый
Шелк без единого пятна,
Душа Кермен правдивой, чистой
Душе Джамсу была видна.

Но тут, ее проделку видя
(Народ-то был обманут весь!),
Кипел он в гневе и в обиде:
Открылась лживость ее здесь!!

— Кермен! В срок дела не ослив,
Ты злой обман пустила в ход
И, Солнце к облаку пришпилив,
Дерзнула обмануть народ!
Да ты бесстыжей стала, видно,
И совести ты лишена,
И мне такой невесты стыдно,
Такая не нужна жена!..

Убитая жестокой речью,
Кермен расплакалась. Тряслись
В рыданье судорожном плечи,
Как на коне, что скачет рысью.
Обиды горькой и тяжелой,
Неудержимая слеза
Ей нестерпимо жгла глаза —
И наземь капала с подола.
— Клянусь, что не с обманной целью
Пришпиливала Солнце я,
А чтоб закончить рукоделье.
Так велика ль вина моя?!

Так плакала, так проливала
Бедняжка слезы без конца,
И жалость людям разрывала
Сочувствующие сердца:
«За что ей стыд такой и горе?!»

Но вдруг, словно гигантский вал,
Гонимый ураганом с моря,
Неслыханно силен и страшен,
Гром в небесах забушевал:
— Чьим светлым ликом мир украшен,
Ту, у кого такой талант,
Чья каждая слеза — брильянт,
Кто на земле прекрасной вашей
Напрасно оскорбить дерзнул
И слезы-бриллианты наземь
Из чистых глаз ее плеснул,
Мечту свою обезобразив?
Нет, красоте, несущей радость,
Дающей жизни смысл и сладость,
Никто обиды и вреда
Чинить не вправе никогда!
К вам, люди, обращаюсь с неба я,
Обидчика назвать мне требуя.
Свою он кару понесет!

И Солнце властно поглядело
С небесных голубых высот,
И все земное онемело.
А Солнце, в предзакатном дыме,
На землю грозно сверк да сверк,
Джамсу руками золотыми
Схватило, потянуло вверх,
И люди звука не издали —
Столбами вкопанными стали.

В годах, в столетьях, как миражи
 Мелькнувших на пути людском,
 Никто не слышал в сказках даже
 О страшном случае таком.
 В великом потрясенье люди,
 Что под горой тогда сошлись,
 Речь обрета, о грозном чуде
 Гадали, будоража мысль,
 Гудели глухо, совещаясь,
 Поступком Солнца возмущаясь,
 В суждениях единоголосны
 Почтеннейшие старики:
 — Законам мира вопреки,
 Самоуправно, самовластно
 В дела земные почему
 Оно вмешалось? Ведь ему
 Во власть лишь небо отдано!
 Земля — владенье человека,
 И людям не судья оно.
 Так во Вселенной шло от века!
 Должны предупредить мы Солнце,
 Потребовать от беззаконца:
 «Земному возмущенью внемля,
 Вины не спрашивай с Джамсу,
 Верни скорей живым на землю
 Любимца нашего, Джамсу!
 А не вернешь его народу,
 Земную ты узнаешь месть:
 Все люди, все, кто только есть,
 В рот наберут немедля воду
 Из рек, морей, озер, прудов —

И, на тебя из полных ртов
Ту воду выплеснув, потушат
Твой жар, твою живую душу!..»

Так люди в гневе и печали
С земли Светилу прокричали.

Но, руки к небу воздевая,
В отчаянье, полуживая,
Последние теряя силы,
Кермен молитвенно просила:

— В небе ходишь с изначала дней,
Сотворенья мира ты свидетель,
Видишь ты порок и добродетель.
Что светлей тебя и что умней?!

Я тебя считала прозорливым,
Так за что, без всякого греха,
Ты меня казнишь несправедливо,
Моего похитив жениха?
Ты не слезы у меня исторгло —
Вырвало ты сердце из груди.
Смерть меня уже берет за горло.
Друга возврати мне, пощади!..

Людские выслушав угрозы,
В ответ на крик Кермен и слезы
Так прогремело Солнце вниз:
— Род человеческий, не грозись,
Что ты мое погасишь пламя, —
Не хватит на земле воды!

Но, погасив меня, вы сами
Неслыханной еще беды
И мук дождетесь смерти хуже:
Жить будете во тьме и в стуже,
Покроет землю гололед —
И сразу скот ваш перемрет
И весь ваш человеческий род!

Но, если так вам, люди, дорог
Джамсу, умелец ваш земной,
Не тратьте даром время в спорах —
Вам надо в мире жить со мной.
Найдется ль кто-нибудь меж вас,
Который так Джамсу жалеет,
Что смерти страх преодолеет —
И явится ко мне сейчас,
И вытерпеть себя заставит
Семь дней мой жар?..

И я Джамсу
От гибели тогда спасу,
А тот храбрец себя прославит!..

И в тот же самый миг с небес
На землю лестница спустилась,
Что светом солнечным светилась.
Храбрец нашелся — и полез:
Отец Джамсу!

То не геройство —
Святой любви отцовской свойство:
На все решиться, все снести,
Чтобы дитя свое спасти!

С трудом ступеньку за ступенькой
Одoleвал старик отец
И очутился помаленьку
Под самым Солнцем наконец.
Четыре дня тот жар смертельный
Самозабвенно он сносил,
Но стойкость всякая предельна,
Спустить себя он попросил.

Теперь по лестнице лучистой
Взобралась вверх старуха мать,
Но жар настолько был неистов —
Четыре дня терпела, пять,
А на шестой спустилась тоже,
Хоть сын был жизни ей дороже.

И вот настал черед невесте.
— Ради того, кого люблю,
Все в силах буду перенести я,
Семь дней все до конца стерплю! —
По золотой, многоступенной
Небесной лестнице Кермен
Добралась к Солнцу постепенно,
В чертог без кровли и без стен.
И даже Солнце удивилось
Красавице такой земной:
— Ты добровольно ли явилась?
Иль покорилась воле злой?
Ты знаешь, как жесток мой зной?
Не бойся — будь со мной правдива,
Мне жаль тебя — ты так красива!

— Я правду говорю всегда, —
Кермен ответила с улыбкой. —
По доброй воле я сюда
Пришла.

Хоть совершил ошибку
Джамсу, жених любимый мой,
Спасти его — мой долг прямой.
Стерплю твой жар семь дней
и дольше!.. —
И Солнце, удивляясь больше,
Воскликнуло:

— Как, ты согласна
Изжариться из-за того,
Кем так оскорблена напрасно?!
Безумное ты существо! —
Кермен, все так же улыбаясь,
От своего не отступаясь,
Сказала Солнцу так в ответ:

— Знай, в мире счастья выше нет,
Чем радость жертвы за любимых,
Когда мы выручить хотим их.
Во мне такой любви огонь,
Что, подойди на шаг хоть ближе,
Усов своих лишишься рыжих.
Остерегись, меня не тронь!.. —
И звонким смехом закатилась.

И тут-то Солнце убедилось,
Как может быть любовь сильна:
Готова все снести она,
Ей не страшна любая мука —
Все стерпит, не издав ни звука,
И этому — Кермен порука!..

И Солнце крикнуло кому-то:
— Ко мне, заложник, поспеши! —
И две влюбленные души
Возликовали в ту минуту.
А Солнце, сразу подобрев,
С такой к ним обратилось речью:
— На милость я сменило гнев —
Благословляю вашу встречу.
Ведь ни отец Джамсу, ни мать
Не выдержали испытаний.
Но вашей воли не сломать —
Нет для такой любви страданий,
Которых не снесла б она.
Я убедилось: эта сила,
Которой тщетно я грозило, —
Клянусь, она моей равна!
Она — нельзя сказать по крови,
Но по огню — сестра моя,
Что люди нарекли Любовью.
О, как вам благодарно я!
На землю возвращайтесь, к людям, —
Мы впредь союзниками будем!

По той же лестнице чудесной
На землю с высоты небесной
Спуститься Солнце помогло им,
Вреда не причинив обоим...

И вот — по случаю такому —
На свадебный веселый пир
Собрался весь калмыцкий мир.
Столетний старец, нам знакомый,

От возбуждения дрожа,
Встал и, домбру рукою правой,
А левою кiset держа,
Провозгласил влюбленным славу
И молодых благословил
Калмыцким древним, но живучим
Благословеньем нашим лучшим:

— Да умножается ваш род,
Да множится скота приплод;
Не ведать вам небесной кары —
Холеры, оспы и чумы,
Минуй вас бедствия зимы —
Скот да не гибнет в гололеды
И да не знать войны народу!
Всей жизни вашей ровный путь
Весь золотом уложен будь!
Увидеть правнуков должны вы,
Прожив сто двадцать лет счастливо!

Благословенье старика
Людей растрогало сердечно,
И закричали все:
— Сладка,
Счастлива жизнь их будь навечно!

И ровно семью семь потом
(Иль сорок девять) дней там длился
Их брачный пир, и день за днем
Народ калмыцкий веселился.

В любви и дружбе обоюдной
Джамсу с Кермен, своей женой,
Дорогу жизни долгой, трудной —
В кругу большой семьи родной —
Прошли счастливые и мудро
Смогли потомкам передать,
Как в жизни жить, о чем мечтать,
Что деды, прадеды в наследство
Когда-то завещали им,
Чему отцы учили с детства
И что пришлось узнать самим.

Вот и конец преданья дедов,
Поэтов — мудрых жизневедов!

САР-ГЕРЕЛ

Валентине
Николаевой-Терешковой

ПОСВЯЩЕНИЕ

Вам, влюбленной в жизнь, в ее движение,
Вам, преодолевшей притяжение
Строгой нашей матери-Земли,
Вам, блеснувшей звездочкой вдали,
Вам, чей труд, чьи испытания, право,
Столь же велики, как Ваша слава,
Та, что в мире Вы приобрели...

Вам, которая почти на «ты»
С бледнолицой Сар — моей луною,
Вам, в пространство неба ледяное
Заронившей искру теплоты,
Вам, бессмертие завоевавшей,
Вам, навеки покорившей нас
Ясным мужеством не напоказ
И улыбкой женственною Вашей,
Вам вслед я устремлял свой стих,
Времени сместив напластованья,
Смешивая с вымыслом преданья
Пределов кочующих моих...

Вам — во славу мужества и света —
Посвящается поэма эта.
Вам ее отдал я с первых строк
С той поры, когда еще несмело
Набирала цвет она и сок
И, как яблоко на ветке, зрела.

Пролог

Тысячелетие тысячелетий
Переступало Солнце окоем
И, подымаясь в небо
на рассвете,
В багряном одиночестве своем
Неутомимо Землю согревало.
Чего при нем в пространствах
не бывало?!

В крошечной бездне
вихри огневые
Вращались с дикой скоростью, крутя
Частицы раскаленные...

Впервые
На свет являлась звездочка-дитя
И, расправляя маленькое пламя,
Мир озидала круглыми глазами.
Властитель света улыбался ей
И Землю озарял еще светлей.

...Когда ложилась отдохнуть Земля,
Он также оставлял свой пост
бессменный

И шествовал, спускаясь постепенно,
В прозрачный свой дворец из хрусталя,
На одинокое склонялся ложе;
Величье ночи созерцал он лежа...

Извечной тишины не нарушая,
Сменялась череда ночных чудес:
Раскинувшись, Медвица Большая
Покачивалась на волнах небес

Весною он с особою охотой
Обогревал планет подвластных круг.
Вдруг до ушей его донесся звук...
Казалось, бегло прикоснулся кто-то
К натянутой серебряной струне...
Нет, это песня где-то задрожала,
Свежо переливаясь, в залежалой,
Давяще-затхлой вечной тишине...
Какой-то женский голос пел вдали...
Сомнений нет — он долетал с Земли!
С Земли, за тонким облаком неясной,
С Земли, где посреди весенних трав
Стояла девушка в одежде красной
И пела, руки смуглые подняв,
Хвалу владыке, Солнцу золотому...
Ему, ему и никому другому
Предназначалась девичья хвала!
Она звала... Она его ждала!

И вострепнулся Созидатель света
И, отодвинув облако, взглянул
С высот своих на чаровницу эту.
Потом лучами радостно всплеснул,
Огнем оделся, подался вперед,
Очами искрометными сверкая,
От неба отделился... И плывет,
Как веслами, руками рассекая
Студеную густую синеву,
К ней, смуглолицей, к той, что наяву
Там, на Земле, манит его, зовет,
Невольню на себя беду накликав.
К ней! К ней — во весь разгон, во весь
разлет!

...И вот он опустился на траву,
На степь благоуханную калмыков.

Глава I

В середине месяца Коня
Овцы сыты и коровы гладки,
Молоко и масло — все в достатке,
И доносит ветер запах сладкий
В середине месяца Коня.

В середине месяца Коня
Травы пахнут и свежо и пряно,
И пылают в зелени тюльпаны,
Чашечки застенчиво клоня,
В середине месяца Коня.

В день, когда раскрылись все цветы
И в хотонах было все в избытке,
Родилась под кошмами кибитки
Девочка чудесной красоты.
Прелестью ее восхищены,
Старики премудрые сказали:
— Краше девочку найдешь едва ли,
Подлинно, она — дитя весны!
Кто б ни увидал ее впервые,
Тотчас сердцем и умом светлел.

И назвали девочку родные
Именем сияющим — Герёл.
Имени светлей на свете нет:
Ведь «герел» и означает «свет».

* * *

...Начинается в степи дорога.
Времени не мало и не много
Пробежало с памятного дня
В середине месяца Коня,
Не часы, не дни и не недели:
Травы зеленели, вновь желтели,
Лес, прохожих осенявший тенью,
Облетел, чтоб снова стать шумящим,
Выпадал и снова таял снег.
Будущего смутное виденье
Прояснилось, стало настоящим,
В море прошлого направив бег.
Словом, не один промчался год
С той поры...

А девочка растет.

Весело бегут в степи дороги.
Слабый жеребенок тонконогий
Стал красавцем первым табуна.
Но мелькает за весной весна.
Зубы стерлись, пожелтели... Сбиты
Звонкие певучие копыта,
И, обняв за шею скакуна,
Говорит ему хозяин скакуна,
Говорит ему хозяин в горе:
— Старый друг, мы разлучимся
вскоре. —
Да, всему приходит свой черед.
...Девочка Герел меж тем растет.

Разветвляются в степи дороги.
На закрученном бараньем роге

Много поприбавилось витков,
Все равно как на стволе — кругов.
Чертит время на лице морщины...
Сильные плечистые мужчины
Подались, пришлось им постареть...
К темным их щекам прилипла сеть,
Та, которую нельзя стереть...
Пробегают годы, как мгновенья,
И — гляди! — другое поколенье
Шумно вытесняет стариков.
Что поделаешь?.. Закон таков:
Этот — в гору, а под горку — тот.
...Девочка Герел меж тем растет.

* * *

И в апреле, как-то утром рано,
Те, кто юн, и те, кто постарел,
Встретили негаданно-нежданно
Взрослую красавицу Герел.
Точно ли Герел?.. А не другая?..
Та ж вчера была еще дитя,
А у этой — черная, тугая
Гибкая коса бежит, блестя,
И почти касается земли...
Эту косу увидав вдали,
Поторапливается прохожий,
Ускоряет шаг, чтоб как-нибудь
На владелицу ее взглянуть:
Вправду ли она собой пригожа?
И пред светлым девичьим лицом
Застывает вдруг, остолбенев,
И хоть не был никогда певцом,
Слышит у себя в душе напев...

Чем Герел особо хороша?
Светится в ней чистая душа.
Две звезды из-под прозрачных век
Смотрят в сердце, словно утешая:
«Не печалься, добрый человек.
Будет радость у тебя большая».

* * *

Девушкам только скажи:

«Герел...» —

Молвят без лести и лжи: — Герел!..
Нет мастериц искусней у нас,
Лучшая наша швея — Герел.
Бархат пушистый, плотный атлас
Быстро разрежет, кроя, Герел.
Шубу сошьет она или цегдек¹ —
Преображается человек.
Если изъян у кого какой —
Все исправляет ее покрой.
Эта — худа чересчур, плоска,
Та полновата в свои лета...
Тронет иголкой Герел слегка —
Где худоба? Где полнота?
Вот как легка у Герел рука!
Ситцы в руке у нее, как шелка!
Лучшая наша швея — Герел!..
Ширится слава твоя, Герел!

При стариках помяни: «Герел...» —
Скажут неспешно они: — Герел!

---

¹ Цегдек — женская одежда.

Право, подобных разумниц нет!
И не ищи: не найдешь нигде!

В деле толковый подаст совет.
Грянет беда — пособит в беде.
Если в хотоне кто заболел —
Лекаря звать ли издалека?
Вы обратитесь прямо к Герел:
Знайте — легка у Герел рука!
Лучше, чем лекарь и костоправ,
Помнит целебные свойства трав,
Знаний своих не тая, Герел...
Ширится слава твоя, Герел!

Юношам лишь намекни: «Герел...» —
Скажут, что солнцу сродни Герел.
Самый застенчивый — с ней болтлив,
С ней неказистый — и тот красив.
Робкий становится храбрецом:
Сладит с любым верблюдом-самцом!
Видно, таков он, дар красоты, —
Всех поднимать до своей высоты!
Ходит, сиянье струя, Герел...
Ширится слава твоя, Герел!

К ней что ни утро, то новый сват.
Только родители говорят:
— Наша Герел еще молода,
Наша Герел не вошла в года...
Сто женихов — стройны и ловки —
Ждут ее слова, ее руки...
Только ответа нет неспроста.
Да, ни один, ни один из ста
Сердца ее пока не задел!

Конь необъезженный — сердце Герел,
Конь, убегающий от седока.
Гонятся тщетно за ним все сто,
Не заарканил его никто,
Не заарканил его пока...

Глава II

Если беда,
как в песне поется,
Счастьем невиданным обернется,
Эта беда пусть предстанет зримо,
Пусть не пройдет неузнанной мимо!

...Как-то Герел, на рассвете встав,
Сумку взяла и тропой знакомой
Вышла на поиски добрых трав,
В степь забрела далеко от дома.

Дышит раздумчивая земля
Осенью нежно и горьковато.
Пахнет она увяданьем, мятой,
Перистой сухостью ковыля...

Глянешь назад, глянешь вперед —
Ветер играет, ковыль колéбля...
Степью неспешно Герел идет,
Смуглой рукой раздвигает стебли,
Травы целебные в сумку кладет...

«Эта — для сердца, эта — для глаза.
Эта усталость снимает сразу...
Желтый цветочек многолепестный,
Если сварить из него отвар,

От лихорадки лечит чудесно,
Выпьешь — немедля спадает жар.
Этот невзрачный корешок,
Если стереть его в порошок
Да подмешать немного ромашки,
Кашель тотчас унимает тяжкий...

Нету цветка, чтобы рос без толку,
Каждая травка на что-то гожа...»

В платье своем из красного шелка
Нынче Герел на тюльпан похожа.
Вслушалась... Нет, петухов

не слышно!

Значит, и впрямь далеко хотон.
Травы шумят с четырех сторон,
Травы кругом доцветают пышно.
Крепкий курай¹, желтизна отавы...

Ходит Герел, разбирая травы...
«Эта — для сердца, эта — для глаза,
Та очищает больную грудь...»
Сумка большая полна до отказа,
Время пришло назад повернуть.

Быстро ведет ее путь обратный,
Веет в лицо холодок приятный.
Звонко

петух за холмом запел,

Невдалеке запылило стадо...

Эй, поторапливайся, Герел!

Слышишь?.. Задерживаться не надо!

---

¹ К у р а й — степное растение.

Мчится как птица.
Но кажется ей,
Всё на месте она!
Нет никого, кто бы ей помог.
И, беги не беги, —
От четырех грохочущих ног
Две не спасут ноги!

Чует Герел — погибель близка,
Жжет ей затылок дыханье быка.
Топот его отдается в мозгу,
Сердце где-то у горла
Бьется отчаянно, как птенец...
Силы иссякли. Дыханье сперло...
Камень!..

Споткнувшись на всем бегу,
Падает наземь Герел.
Конец!

Эхом в степи отдается крик.
К жертве лежащей несется бык,
Чтоб на рога поддеть!
Толстую шею он согнул...
Вдруг — словно выстрел воздух
рванул! —
Щелкнула плеть...

Стадо стерег молодой пастух.
Он и завидел издалика
Красное платье,
во весь дух
Мчащегося быка.

Соколом он взлетел в седло.
Слился в одно с лихим конем,
Вихря быстрее по степи несло
Всадника и коня вдвоем.
Степь не видала быстрее погонь —
Конь в облака взмывал на скаку!..
Все же мерещилось седоку:
С места не сходит конь!
В кровь исхлестал он коню бока.
Ох, не догнать, не догнать быка!

Стелется пыль...

И в последний миг,
Только нацелился грозный бык
Жертву рогом поддеть —
С шумом перемахнув кусты,
Взмыленный конь упал с высоты,
Воздух рванула плеть.

Грозный удар угодил как раз
Между кровью налитых глаз,
Блеск их звериный на миг потух...
Молнией прянул с коня пастух.
Мигом отбрасывает от быка
Девушку...
Точно былинка легка!

Бык издает громовой клич,
Снова готов ринуться в бой.
Девушку заслонив собой,
Вновь поднимает пастух бич,
Что из пятидесяти и двух
Наипрочнейших ремней свит,
С крепкой сандаловой рукоятью...

В детстве слышал я об этом сказ,
И как живую вижу сейчас
Смуглую девушку в красном платье.
Веки сомкнула, как будто спит...
Словно из бронзы пастух отлит,
Он и в груди и в плечах широк...

...Снова удара с оттяжкой звук,
Вновь оглушен круторогий враг.
Юноша мышцы свои напряг
И, наклонившись слегка вперед,
Мертвою хваткой могучих рук
Комли обоих рогов берет,
Правый и левый сжимает рог,
Голову бычью к земле гнет.

Молча, жестоко идет борьба!
Кто одолеет — решит судьба.

Вот, на колено одно припав,
В силе теперь утрóясь,
Вовсе исчез пастух между трав,
В землю войдя по пояс.

Кто одолеет — решит судьба...

Ноги быка — четыре столба! —
Тоже почти неприметны в травах:
В толщу сухую степной земли
Мало-помалу они вросли,
Только похрустывая в суставах...

Древняя молча идет борьба.
Кто одолеет — решит судьба.

Бык упирается. Он хрипит,
Не поддается врагу. Напружась,
Шею собрал в упрямые складки...
Но не спастись от железной хватки!
И вылезают глаза из орбит,
В злобных зрачках нарастает ужас,
Ужас до самых костей проник.
Клонится пред человеком бык!

Голову бык опускает вбок,
Ниже и ниже — в степные травы,
Их орошая слюной кровавой,
Клейкий из них выжимая сок.
Кончена битва.

Бык лег.

Юноша все ж поднажал немного
И, опьяненный избытком сил,
Два острия, два огромных рога,
Будто играя,

в землю вонзил:

— Ты с человеком тягался, зверь!
Низко ему поклонись теперь!

...Только сейчас он вспомнил о той,
Из-за кого с такой быстротой
Мчался,

кого он успел спасти

От смертоносных рогов быка.

Девушка эта ему незнакома.

В бледном лице разлилась истома...

В чувство спеша ее привести,

Он из дорожного бурдюка

Брызгает, плещет в лицо ей воду,
И открывает она глаза.
Глянул пастух... И дух занялся:
Глуби такой не видал он сроду!
Смотрит она. Смущена чуть-чуть.
Платье свое спешит отряхнуть,
Ласково шепчет:

— Спасибо, брат!

Юноша все не отводит взгляд
От соболиных бровей вразлет,
От увлажненно-свежего рта...
Девушка смотрит — сама доброта!
С травами сумку свою берет;
Легким движеньем встала с колен.
— Имя мое, — говорит, — Герел.
Имя твое мне скажи!

— Церен... —

Не растерявшись в схватке с быком,
Он до того сейчас оробел —
Еле ворочает языком.

— Храбрый Церен!

Отец мой и мать
Будут добром тебя поминать! —
И, улыбнувшись ему, она
Быстро уходит — ловка, стройна.
Платье, как пламя, горит, дразня.

Из-за холма сверкнуло... И — нет!
Крепко держа под уздцы коня,
Смотрит смущенный пастух ей вслед,
Сам не поймет, что творится с ним.

Да уж каким смельчаком ни слыви,
Время придет — и захватят в плен!

Нынешний день, удалой Церен,
Счастьем тебя подарил двойным:
Счастьем победы,
Счастьем любви.

Глава III

Вот чем она обернулась, беда!
Все рассказала дома Герел.
Поволновались родные тогда:
— О маани¹, о маани!
Боже спаси! Боже нас сохрани! —
В ужасе мать шептала не раз. —
Ну и Церен!.. И силен и смел!
Дочку от гибели страшной спас!

Девушка кончила свой рассказ...
Молча отец на мать посмотрел
И усмехнулся едва-едва:
Добрая шла о Церене молва!
...Осень прошла и зима за ней.
Но с пробуждением весенних дней,
Как зажурчали в степях ручьи,
Кто-то в хотоне заметил вслух:
— Новые сваты к Герел...
— Чьин?

---

¹ М а а н и — восклицание (заклинание),
соответствует русскому «Боже сохрани!».

Кто же сто первый?

— Церен-пастух.

Следом за сватами наконец
С достопочтенным отцом Герел
Встретился мудрый Церенов отец.
— Поговорить я давно хотел... —
Потолковали друг с другом отцы:
— Так уж оно суждено, видать...
Только начнется месяц Овцы,
Можно, пожалуй, свадьбу сыграть.

Славно задумали старики!
Месяц Овцы — благодатный май —
Счастье приносит в калмыцкий край:
Вдоволь и мяса и араки!
«Свадьба готовится!»

Эту весть

Тут же спешит по кибиткам разнесть
Свистом и щебетом

птичий народ,

Из дымохода спеша в дымоход...
«Свадьба готовится!»

На Земле —

В белом своем биизе¹ — весна.

Соки играют в любом стебле,
Степи бескрайняя быстрина
День ото дня зеленей, живей...

---

¹ Б и и з э — девичье платье.

Степь! Красоту твою вспоминая,
Полнится песней душа степная.
Снова пишу о весне твоей.
Степь!..

Не с тобой ли одной привык
Радость и горе делить калмык?
Все, что в душе у него не вместилося:
Жизнь ли ему подарила милость
Или — случалось чаще оно! —
Сердце, обидой обожжено,
Ныло, болело невыносимо,
Разве он к матери шел родимой?..
Если страданья сносить невмочь,
В силах ли мать и отец помочь?
Может, к ровеснику шел он, к другу?
Другу и так приходилось туго,
Были равны мы в своей судьбе.
Степь!..

Он к тебе приходил, к тебе,
Все претерпевшей, перевидавшей,
В горестях певшей и расцветавшей,
Дышащей мудростью давних лет...
Только с тобой он держал совет.

Ты утешала своим величьем,
Благоуханьем, говором птичьим,
Блеском и шелестом трав живых
Нищих калмыков — предков моих.
Ты у потомка в душе теснилась,
Ночью полярной, бывало,

снилась, —

Выскажешь боль на груди твоей
И пробудишься — вдвое сильней...

Разве побоялась бы Герел
Холода и жара преисподней?!

Ты приходи, приходи ко мне сюда,
Покажись из-за кургана, милый!
Будь благословенна та беда,
Что с тобою встречу подарил!»

* * *

И случилось, что весенней ранью —
Было это в месяце Коня —
Собралась Герел, как на свиданье...
И отец, и мать, и вся родня
Пред зарей в кибитке спали сладко.
Вышла из дому Герел украдкой.

Отправлялась девушка тайком
На свиданье с утреннею степью,
С предрассветным светлым ветерком,
С Солнцем, что во всем великолепье
В этот час всплывает над травой,
Поднимает посох огневой.

Взмах!.. В алмазы превратились росы.
Взмах другой!.. И сад кругом разросся
Позабытой нами красоты...
Огоньки — лиловый, желтый, красный —
Засверкали на траве атласной,
Задышали, ожили цветы.

Донник — золотистые сережки,
И ромашка на высокой ножке,

И тюльпан, и желтый чистотел,
И румянка, и кипрей лиловый,
И чудной цветок змееголовый —
Все они приветствуют Герел.
Все они с Герел заводят игры,
Гладят ноги ей, щекочут икры,
И в глаза глядятся.

Сколько их!

От сверканья, воздуха, простора
Зарыдать иль засмеяться впору —
На Герел нашел веселый стих!
Дома ходит чинно, честь по чести,
Так, как полагается невесте,
Воздает родителям почет.
А в степи она — совсем другая:
Как ребенок, прыгает, поет,
От цветка к цветку перебегая.

Отбирает лучшие в букет.
Искрятся цветы, меняют цвет,
Друг пред дружкой хвалятся нарядом,
Не сочтешь чудесных перемен!..
Но Герел кого-то ищет взглядом
И зовет, как будто кто-то рядом:
— Мой Церен!.. Поди сюда, Церен!..

Никого-то рядом с ней не видно,
И она румянцем залилась,
Рукавом прикрылась:

«Ай, как стыдно!

В детстве, что ль, не наигралась
всласть?!

Кто еще подслушал, может быть...
Хорошо ль невесте так шутить?!»
Но бурлит в ней радость бытия
И на волю рвется неустанно.
Ликованья больше не тая,
На вершину старого кургана
Поднялась Герел... Поет меж трав,
К небу руки тонкие подняв:

— Солнце!.. Ты своею доброй властью
Радости даруешь всем живым.
За тепло, за молодое счастье,
Солнце, мы тебя благодарим!

Солнце! Ты сегодня не затем ли
Разделось в праздничный наряд,
Чтоб еще прекрасней сделать землю
Для далеких внучек и внучат?

Солнце! Опустись на землю к нам!
Погости у нас хоть миг единый!
Радости великой половину,
Огнеликое, тебе отдам!

Так нечаянно Герел послала
Приглашенье Солнцу самому
И, по простодушью своему,
Не беспокоилась нимало.
Просто так пропела, наобум,
Что пришло на сердце и на ум.

Но внезапно чудо приключилось:
Огненное
        облако спустилось.

От него, как блики на воде,
Разбежались искорки везде,
Словно кто-то в щедрости своей
Разбросал пригоршнями червонцы...
Облако все ближе, все плотней,
Огненною сделалось грядой,
Зыбкий край внезапно отвердел...
И тогда увидела Герел
Старца с ярко-рыжей бородой:
В гости к ней пожаловало Солнце!

Глава IV

Вскрикнула Герел:
— О маани! —
И, молитвенно сложив ладони,
Как ее прабабки искони,
Перед Солнцем замерла в поклоне.
Но потом опомнилась немного
И сказала гостю, распрямясь,
Гордость человека сохраняя:
— Внучка вас приветствует земная!
Дедушка, мы рады видеть вас!
Как здоровье? Как прошла дорога?

«Дедушка»!.. Такое обращение
Причинило гостю огорченье.
Но пока что он стерпеть решил
И Герел ответить поспешил,
Как пристало дедушке — степенно:

— Что ж дорога?..

Путь обыкновенный,
Все же Солнце я, не кто-нибудь.
Солнцу ли страшиться расстояний?
Собирался я давно взглянуть,
Каково живете вы, земляне.
Нет ли жалоб или пожеланий?..

Поклонилась вежливо Герел
И сказала:

— Старец огнелицкий!
Свет ваш землю славно обогрел.
Ваша милость нынче не скупится —
На поля и степи шлет в избытке
Волны драгоценного тепла...
Дедушка, я в гости вас звала.
Дайте провожу вас до кибитки,
Чтоб могли доподлинно узнать,
Хорошо ль гостей мы привечаем.
Подкрепитесь там калмыцким чаем,
Порасспросите отца и мать
И других отцов и матерей...
Моего они куда мудрей,
Лучше понимают жизнь людскую,
Знают, чем он дышит, белый свет.
Ведь они, как вы, — преклонных лет...

Слыша речь разумную такую,
Улыбнулся было важный гость
(Все кругом заискрилось, зажглось!),
Но о возрасте упоминанье
Ввергло вновь его в негодование,
Молнией в глазах блеснула злость,

Брови рыжие нависли круче, —
Словом, Солнце стало туча тучей.
И однако ж красота Герел
Взгляд его манила восхищенный,
Объясниться он скорей хотел,
Так же, как любой другой влюбленный,
Как любой ничтожный сын Земли...

И воскликнул он:
— Герел, внемли!
Древнюю тебе открою тайну...

Любопытствуя необычайно,
Из приличья молвила Герел:
— Тайну — мне? Мой ум еще незрел,
Дедушка...

С о л н ц е

Молчи, моя звезда!
О Герел!.. Я знал тебя, когда
Не было тебя еще на свете!
Сквозь века я образ твой узрел.
И за тысячу тысячелетий,
В ожидании тебя, призрел
Все живое на твоей планете!
Для тебя узорами соцветий
Изукрасил я земной предел.
На крылах любви перелетел
Леденящие пространства эти
Для тебя одной, моя Герел!..

Что молчишь, краса моя земная?
Я — огонь! — сгораю от любви!
Говори, Герел!..

Но заклинаю:
Дедушкой меня ты не зови!

Г е р е л

Дедушка!.. Ой!.. Солнышко!.. Простите,
Слов таких я слушать не должна...

С о л н ц е

О Герел! Предсказан ход событий,
И судьба твоя предрешена!
Славный жребий твой издревле ведом,
И не изменить путей твоих!
Знай, тебе я прихожусь не дедом,
Я — твой суженый, я — твой жених!
И едва ты дашь свое согласие —
Ты познаешь, что такое счастье!
Ты избежнешь участи печальной
Горьких, смертных дочерей Земли...
Мой дворец, блистающий, хрустальный, —
От забот и горестей вдали.
И притом, Герел, хочу сказать я,
Пусть идет мне миллионный год, —
В небесах у нас особый счет
И свои приличья и понятия.

Звезды есть у нас куда постаре,
Кое-кто и вправду поостыл.
Я ж, Герел, в расцвете буйных сил,

Я — в зените жизни, я — в разгаре.
Видишь, излучаю жар и пыл!..
О Герел!..

Герел

Я вижу все, как есть...
И поверьте мне, о Светозарный,
Что прискорбно быть неблагодарной
За высокую такую честь!
Как подумать, что во всей Вселенной
Вы других избранниц не нашли,
Кроме девушки обыкновенной,
Кроме скромной дочери Земли!
Мне такое и во сне не снилось!
Солнце!.. Бесконечна ваша милость
И великодушьем нет границ!..
Щедростью своей, своим дыханьем
Вы дарите счастье всем созданиям,
О владыка трав, зверей и птиц!
Вам покорна наша жизнь земная,
И весна, и ликованье дня,
Вот он — вокруг меня кипит, звеня...
Солнце, это все я понимаю,
Но поймите, Солнце, и меня!
Не гневьтесь на прямое слово.
Не мечите молний, как сейчас,
Так, что страшно мне глядеть на вас!
Я... О Солнце! Я люблю другого!
Солнце всемогущее!
С высот,
Через дымку тучек легковейных,

Наша жизнь, должно быть, предстает
Точно с муравьями муравейник.

Но в груди любого муравья,
Как бы он для вас ничтожен не был,
Сотни солнц пылают, блещет небо...
Здесь, в груди, Вселенная своя!
Меры нет сердечным нашим глубям,
Звездный мир души — неисчислим.
И свои светила мы растим
Только для того, кого полюбим,
Будь он даже скромною особой.
Мир любви, о Солнце, мир
особый!

Это — наша высота высот,
Где душа сгорает, не сгорая...
Человек, любовь свою теряя,
Человеком быть перестает!

Солнце!.. Об одном прошу смиренно:
Позабудьте, Солнце, обо мне!
Радость сердца, клад мой сокровенный,
Звезды и миры моей Вселенной,
Все, что я растила в глубине, —
Отдала я пастуху Церену!..

Что там ни предписано на небе,
На земле иной мне выпал жребий:
Солнце, тут не может быть замен!
Мой избранник, мой жених — Церен!

Голосок Герел звенел так страстно!
В правоте своей убеждена,
Не боялась ничего она,

Хоть тогда же поняла прекрасно,
Что судьба и жизнь ее в руках
Старца, изрыгающего пламя.
Но пособник зла

— стоглазый страх —

Не всегда имеет власть над нами...
Нарастая до одной черты,
До своей предельной высоты,
И, перехлестнув ее с размаха,
Страх теряет силу, облик страха,
Страх послушен нам и укротим
В час, когда за правду мы стоим...

Был ответ Герел так прям и ясен,
Что его не истолкуешь вкось.
Это понял и надземный гость,
Но уйти ни с чем он не согласен...

С о л н ц е

О моя Герел!.. Слова твои
Обличают острый ум природный.
Все, что ты сказала о любви,
И возвышенно, и благородно.
Но, слагая гимн любви своей,
Защитив ее с завидной силой,
В яростном пылу своих речей
О моей любви ты позабыла.
А мои мечты?.. Моя тоска?..
Холод одиночества?..

И гулкий

Посвист мирового сквозняка?..

Нет, Герел!.. Я ждал тебя века
И сюда отнюдь не для прогулки
Совершил опасный перелет!
За тобою вслед я повторяю:
«Человек, любовь свою теряя,
Человеком быть перестает».

Проще говоря — в разлуке с милым
Для тебя на свете нет житья.
Ну, а для меня, Герел?..

Ведь я,
Потеряв тебя, любовь моя,
Тоже перестану быть светилом!
Ты, Герел, забыла обо мне!
И к тому же по твоей вине
Могут люди пострадать другие,
Близкие тебе и дорогие:
Мать, отец и этот... твой жених...
Ты, Герел, забыла и о них!

Не шути, красавица, со мною!
Соглашайся быть моей женою,
На своей планете жизнь продли!
А иначе я

лицо земное
Превращу в кладбище ледяное,
Отвратясь навеки от Земли!

Г е р е л

Солнце!.. Нет, мне изменяет слух...
Странность мне послышалась такая...
Солнце, вы... Нет, нет, не допускаю!
Светлый дух, великодушный друг!

Вы, сияющее божество,
Чтоб достичь желанья своего,
На угрозу вы идти готовы,
Справедливости попрасть основы,
Силу применять?.. И для чего?..
Это совершенно бесполезно!
Хоть сейчас меня ввергайте в бездну,
Насылайте холод и пургу!..
Я же полюбить вас не могу!
Свет вовек не совместится с тенью,
Это ясно вам, владыке дня!

Где любовь — нет места принуждению,
Сердце не послушает меня,
Что ему немило — то немило!
Повторять ли сказанное вновь?
Вероятно, Солнце пошутило...
До свиданья!.. Если надерзила,
В том не я повинна, а любовь!

Солнцу головой кивнув слегка,
В степь пошла Герел.

И, как ни странно,
Только степь в лицодохнулапряно,
Зашептала и заговорила,
Так Герел тотчас же позабыла
И слова и облик старика
И опять беспечна, как ребенок...
Может, все привиделось спросонок?..

Поскорей бы добежать в хотон:
Перед свадьбой дома столько дела!..
Но в степи внезапно потемнело.
Пал туман... Откуда взялся он?

Да когда же он успел сгуститься?..
Смолкли и кузнечики и птицы.

Туча, что ли?.. Ни дождя, ни грома!
Дико стало все и незнакомо.
Вдруг какой-то луч полуслепой
Прорвался... Герел назад взглянула...
Видит: огненной своей стопой
Солнце оком перешагнуло
Прямо в бездну...

И в нее нырнуло.
И сейчас же на небе, мигая,
Звездочка зажглась, за ней другая,
Синей мглой оделся небосклон,
Ночь над степью крылья распростерла...

Девушка глаза свои протерла:
«Звезды в полдень?! Может, это сон?»
Нет, и вправду степь в туманной мгле.
Страшно так, как не бывало сроду.
«Значит, вправду тот, огнебородый,
Отомстил всем людям, всей Земле?!»

* * *

С плачем девушка идет к хотону.
Из хотона слышны крики, стоны.
Кто-то горько прокликает ночь.
У кибиток люди, сбившись вместе,
В барабаны бьют, стучат по жести,
Чтоб немедля убирался прочь
Арахá — жестокий, черный дух,
Чудище, которое, по мнению

Стариков древнейших и старух,
Солнце пожирает в час затмения.

Грохот, крики, уханье сыча...
Кто-то многоликий, многогогий
Тянется во мраке по дороге,
Завывая, бляя и мыча...

Что тебе у нас в хотоне надо,
Араха?!
Да нет же, это — стадо,
Раннею застигнутое тьмой,
Воротиться вздумало домой!..
Вон коровы. Вон бредут собаки.
Щелкнул бич... Знакомый голос глух.
Хоть лица не различить во мраке,
Но Герел узнала, кто пастух!

— О Церен! Из-за меня беда! —
Девушка взывает, горько плача. —
Я, Герел, одна всему виной!
Всех мудрейших созови сюда!
Пусть рассудят, что стряслось со мной
И могла ль я поступить иначе?!

Глава V

Вечер, ночь ли, осень ли, зима —
Странная пора сошла на Землю,
Степи, дальние леса объемля...
Сразу потускнело все вокруг,
Глуше стал и цвет и даже звук,
Точно прекратилась жизнь сама.

Мгла сгущалась... И притом с востока
Ветер ледяной задул жестоко,
Словно тысячи холодных змей
Кольчато вползают под рубаху...
Лечь ничком и заскулить со страху?!
Да не то в уме у матерей —
Тщатся все же сделать жизнь теплей!

Эта достает из сундука
Для детишек теплые пожитки,
Та дыру в кошме своей кибитки
Чем-нибудь пытается заткнуть,
Третья, взяв побольше кизяка,
Под треножником огонь разводит:
Если даже Солнце и не всходит,
Жить-то людям надо как-нибудь!

А старухи, с четками в руках,
Вид хранят невозмутимо строгий
И бормочут: — Рассердились боги
И людей оставили впотьмах.
Ведьма нашу Землю прокляла,
Насыляет нам погибель — Зут,
Но темны пути добра и зла:
Боги и накажут и спасут...

А мужчины, те, косясь на бабок,
Все же не теряют хладнокровья
И из молодого поголовья
Отобрав животных самых слабых,
Загоняют их в кибитки:

— Ну же!

Не упрямясь! Пропадешь
от стужи!.. —

Голоса слышались из мглы:
— Эй, калмыки!.. На совет!

На сбор!.. —

Скачут улицей во весь опор
Молодые всадники — орлы, —
Удалых коней своих прищпоря,
Мчатся лихо, как на торжество.

...О веселье горя!.. О подспорье
Человеку в трудный час его!..

* * *

Был назначен важный этот сбор
У подножия одной из гор...
На опушке векового леса
Сыпал искры и трещал костер.
И в полнейшем равенстве друг с другом,
У костра расположившись кругом,
Люди разных званий, лет и веса
Меж собой вели негромкий спор.

Каждый думал так, как он умел,
Каждый говорил, что думал он...
Был хотон уже оповещен
О свиданье Солнца и Герел.

Рассуждал о том юнец бедовый
И его отец седоголовый,
Шутками блистали острословы,
Для которых жизнь всегда игра.
И Герел

с отцом своим почтенным,
Рядом с женихом своим Цереном,

Рядом с кротким мудрецом Цеценом
Молчаливо грелась у костра.

Долго длился спор, но тем не менее
Люди к заключенью не пришли,
Всех томили страхи и сомненья,
И хотелось всем услышать мненье
Мудреца из мудрецов Земли.

Доброту его и ум великий
Уважали не одни калмыки,
И не только в нашей стороне,
Но в краях заморских
знали цену
Мудрецу калмыцкому Цецену.
В тонком этом деле,
несомненно,
Разберется лишь Цецен вполне.
И когда привстал он
и во тьму
Устремил спокойный взор провидца,
Тотчас обратили все к нему
Озаренные вниманьем лица.

Голос мудреца был слаб и тих,
Речь его дышала добротой.
— Люди, это случай не простой. —
Он сказал. — Не знали мы таких...
Здесь не место гневу или злости.
Мы решим, кто прав, а кто неправ,
Только обе стороны поняв:
И Герел и солнечного гостя.

Солнце?.. Что ж, у Солнца, может
статья,
Кроме силы, есть и правота:
Девушка Герел — его мечта.
От мечты легко ли отказаться?

А Герел?.. Да разве мы вольны
Поведенья требовать иного
От невесты, будущей жены?
Ведь она дала Церену слово!
Правда — здесь. Но правда есть и там.
Как разделить правду пополам?..
Вы решенья ждете от меня?
Приговор судьи здесь не годится:
Тот, кто прав, не может быть судим.
Подождем до завтрашнего дня
И смиренно возблагодарим
Солнце,

если Солнце возвратится...
— Ну, а если Солнце не взойдет,
Значит, гибнуть всем с Землею
вместе?! —

Чей-то низкий голос прогудел. —
Голод, холод, бед невпроворот —
Вот какой достался нам удел!
А загвоздка — лишь в одной невесте!
Справедливо ль, честь ее храня,
Весь народ обречь на злую муку?

Старец поднял сухонькую руку:
— Подождем до завтрашнего дня. —

Все примолкли.

В этот самый миг

Слабый огонек во тьме возник,
Стук копыт донесся отдаленный.
Слышно — кто-то скачет из хотона,
Машет факелом...

Раздался крик:

— Эй, на помощь!.. Эй, скорей сюда!..
Волки нападают на стада!

На коня вскочил Церен

и те,

Кто покрепче был и поудáлей,
Кони их шарахнулись, пропали,
Точно растворились в темноте.
Лишь копыта цокают, звеня...

Ветер взвыл... Иль это голос волчий?..
И друг к другу — сиротливо, молча —
Прижимались люди у огня,
За спиною чуя темноту,
Ледяную, жадную пустыню..
Дождь пошел. И превратился в иней,
Замерзая тут же, на лету.
Видно, землю гололед одел.

В ожиданье смерти неминучей
Люди были сумрачны, как тучи...

И как раз тогда к ногам Герел
Черный, трепетный упал комок.
Девушка очнулась...

Что такое

Шевелится возле самых ног?
Наклонилась... Тронула рукою...

Ласточка замерзшая! Едва ли
Отогреть ее теплом руки!
Лапки жалко скрючены. Отпали
Отмороженные коготки.
Крылья в воздухе обледенели.
Бьется слабо. Дышит еле-еле...

«Птица бедная полуживая!»
Сердце у Герел от боли сжалось.
Слезы побежали по лицу.
Ласточку дыханьем согревая,
Девушка сказала мудрецу:
— Гляньте, дед Цецен! Какая
жалость!

Был в раздумье погружен Цецен,
Но услышал он слова Герел.

Ласточку он взял с ее колен,
Долго и задумчиво смотрел
В черные дробинки — глазки птички,
Влажные, как будто бы в росе...
Помолчав, сказал:

— Вникайте все
В мудрые слова старинной притчи.

Притча о Ласточке

В сказках правдивый смысл заключен.
Слушайте притчу давних времен.

Стал он болтливее, стал смелее.
Стал набиваться в лекари Змею.

— Всеядовитейший! — пропищал он. —

Корни болезни вашей понятны.
Что послужило ее началом?
Вы, о Ползучий, увы, всеядны.
Кушать изволите все, что рядом,
Что деревянно и что железно.
Пища без выбора бесполезна.
Впрок не идет она даже гадам!
Всякие там коренья да травы —
Этим вовек не наестся, право!
Разве такое сравнится с кровью?!
Скользкий! Одну изберите пищу,
Чтобы жирнее была и чище,
Да и вкушайте ее на здоровье!

На Комара
прищуренным глазом
Змей посмотрел, точно в первый раз...
«Всякой букашке отпущен разум», —
Втайне подумал
и дал наказ:

— Друг, отправляясь в луга и чащи,
Все язычком своим перепробуй!
Пищу сыщи для меня послаще,
Чтоб я возрадовался утробой!

И, услышав обращение «друг»,
С писком Комар проплясал свой круг

И полетел, по змеинному слову,
Пробовать кровь у всего живого.

Пьет, с высочайшего изволения,
Кровь — и звериную, и людскую, —
Пьет и причмокивает, смакуя,
И, наконец, составляет мненье...

Гордый догадливостью своею,
Чуть не вприпляс он пустился к Змею,
Да на пути, у большой реки,
С Ласточкой встретился легкокрылой.

— Что ты, Пискливый, — она
спросила, —
Пляшешь, как будто хлебнул араки?

Начал Пискливый пред ней хвалиться.
Стал он рассказывать умной птице,
Как, не щадя комариных сил,
Важную оказал услугу
Змею —

родному брату и другу.
И, подбоченьясь, Комар спросил:
— Знаешь ли, птица, какая пища
И благородней другой, и чище,
И драгоценней всего от века?

— Что ж, о Пискливый?..
— Кровь человека!

Ею не брезгают даже люди!
Кто хоть единственный раз когда-то
Крови вкусил своего собрата,

Тот об ином не мечтает блюде!
Змей как попробует крови сладкой, —
Взвизгнул Комар, — как во вкус войдет,
Так человеческого гордый род
Весь истребит он, весь без остатка!
Только об этом пока — молчок...

Ласточка молвит, как будто льстиво:
— Ну и остер у тебя язычок!
Вот бы взглянуть на такое диво!
— Что же, любуйся всласть на него! —
Тотчас же пискнул Комар хвастливо...

Дорого встало ему хвастовство!
Только он высунул
тонкий, длинный
Жалящий свой язычок комариный, —
Птица проворно

голову вбок,
Стукнула клювом... Где язычок?!
Выклюнула

и сплюнула сразу,
Чтоб не схватить от него заразу.
Сплюнула...

И поднялась в облака,
На язычок не взглянула даже...
Ибо — хотя протекли века! —
Но ничего в нашем мире пока
Не было, нет и не будет

гаже
Длинного злобного языка!

Мчится Комар безъязыкий к Змею,
Но, объяснить ничего не умея,

Так-то красива, так-то мудра,
Все языки превзошла человечья,
Да и змеиное знала наречье,
Да и пицание комара.

Речи звериные разумея,
Всех поняла — комара и змея.
Вот и решилась на колдовство:
Ради спасения рода людского
Ласточкой стала круглоголовой.
Только не ведала одного,
Лишь одного и не знала слова —
Как человеком сделаться снова.
Птицей она навсегда осталась,
А ведь с каким женихом рассталась!
Мертвой нашли ее на пути.
Было ей горько, было и тяжко...
Не пожалела жизни бедняжка,
Чтобы других от смерти спасти!

— Так и нужно людям поступать!
Девушка вела себя отменно! —
Низкий голос прогудел опять,
Тот, что раньше возражал Цецену. —
И Герел согласие дать должна,
Не светилу гневному в угоду,
Пусть собой пожертвует она
Для народа, чтоб помочь народу!

— Пусть Герел пожертвует собой! —
Люди закричали вразнобой.

И, поникнув головой красивой,
Ни жива Герел и ни мертва...

Но встает Цецен... Его слова,
Как всегда, просты, неторопливы...

Человеку, что судил всех строже,
Говорит он ласково:

— Сынок!

То, что здесь, на круге, ты изрек,
Будто бы на истину похоже,
Справедливо будто бы. Но все же
Есть в твоих суждениях порок.
Убоявшись холода и мрака
(Что вполне простительно, однако!),
Ты, под жестким натиском невзгод,
Приказал Герел весьма сурово:
«Пусть народу жертву принесет!..»
Ты, сынок, упомянул народ,
Но скажи, что значит это слово
И какая мысль таится в нем?
Всякое ли скопище зовем
Славным этим именем.

Едва ли

Так бы нас праправнуки назвали,
Если б дали мы Герел наказ, —
Мол, «собой пожертвуй ради нас,
Ты, Герел, одна за всех в ответе!»
Так народ не поступает, дети!

Свойственно народу чувство чести.
Мы ж сейчас, как стадо, сбились вместе,
В страхе покоряемся судьбе,
Каждый думает лишь о себе,
О своей беде, своей кибитке...
Верьте мне, народом нам не быть,

Если мы не сделаем попытки
И любовь и правду защитить!

Потому что подлинный народ —
Это справедливости оплот.
Разума и сердца торжество
Он осуществляет без помех.

Здесь
        один
                горой стоит за всех.
И стеною
        все за одного!
Облеченный истинною властью,
Он — что камень
                и литая медь.
Жить с таким народом —
                                честь и счастье.
За него почетно умереть.

Вот такой народ — работник, воин! —
Жертвоприношения достоин.
В испытаниях он и тверд и смел.
Мы ж, не заслужив такого званья,
Вправе ли мы ждать самозакланья,
Самоотреченья от Герел?!
Испугавшись темноты и стужи,
Что ни час мы делаемся хуже,
Мужество теряем
                на глазах,
Нас достоинства лишает страх!
Повторяю: надо ждать рассвета...

— Дед Цецен! Гляди, рассвета
нету! —

Крикнул кто-то.

— Истекает срок...

Ты ж приучен разбираться в звездах,
Сдвинулись они... Но черен воздух
И ничуть не посветлел восток!
Солнце нынче не вернется к людям!

И сказал Цецен:

— Тогда мы будем

Не один — семь дней и семь ночей
Дождаться солнечных лучей!

С холодом мы справимся работой.

Силой духа одолеем мрак.

Так, о люди?! —

С явной неохотой

Люди все же отвечали:

— Так.

Глава VI

День или ночь?.. Мертв окоем.

Черной клюкой стуча,

День стал ночью. Ночь — днем.

Ни одного луча.

Вместо весенних дождей — пурга.

Дико в степи, глухо...

Скот пропадет без кормов.

Снега́

Верблюду по брюхо.
В сумрак

хотон погружен сплошь.

Бабкам во тьме бредится:
«Ох, человек, от богов не уйдешь!»

Голод.

Гололедица.

Ночь или день?..

Черным-черно

Нынче на белом свете.

«Ох, человек, пропадешь все равно!»

Холодно.

Плачут дети.

Плачет земля о былом тепле.

Когти ветров — остры.

Звезды — на небе.

И на земле

Скорбные звезды — костры.

День или ночь?

Неуследим

Ход их в глухом тумане.

К небу восходит горчайший дым

Горестей и страданий.

Даже отдельные деревья

Вырублены до корня...

Степь — словно бритая голова.

Стало ветрам просторней.

Рвутся в кибитку. Треплют кошму,

Хрипло визжат от злости.

Голос их сводит людей с ума.

Кажется людям, что смерть сама

На ледяном погосте
Пляшет и, вглядываясь во тьму,
Дует в дуду свою — гаганьму —
Из человеческой кости.
Пляшет, кривляется чья-то тень —
Смерти, судьбы ли, черта?..
Третья ночь или третий день?
Вечность
        иль день четвертый?

Нет ни луча.
Над головой —
Хохот сыча.
Собачий вой
Людам сулит злую беду.
Дует смерть в гаганьму-дуду...

Душу тянет, томит во мгле
Посвист ветров воющий.
Значит, погибло все на земле?
Вымерло все?

        Не все еще!
Не заглушить разгулу ветров
Трезвого голоса топоров.

Строго нахмурены лбы у всех.
Губы накрепко сжаты.
Люди в степи разгребают снег,
Глухо стучат лопаты.
Пусть пред глазами,
        точно стена,

Темень стоит густая —
Люди отгонят от табуна
Наглые волчьи стаи.

Мука всей Земли — из-за меня?!
Почему жестокое светило,
Распалившись гневом,

не казнило

Лишь меня: ведь я — причина зла?!
Стала бы я пеплом и золою,
Но зато бы это горе злое
На других людей не навлекла!

Ц е р е н

Милая моя! Себя не мучай
И причиной бедствий не зови!
Ты своей душой — из лучших

лучшей, —

Повинуясь голосу любви,
Не хотела никому худого.
Но...

Когда б тебе вернул я слово,
То, что столько счастья мне дало, —
Солнце воротилось бы, взошло
Над Землей, обид не поминая?!

Г е р е л

О Церен! И я того не знаю!
Может, Солнце и продлило б мечь,
Может, все осталось бы как есть
Даже после моего согласия.
Но скажи мне, что такое счастье?
Думалось — нет в мире ничего,
О Церен, твоей любви дороже...
Я люблю Церена моего.
Любим мы по-прежнему... И все же...

Если вправду вымрет все живое
И останутся на свете двое,
Уцелеем только мы вдвоем,
Разве счастье мы с тобой найдем
В ледяной пустыне, на могилах
Матерей, отцов, подружек милых?!

Ц е р е н

Что тебе сказать, моя Герел?..
От неисчислимой силы вражьей
Защитить бы я тебя сумел!
День и ночь стоял бы я на страже,
Чтоб тебя, любовь мою, сберечь.
Я бы на дракона поднял меч,
Если б он к нам заявился в гости...
Но, Герел, на ледяном погосте
Прекращаются любви права:
Где иссякла жизнь — любовь мертва,
Страшно сердцу в этой бездне черной.
Вымрет все: надежда, радость, гнев,
И навек замрет, оледенев,
Ключ любви, источник животворный.
Без людей, без дружбы и участия
Нас добьют отчаянье и страх.
Нет, на человеческих костях
Человеку не построить счастья!
Я сказал, что думал. Не сердись!

Г е р е л

Милый, те же мысли родились
И во мне. Мне тоже так казалось...

Милый, за твою прямую душу
Всей душой благодарю тебя.
Что бы там потом со мной ни случилось,
Помни, я обета не нарушу,
Одного тебя всегда любя...

Ц е р е н

О Герел! Ты говоришь, как будто
Ты со мной последние минуты,
Точно сотня ядовитых стрел
Сердце бедное твое пронзила.
В этой мгле ты — словно бы вдали.
Но седьмые сутки не прошли,
Может, сжалится еще светило...
Веселее будь, моя Герел!

Г е р е л

Для веселья нет причины, милый...

С верного пути не сбились кони.
Мрак вокруг немного поредел:
Кое-где горят костры в хотоне.
Вот кибитка, где живет Герел.

Под кошмою говор приглушенный...
Гости собрались... Но где же
мать?

Матери в кибитке не видать.
Вкруг огня — все старики хотона.
А в углу, похоже, кто-то спит,

Толстыми овчинами прикрыт,
Тяжело и слабо их колышет —
Кажется, овчины сами дышат.

Дед Цецен взялся за кочергу,
Угольки разгреб...

— Садитесь ближе,

Ближе придвигайтесь к очагу.
Нелегко приходится? Я вижу,
Что за эту тяжкую неделю
Вы как будто вдвое повзрослели...

Но тревожит что-то старика:
Нет в лице спокойствия былого.
Нехотя, цедя за словом слово,
Пристывает он издалека:
— Дети, если океан в волненье —
Рыбке, говорят, несдобровать.
Учит жизнь терпенью и терпенью...
Ты, Герел, спросила: «Где же мать?»
Из кибитки вышла мать вчера:
Отвязалась у нее корова,
Сами знаете — мороз суровый
Да еще кругом такая мгла...
В темноте тропу найти легко ли?
Чуть, бедняга, не замерзла в поле.

Девушку как будто обожгло.
Вызова понятны ей причины:
Там, в углу, где зыблются овчины,
Мать лежит и дышит тяжело.

Вся в слезах
Герел ломает руки.
— Плачь, Герел! —

сказал другой старик. —

Долг наш перед матерью — велик.
Не оплатишь материнской муки,
День и ночь ее благодаря.
Мы, калмыки, говорим не зря:
«Если мать попросит, вскипяти
Чаю даже у себя в горсти».

Плачь, Герел, над ней и над собой,
Но поплачь и о своем народе.
Ведь седьмые сутки на исходе,
Нелегко тягаться нам с судьбой.

Мать отбросила овчины, села...
Страшен вид ее в рубахе белой,
Голос кажется чужим, тугим:
— Слышишь, дочка, помоги другим!
Людам, людам надобно помочь.
Трудно людам... Помоги им, дочь!

И плывут в дыму перед Герел
Скорбные, измученные лица...
Да, седьмые сутки пытка длится,
Не пора ли положить предел?
Девушка в слезах глядит на мать,
На Церена, на других, опять
На Церена... Вздогнула от боли:
«Разлучиться с ним по доброй воле?!»

Сколько у нее в глазах тоски
И любви — неутоленной, лютой, —

Что Цецен не вынес...

— Старики!

Час рассвета не пришел как будто.

И к тому же — надо отдохнуть.

С матерью своей, Герел, побудь!

И ушел Цецен со стариками,

И Церен ушел за ними вслед.

Мать уснула... Пляшет красный свет.

Съежилась Герел, глядит на пламя.

В теплую золу кладет ладонь

И тихонько говорит:

— Огоны!

Ты, что всех отважней и мудрей,

Душу робкую мою согрей!

Ты, могучий и прекрасноликий,

Силой одари меня великой!

Расточающий во тьму

лучи,

Озари Герел

и научи!

О цветущий в глубине тумана!

Не твои ль живые языки

Шевелятся, словно лепестки

Красного огромного тюльпана?!

И не ты ли борешься со мглой,

Высоко взлетая над землей

Птицей краснокрылою?

И все же

Черной осыпaeшься золой.

И тебе, быть может, трудно тоже?

Может статься, чтоб светить и греть,
Надо, не щадя себя, гореть,
До конца сгореть, испепелиться,
Птицей-ласточкой оборотиться
И людей от гибели спасти.

Видно, так...

Прощай, Церен!.. Прости!

И она откинула кошму
И вступила в ледяную тьму.

Стих буран, и ветер ослабел,
И в хотоне услышали ясно:
— Солнце, Солнце!.. Это я, Герел!
Я решила, Солнце!.. Я — согласна.

Глава VII

Той предутренней порой
едва ли
Хоть в одной кибитке задремали.
Разнесла стоустая молва,
Что Герел произнесла слова —
Те, которые так долго ждали.
И теперь измученных людей
Лишь одно сомнение томило:
Может статься, гневное светило
За неделю эту позабыло
Путь к заброшенной Земле своей?

Все хотят об этом знать заране...
Прорицатели, нахмурив лбы,
Принялись за старое гаданье:

Изучают косточки бараньи,
Долго держат над огнем лопатки,
Вглядываются в узоры трещин
И вещают:

— Люди, все в порядке!
День счастливый косточкой обещан,
Вот благоприятный знак судьбы!

Истомившись без тепла и света,
Люди ловят добрые приметы,
Веря и не веря — пополам, —
Что, замечу, свойственно и нам!

...Утренняя вспыхнула звезда.
Час рассвета близок...

И тогда
Новый слух кибитки облетел:
— Люди, поспешите к Меч-горе!
С Меч-горы

на утренней заре
В небеса поднимется Герел!

Меч-гора — ох, стара она!
Меч-гора — что вверх, то и вширь!
Меч-горе стоять и стоять.
В стародавние времена
Поднял свой булат богатырь,
Сжав тяжелую рукоять,
Возгласил:

— Пускай племена
Позабудут слово «война»!
Да вкусят все люди покой,
Перестанут колоть и жечь! —

И воткнул могучей рукой
В землю
свой боевой меч!

Что воды с тех пор утекло!..
Меч песками обволокло.
Поливало его дождем,
Опалял его летний зной,
Обвевал его вихрь степной,
Нарастали скалы на нем...

Тот обросший камнем
булат
Меч-горою стал, говорят.

У подножия Меч-горы
Пред рассветом сошлись на зов
Люди из окрестных краев.
Здесь они развели костры,
И во тьме зловеще-багров
Был неверный отблеск костров,
Словно крови поток стекал
С Меч-горы
по уступам скал.

А на самом верху, где пик
В облака ушел напрямик, —
Там, пылая словно тюльпан,
Разрывая черный туман,
Далеко озаря тьму,
Небывалый костер горел...
И увидели все
— к нему
По горе всходила Герел.

И заплакала вслух Герел,
Как не плакала отродясь,
Посмотрела вокруг Герел,
На все стороны поклонясь:

— Вы, родные мои, семья!..
Вы, степные мои края!
Дайте я на всех погляжу...
Я от вас навеки уйду,
Потому что я вас люблю,
От земной любви во хмелю,
Совладать не умея с ней,
Истерзала я вас, казня,
Целых семь беспросветных дней!..
Вы простите, люди, меня!
Потону я сейчас во мгле.
Будьте счастливы здесь, в тепле,
В нашем светлом краю земном!
Помяните меня добром!..

Говорила Герел с мольбой,
И рыдали люди кругом
Над несчастной ее судьбой,
И готов был сейчас любой
Удержать ее за подол...
Человек — он совсем не зол,
Он бывает добрым, когда
Отлегла от сердца беда,
Позабылся на время гнев...

А Герел, на лебедя сев,
Головой кивнула родным,

А лучи лились без конца:..
Снова сын увидал отца,
Снова брата увидел брат.
И узнали все, говорят,
Что на свете прекрасней нет
Человеческого лица.

И, увидев опять вдали
Ширь степей
и простор полей,
Все узнали, что нет милей,
Чем лицо родимой Земли...

А когда отогрелись все,
А когда насмотрелись все
На забытую красоту,
На сияющий мир земной, —
Все увидели в небе
ту,
Что такую тяжкой ценой
Людам свет вернула и жар,
Принеся свое сердце в дар:

Высоко над Землей ночной
И над Меч-горою родной
Обернулась Герел
Луной,
Серебристой Луною — Сар.

Меч-горе — стоять и стоять.
Сар-Луне — сиять и сиять.

Эпиграф

Но где ж скрывался тот, кого Земля
Ждала с такой тоской и

упованьем?

Он в голубом дворце из хрусталя
Все эти дни томился ожиданьем.

Все эти семь невыносимых дней
Световластитель

света сам не видел.

И Землю он отнюдь не ненавидел —
Он просто-напросто забыл о ней,

Единственной мыслью поглощен,
Что нет Герел, что истекают сроки...
Вдруг засияло что-то на востоке,
Властитель вздрогнул.

И увидел он:

Вдали, где мрак внезапно поредел,
Восходит юная Луна — Герел!

И засмеялось Солнце!..

Добрый смех

Насквозь пронзил пространство ледяное
И обернулся на Землю весною!
Запели птицы, и растаял снег.

Был ясен Солнца светозарный лик,
Однако на щеках чернели пятна...
Происхождение их теперь понятно:
В чертог Световластителя проник
Дым от костров, курившихся в тумане, —
Прогорклый, едкий дым людских страданий!

...Навстречу девушке спешит Великий.
Но пятна черные на светлом лике
Напомнили Герел, какое зло
Земле несчастной
Солнце принесло.

И вот Луна-Герел, в приливе гнева,
Бегом от Солнца, к западу, налево
Летит в струистом биизе своем,
Легко переступила окоем
И спряталась...

(Напору силы грубой
Случается порой и уступить,
Но совести и сердца не купить,
И то, что нам не любо, — то не любо!)

Тысячелетия тысячелетий
Прошли с тех пор...
Но только на рассвете
Проглянет Солнце —
трепетна, бледна,
Сойти с небес торопится Луна.

Так было и пребудет неизменно,
Покамест день еще сменяет ночь:
Луна от Солнца убегает прочь,
Верна Герел любимому Церену...

А что Церен?
От горя и печали
В хотоне всех он избегал вначале
И в одиночку (иль вдвоем с Луной?)
Блуждал в степи серебряной, ночной.

Потом пронесся по кибиткам слух
(Охотно рассуждаем мы о ближних!),
Что стал обшительней Церен-пастух,
Но все же он — чудака и чернокнижник.
Что по ночам он строит корабли,
С пристрастьем изучает птичьи крылья, —
Короче, прилагает все усилья,
Чтоб оторваться от родной Земли
И где-то там, в дали неодолимой,
С невестой встретиться своей
любимой.

Кипучая жила в Церене сила.
Но в небеса подняться он не смог,
В своих исканьях горько одинок.
Не это ли ошибкой главной было?..

И говорят, что завещал он внукам:
Да посвятят они себя наукам
И в небо дерзко устремят полет,
Там храбрецов нетерпеливо ждет
Луна-Герел
в извечной круговерти.

И те, что ради счастья всех людей
Способны жизнью рисковать своей,
Стяжая славу,
не подвластны смерти!

Пастух Церен свершенья не достиг,
Желанной цели не сумел добиться.

Но сквозь века летят легенды-птицы
И гнезда вьют они в умах людских,
Приносят птицы в клювах золотых
Познанья зерна, мудрости крупицы.
И может случиться, в этот век чудес,
В котором мы ведем беседу с вами,
Для смельчаков, проникших в глубь небес,
Церенова мечта — не за горами...
(«Не за горами!..» Разве не смешно,
Что некогда преградой были горы?)
Мудрейшим и храбрейшим суждено
Пуститься в дальний путь, должно быть,
скоро.

Они, усилия объединив
И подкрепив познанием порыв,
Преодолели прошлого ошибку.
И тем, кто мудр и беззаветно смел,
Готова подарить свою улыбку
Луна-Герел, иначе — Сар-Герел.

ПОВЕЛИТЕЛЬ ВРЕМЯ

ГЛАВА I

О том, как степь стала безлюдной

Без поводьев, без узды,
Без плетеного хлыста
Мчится черный конь беды,
Мчится весть из уст в уста.

Сквозь дырявую кошму
Пробрался в кибитки страх,
И, как свойственно ему,
Гнезда вьет в людских сердцах.

Страшный слух ползет окрест,
И, кибитки разобрав,
Поднялись калмыки с мест,
Подались от сочных трав
В неизвестный тяжкий путь,
Уторапливая шаг,
Кто в леса куда-нибудь,
Кто в пещеру, кто в овраг...

Хоть скачи неделю вскачь,
Степь — безлюдна, степь — мертва.

Лишь ягнят забытых плач
Слышен в ней едва-едва.
Всюду — пыль да солончак.
Веет ветер — вестник зла...
Где дышал теплом очаг,
Там — холодная зола.
Жизнь застыла, замерла,
Слышен дальний волчий вой...
И, поникнув всей травой,
Степь калмыка позвала:

— Где ты, сын мой?.. Где калмык?
Кочевать ушел куда?
Ты ж пасти в траве привык
Четырех родов стада.

Где теперь верблюдиц крик,
Ржанье, бляенье и мык?!
Вид мой нынче гол и дик...
Где хозяин, где калмык?!

Что нашел ты мне взамен?
Разве плохо меж цветов
Отдыхал ты от трудов?!
Брынзу съешь, попьешь чиген¹
И затянешь под конец
Песню грустную свою...
Стихло все в степном краю...
Где красот моих певец?..
Что калмыка не видать —
Озорного удалца?..

---

¹ Ч и г е н — кумыс.

Выйди в теплой шубе... Сядь
На лихого бегунца!

Вихрем будет он лететь,
Ты ж покрикивай: «Хеды! Хеды!»,
Да стремительней орла,
Выпадая из седла,
Изловчись и на весу
Ухвати за хвост лису!

Или плеткою своей
Волка серого огрей,
Чтобы он, пластаясь, лег,
Чтобы ты, удамый, мог
Прикрутить его ремнем,
Прихватить домой живьем,
Вот, мол, «вся и недолга!
Полюбуйтесь на врага!».
Кличет степь... Калмыка нет.
Завивает ветер след,
Далеко ушел хотон...

Где же, в чем причина бед?..

Может, с четырех сторон,
Из чужих, коварных стран,
С тихим позвукон стремян,
Ощетинивши штыки,
Враг ведет свои полки?!
Может быть, набравшись сил,
Он мгновенье улучил,
И теперь, в глухой ночи,
Подошел исподтишка?

Может, тучей саранчи
Двигутся его войска?!

Значит, враг напал врасплох?..
А быть может, это — бог?!
Может, он смотрел на нас,
Видит: мир в грехе погряз,
Каждый третий — лжец иль вор,
И разгневался творец
И насрал на землю мор,
Чтоб живым пришел конец!..
Может, он средь бела дня
Столп воды и столп огня
Двинул по степям стеной,
Насылая холод, зной,
Низвергая наугад
Серный дождь, железный град,
Синих молний огнепад,
Черных молний шквал шальной...
В том, что вымер край степной,
Враг ли, бог ли виноват?..

Но когда случилось так,
Что коварный грозный враг
Неожиданно напал, —
Где ж великий был Хамбал?..

Где его богатыри —
Смельчаки и силачи?..
...От зари и до зари
Славят хана джингарчи.

У него стальных мечей —
Что иголок у ежа.

От огня его очей
Скалы рушатся, дрожа.
У него нойон Хаджи,
Что превыше всяких слав.
Купит он — лишь прикажи! —
Семьдесят любых держав...

Хан Хамбал непобедим.
Кто сравнится властью с ним?..

Он премудр, и он силен
Неизменной правотой.
Враг склонится, посрамлен,
Перед желтой пестротой
Боевых его знамен!

Быть не может, чтоб Хамбал —
Он, могучий лев степной, —
Точно заяц, побежал,
Обратясь к врагу спиной?!

Хан Хамбал бежать не мог!
Виноват небесный бог!..

Но когда б и впрямь господь,
На престол из туч воссев,
Свой — не слишком правый — гнев
Не сумев перебороть,
Руку в ярости простер,
Шевельнул перстом... И вот
Напустил смерчи и мор
На людской злосчастный род, —

Что же медлили они,
В пагодах своих, в тени,
Те, причастные к богам
Ламы, сотни сытых лам,
Что взирают свысока
На калмыка-бедняка
И искательно-добры
С теми, кто несет дары?!
Неужели в трудный час
Ламы, к богу обратясь,
Заступиться не могли
За простых сынов земли?!

Так, виновны ламы?..
Нет!
Где же он — источник бед?!

ГЛАВА II

О хане Хамбале

В чем же он, источник бед?..
Любопытный, потерпи,
И услышишь ты ответ,
И узнаешь — что в степи.

Кто народ в бега погнал.
Оттеснил на рубежи?..
Это сделал хан Хамбал
И нойон его Хаджи,
Убедив людей, вдвоем,
Что страшней, чем божий гром,

Что опаснее войны
Зло внутри самой страны.

Распаляла хана страсть.
Имя этой страсти — «власть».
Свой народ скрутил, связал
Прочной нитью хан Хамбал.
Он держал ее в руках.
Имя этой нити — страх.
Был Хамбал стоглаз, стоух.
Кто бы что ни молвил вслух,
Доносил о том тотчас
Недреманный ханский глаз,
Ухо ханское и нос,
Соглядатай, верный пес,
И за дерзкие слова
С плеч катилась голова!

Днем и ночью кровь лилась.
Ощувив, что значит власть,
Сердцем хан окаменел,
И никто вокруг не смел
Искру света заронить
В темноту его души...
Всех держала страха нить...

А нойоны и тайши
Уловляли на лету
Приказания его,
Прославляли доброту
И всезнание его.
И хвалу его делам,
Воскуряя фиммиам,

Возносили к небесам
Ламы — сотни сытых лам.
Столь манил их блеск наград
На бортах одежд святых...
(Ламы в пагодах своих
За погоду следят!)

Возражений не слыхав —
Кто посмел бы спорить с ним! —
Хан Хамбал всегда был прав,
Прозорлив, непогрешим
И под сладкий хор льстецов
(Лучшим был Хаджи-нойон!)
Понял, что из мудрецов
Самый-самый мудрый —
он!..

Помня это, хан Хамбал
Редко-редко раскрывал
Уважаемый свой рот,
Чтоб трепещущий народ,
Как жемчужины, берег
Те слова, что хан изрек,
Чтоб, восторгом обуян,
Лобызал он ханский след...
Был ли вправду счастлив хан?
Кто сказать посмеет «нет»?
Над людьми натешась всласть,
Рассуждал он:
«Под луной
Есть ли что ценней, чем власть?!
Я ль, Хамбал, не бог земной?!

Захочу — озолочу.
Захочу — предам мечу!

Я — владыка из владык!»

Но, случилось, в некий миг,
Гордым помыслам назло,
Вдруг сомненьице скребло
Душу, где-то в глубине
Копошась, как мышь в копне,
Подступив слюной ко рту,
Портя жизни полноту.
Если б мог он как-нибудь
Сам себе проникнуть в грудь!..

О, тогда бы хан Хамбал
Мышь проклятую достал
И швырнул бы злобно сам
На потеху жадным псам!
Но не властен он над ней
Непонятно почему,
И она скребет сильней...

И не раз, не раз к нему
Сквозь закрытый плотно вход,
Через семь глухих ворот
Пробирался рой теней...
Возле спальни — караул.
А у ложа — смутный гул,
Стоны, ляг и скрип костей...
Тьма непрошенных гостей
Колобродит здесь всю ночь...
Хан привстанет, крикнет: — Прочь!
Где визирь? Ко мне скорей!.. —

И немедля из дверей,
Раздвигая створы вширь,
Грузно движется визирь.
Хан белей, чем полотно: —
Сколько нынче казнено?.. —
И, согнув с трудом свой стан,
Назовет визирь число.
С каждым днем оно росло!..

Помолчит и скажет хан:
— Да, враги, враги вокруг...
Злонамеренна их речь.
Ты, визирь, со сворой слуг,
Вы должны меня беречь,
Лишь в моей большой тени
Могут длиться ваши дни!
Я паду — не станент вас.
Вы повиснете в петле,
Ибо вслед за мной тотчас
Страх исчезнет на земле!

Нитью страха хан Хамбал
Свой народ скрутил, связал...
Отчего ж его впотьмах
Самого терзает страх?

Что же в гулкой тишине
Он со лба стирает пот?
— Прочно ль связан мой народ?
Может, заговор в стране?
Соглядатая ко мне!..

Соглядатай — ханский глаз —
Вполз, сквозь двери просочась...

— Обойди дома кругом!
Если сыщется жилье,
Где пред Буддой не стоит
Изваяние мое,
Пусть сожжен он будет, срыт,
Нечестивый этот дом!..
А того, кто в доме том
Угнезвился, как змея,
Гнусный замысел тая,
Вместе с домом ты сожжешь!..
Голову собачью — с плеч!
Размозжить!.. Казнить! Отсечь! —
Хан хрипит, впадая в дрожь.

...День и ночь дрожал Хамбал:
Как бы с трона не упасть!..
Но по-прежнему считал
Наивысшим счастьем
Власть.

ГЛАВА III

О нойоне Хаджи

Властью дорожа, Хамбал
Лишь вернейших возвышал.
Спросишь ты: средь ханских слуг
Кто особо отличен?
Кто у хана первый друг?..
Скажут все Хаджи-нойон!

Поутру, глаза открыв,
Только он исподтишка

Не щипал себя слегка,
Проверяя: точно ль жив?..
Не страшны ему ножи,
Не опасна булава.
У щекастого Хаджи
Не такая голова!

С толстой шеи, с круглых плеч
Палачу ее не снесть.
Должен хан ее беречь:
У Хаджи таланты есть!

В чем талантов этих суть?..
Может быть, Хаджи умен?
Может быть, Хаджи-нойон,
Прозревая жизни путь,
Настоящее с былым
Сверил разумом своим
И направил мыслей бег
Далеко, в грядущий век?..
Или, может быть, в боях
Слыл Хаджи богатырем:
Сек врагов во весь размах,
Подминал гнедым конем,
На копье низал тела,
Как кусочки шашлыка?
Может быть, его рука
От врага страну спасла?..
Иль искусство скрипача
В совершенстве он постиг?
Души музыкой леча,
Украшая жизни лик,
Сея радость и тепло,
Чтобы все кругом цвело?..

Нет — увы! — Хаджи-нойон
Не был знаньем умудрен,
И, не склонный рисковать,
Не крушил он вражью рать.
Да и скрипка ни при чем,
Не был он и скрипачом!

Дар Хаджи ни с чем не схож,
Но, однако же, хорош!
Право, впору хоть кому
Позавидовать ему!
Усмехнется он хоть раз,
С губ его слетит алмаз!
Чуть зубов покажет ряд —
И жемчужин крупных град
Звонко сыплется в мешок:
Сто жемчужин — за смешок!
Как наполнятся мешки,
Прекратит Хаджи смешки!
Зарыдает он навзрыд —
Не слеза из глаз бежит:
Как струя степной реки,
Льется золото в мешки.
Лишь набив их до краев,
Прекратит Хаджи свой рев!

Были слуги у Хаджи —
Предостойные мужи!
Он из родичей своих
Во дворец привел троих,
И великий хан Хамбал
Всем троим посты раздал.

А какие — спросишь ты —
Были им даны посты?

Заостри вниманьем слух:
Первый муж — Пощечник был,
Главный мастер оплеух,
По щекам Хаджи он бил!
Сокрушительно крепка
У него была рука.
От пощечин выл нойон,
И мозольные кряжи
На крутых щеках Хаджи
Нарастали с двух сторон,
И бежала в три ручья
Золотых монет струя!

А когда на ханский двор
Звали плакальщиков хор
И, заполнив тронный зал,
Хор нойону подвывал,
Смотрит хан: в его казне
Нынче золота вдвойне!
И Пощечнику за труд
Хоть монетку, а дадут!

Что же муж второй умел?..
Мастер щекотальных дел
Или, проще, — Щекотун,
Он касался тонких струн,
Превращая в мастерство
Все оттенки ремесла:
Ведь на пальцах у него
Шерсть пучочками росла.

Чуть Хаджи коснется он,
Хохотать пойдет нойон!..
За смешком звучит смешок,
За мешком набит мешок!..
А когда на ханский двор
Смехачей сзывали хор
И они вставали в ряд,
Хохоча с нойоном в лад,
Драгоценности — рекой!..
Хан подергает щекой
И, глядишь, Щекотуну
Даст жемчужинку одну!

Ну, а третий?.. Третий... что ж?
Третий муж — не ровня двум! —
Назывался Мастер дум,
Думатель наемный тож.

Думать ханам — не под статью,
Ханам свойственно карать,
Изрекая приговор,
Подавляя мятежи...
И за хана до сих пор
Думал родственник Хаджи.
(Если только сгоряча
Хан не кликнет палача!)
Мысли изредка нужны,
Все ж они не жемчуга.
Посему большой цены
Третий не имел слуга,
И не так, как первых двух,
Содержал его Хаджи:
Мяса кус да брынзы круг,
И не так, чтобы свежи!

Так он жил, Хаджи-нойон:
И здоров, и невредим,
И надежно защищен
Дарованием своим.
Хоть крутенек был Хамбал,
Цену золоту он знал!

И нойон, раскрыв сундук,
Рассуждал: — Вот лучший друг,
Если он добром набит!
Я ль, Хаджи, не знаменит?!
Я — владыка из владык!..

Но случилось в некий миг,
Гордым помыслам назло,
В нем сомненьице росло,
Там, в душе, на самом дне,
Копошась, как мышь в копне:
«Только ль в золоте и честь?
Может, что другое есть?..»

И порой Хаджи-нойон
Видел ночью страшный сон,
Будто стал он хохотать:
Нет жемчужин, глядь-поглядь!..
Будто стал тереть глаза,
А из глаз бежит...слеза!
Словом, дар его иссяк.
Хан ему — заклятый враг.
Как лихой беде помочь?
Жизнь теперь невоготу!
Просыпался он в поту
И дрожмя дрожал всю ночь.

Но, сложив мешки в подвал,
Забывал Хаджи свой сон,
И Богатство почитал
Наивысшим счастьем он.

ГЛАВА IV

*О том, как жена изменила
Хаджи с верблюжатником*

«Только деньги — к счастью ключ».
Если ты богат, могуч,
Для тебя твоя жена
Вдруг становится стара.
Почему б тебе одра
Не сменить на скакуна?..

Так решил нойон Хаджи
И сказал жене седой:
— Прочь, старуха!.. С глаз долой!
Мужу руки развяжи!
Я женюсь на молодой!

И, затеяв сватовство,
Молодую в жены взял.
Правил свадьбу у него
Сам великий хан Хамбал.
И цвела жена Хаджи,
Словно южная весна.
И была годна Хаджи,
Может, в дочери она,

Но однажды вышло так:
Из наушников один
Возопил:

— О господин! —
И бескостный, как червяк,
Стал ползти к ногам Хаджи
И, цепляясь за полу,
Целовал кафтан Хаджи,
Извиваясь на полу...

— Что стряслось? — спросил нойон.
— Ох, да буду я казнен!
Лучше б я ослеп, оглох...
Ваша честная жена...
К верблюжатнику она
По ночам приходит... Ох!
И поганец этот...

— Ложь!
Нечестивец! Все ты врешь!.. —
Завизжал нойон, вскипев,
Но тотчас умерил гнев,
Ибо в глубине души
И жене своей Хаджи
Доверял, да не вполне...

«Поразмыслим в тишине.
Ни к чему излишний шум», —
Он решил... Где Мастер дум?
Думатель приполз ужом,
Стал раскидывать умом:

— Может, и не врет шпион.
Но, однако же, нойон,

В этом деле, знаешь сам,
Верят лишь своим глазам.
Чуть жена твоя за дверь,
Ты за ней. И все проверь.

С наступленьем темноты
Слуг поставив на посты,
У дверей и у ворот,
Всем наказ нойон дает: :
— Кто пройдет — так знак подашь...

Полночь било. Слышит страж:
Чья-то робкая рука
Приоткрыла дверь слегка,
Кто-то
        кошкой
                в двери шасть!
Женщина спешит, гибка,
В белом облаке платка...
Шепчет страж: — Нойон, беда!..

И нойон ползком, ползком
За знакомым за платком.
Да, жена, чтоб ей пропасть!..
У двукосых нет стыда,
Лгут, презренные, с пелен.
Видно, страх ее силен,
Но еще сильнее страсть!..

Вниз скользит она, во двор.
А нойон за ней, как вор,
Злобой, гневом распален,
Кашель душит старика...

Возле груди кизяка —
Верблюжатник?.. Точно, он!..
К ней шагнул:

— Так ты опять
Заставляешь ждать и ждать?!

И, схватив большую жердь,
Замахнулся на нее.

А она:

— Уж лучше смерть,
Чем постылое житье!
Милый! Слаще твой удар,
Чем лобзанья мокрых губ
Муженька, что глуп и стар,
Муженька, что стар и скуп!
Бей, любимый! Крепче бей!..

И она, не помня зла,
Шею парня обвила
Белою рукой своей!..

Вот что увидал нойон,
Лютой ревностью палим!
Кровь и жир кипели в нем,
Сердце билось, как налим,
Угодивший сдуру в сеть...
Больше он не мог терпеть!
И взревел нойон Хаджи:
— Воры! Эй! Держи! Вяжи!

И тотчас десятки слуг,
Притаившихся вокруг,

Устремились на двоих,
Навалились, сбили с ног,
И, связав, швырнули их
В яму, в каменный мешок!

А потом пошел допрос
Так, как в ханстве повелось:
Установлена вина —
Палачу ведро вина.
Не доказана вина —
Палачу тогда хана!..
А подсудного казнят,
Виноват не виноват...

Снова призван Мастер дум.
Чтобы казнь была страшна,
Тоже выдумка нужна:
Не карать же наобум!..
Все расчислив, наконец
Думатель решает так:
— Лишь премудрый наш отец,
Озаривший светом мрак,
Он — великий, он один
В силах казнь изобрести,
Чтоб сумела потрясти
Обитателей равнин,
И вершин, и дальних стран...
Только он, всесильный хан,
В этом деле умудрен.
Поезжай к нему, нойон!

ГЛАВА V

*О том, как Хаджи-нойон
жаловался хану Хамбалу*

Пока допрос снимал палач,
Хаджи домчался к хану вскачь;
Признавшись через силу:
Жена, мол, изменила...
— Притом... — согнулся он дугой, —
Подумать только!.. Со слугой!

Узнав, что друг в беду попал,
Вздыхнул сочувственно Хамбал,
Но весть об этом странно
Омолодила хана:
В глазах блеснуло торжество,
Раздулись ноздри у него.

И, как булавки, в грудь Хаджи
Вонзает он вопросы:

— Что не хватало ей, скажи,
Хаджи, твоей двукосой?..
Малы казались сундуки?
Иль с золотом люки легки?..
Сапфиры ли, алмазы
Не радовали глаза?

Иль не богатство — лучший клад?
Быть может, что другое?
Да как же так, Хаджи, мой брат,
Слюбилась со слугою
Нойонша, честь твою губя?.. —

(Тут хан подумал про себя:
«Удерживают счастье
Не золотом, а властью!»)

Повел рассказ Хаджи-нойон:
— Я был уже в дороге,
Когда палач — слегка хмелен! —
Выкручивал им ноги.
Но весть спешила вслед за мной:
Та, что звалась моей женой,
Презрела все обычаи,
Законы и приличия.

Она под плетью палача
Не плакала, не билась,
Одно шепча, одно крича:
К нему явите милость!
А я не то еще стерплю,
Снесу все муки ада!
Люблю его!.. Люблю! Люблю!..
Сокровищ мне не надо!
За все я расплачусь стократ!
А он ни в чем не виноват!
За все лишь я в ответе,
Поймав беднягу в сети!

Палач, хотя и во хмелю,
Сил не щадил нисколько.
Она ж свое: «Люблю! Люблю!» —
Упрямо повторяла.

При этом, правда, не был я,
Но я все время вижу,

Как корчится она, змея,
И слышу крик бесстыжий.

Короткий ум двукосой дан,
Хоть волосы длинны ее...
Придумай казнь, великий хан,
Достойную вины ее!

Хамбал на казни тороват,
Но тут потеха тоньше!..
Хан помолчал...

— Хаджи, мой брат!

Подумай: казнь нойонши!

Легко ль казнить жену Хаджи,
Жену такого мужа!..
Казнь самой знатной госпожи!
Казнь женщины к тому же!..
Пожалуй, скажут, что Хамбал
С бабьем вступает в войны...
Нет, созовем большой хурал
И все решим достойно.

Продуманно, не впопыхах...

(Доволен хан заранее:

«Ох, будешь ты, гордец, в шутах
У всей придворной дряни!»)

Хан позвонил. И на звонок
Примчались слуги со всех ног.
— Нойонов и вельмож ко мне,
И лам — господних стражей!
Всех уважаемых в стране
Созвать сюда сейчас же! —

И собирается хурал...
Визири и нойоны
Поспешно заполняют зал
Толпою золоченой.
И ламы — столько сытых лам!
Их лица словно маски.
Склонясь к Хамбаловым стопам,
Ждут ласки иль острастки.

Хан подымается на трон...
И все, отдав земной поклон,
Притихли...

        Так во храме
Внимают далай-ламе.

Расслышать бы сейчас должны,
Как муха прожужжала,
Да мухи все истреблены
Велением Хамбала.

Подавшись корпусом вперед,
Все жадно смотрят хану в рот:
Чем их Хамбал одарит —
Погладит иль ошпарит?

Едва пошутит хан Хамбал,
От смеха содрогнется зал.
Чихнет — все на колени,
И слышен шепот: «Гений!»
Как поглядишь со стороны:
Визири, и нойоны,
И все военные чины —
Совсем как псы хотона.

Хозяин кость метнет, и вот
Сосед, дрожа от злости,
Соседа насмерть загрызет
Из-за бараньей кости...

Пока что пищи нет для свар,
И стая человечья
Благоговейно пьет нектар
Пространной ханской речи.
Но тот, кто приоткрыть бы мог
Коробку черепную,
Тот незаметно, под шумок,
Прочел бы мысль иную:
«Ну и великие слова!
Да это ж все — как дважды два —
Известно и убого...
Кончай уж, ради бога!..»

По счастью, череп — он закрыт,
И, глядя на тупицу,
Шпион и тот не разглядит,
Что там, внутри, творится...

Так долго речь Хамбал держал,
Что все кругом взопрели.
Тут к преньям приступил хурал
Уже на самом деле.

Приходит время говорить,
И натянулась страха нить...
Однако ж просит слова
Визирь бритоголовый.
Он при дворе не новичок,

Поэт с повадкой лиса,
Усердный рифмователь строк...
Погладив череп лысый,
Он начал:

— Тот, кто столь велик,
Что буйных рек течение
Осил за единый миг,
Кто поднялся на горный пик,
Кто пика мудрости достиг,
Прозрачным сохранив родник
Высокого ученья,
Тот, кто врагов развеял в прах,
Тот, кто, сравнившись с Брамой,
Свой образ утвердил в веках,
Наш красный, самый-самый
Наикраснейший меж светил
Отец — солнцеподатель,
Тот — волею небесных сил —
Хурала председатель
Нам истину сейчас изрек,
Что с божьей искрой схожа...
Нет!.. Стоя не могу... Я лег
И продолжаю лежа
Здесь, в драгоценнейшей пыли...
Кто я?.. Ничтожный червь земли!..
Все, что великий хан сказал, —
Визирь пополз на брюхе, —
Все, что открыл нам хан Хамбал,
Стоглазый и стоухий,
Надежней каменной скалы.
А слог!.. Он столь прекрасен,
Что выше всякой похвалы!..
И я со всем согласен! —

И за визирем вслед все те,
Что были на хурале,
Ползком ползя на животе,
Свое согласье дали
С решеньем хана... Хоть Хамбал
Пока его не изрекал.

Хан, зная всех по голосам,
Внимал им, вял и ровен...
И вдруг хихикнул:
— Может, сам
Хаджи в беде виновен?..

О, что тут только поднялось!
Подобострастье, зависть, злость!
Загрохотало эхо
Неслыханного смеха!

Ходили стены ходуном,
Назвав нойона каплуном,
Пищал толстяк сановник:
— Сам, сам всему виновник! —
Скопцы смеялись и ханжи,
Обжоры, опивалы...
Все выло, хохотало...
Молчал один Хаджи.

ГЛАВА VI

Об измене ханши и о великом решении

Смех то стихал, то закипал,
Росли его раскаты,

Когда Хамбалу в ноги пал
Дрожащий соглядатай
И что-то под всеобщий гул
Владыке на ухо шепнул.

И побелел Хамбал, как мел,
И почернел, как туча,
Ногою топнул и взревел.
— Ты лжешь! — ревел могучий.

Столь страшен был державный гнев,
Что все притихли, помертвев.

Доносчик скрылся... И потом
Втащил, не без усилий,
Мужчину с женщиной... Жгутом
Обоих их скрутили.
Но женщина — почти дитя! —
Шла горделиво.

И хотя
Была в одежде рваной,
Хотя под взглядом хана
Глаза потупил весь хурал,
Но кто в ней ханшу не узнал?!
А рядом с нею... будто он
Побыл в когтях драконьих,
Но отпустил его дракон.
С ней рядом ханский конюх

Шагал истерзан, грязен, дик,
Но молод, статен, светлолик!

Высоко голову подняв,
Сказала ханша твердо:
— Он прав, доносчик твой. Он прав,
Червяк с шакальей мордой!
На этот раз тебе донес
Он истину из истин.
Люблю его, кровавый пес!
А ты мне ненавистен!
Люблю его! Он с песней схож,
С ним я познала счастье.
А ты вонзал мне в сердце нож.
Ты — стар! И скоро ты умрешь
Со всей своею властью,
Что над душою не властна!.. —
И хану плюнула она
В лицо...

Почти что в забытьи
Он подал знак: их увести,
А сам — лицо в ладони —
Оцепенел на троне.

Страх, навалясь, расплющил всех.
Вдруг в тишине сгущенной
Послышался негромкий смех...
Да, смех Хаджи-нойона!
Смеялся он из-под руки,
И вокруг собирали воровски
Жемчужины, алмазы,
В карманы пряча сразу...

Хамбал молчал. И весь хурал
Вкруг трона в страхе обмирал.

Ночь в напряженности прошла.
Рассветная сочится мгла.
Все начеку, все молча
Чего-то ждут, чего — бог весть...
Вдруг хан привстал и крикнул:
— Месты! —

Ощерившись по-волчьи,
Вперя в зал угрюмый взор. —
Нойоны и визири!
Земле не быть без двух опор.
Есть две основы в мире,
Которым никогда не пасть.
Задеть их — святотатство.
На первом месте в мире Власть,
А на втором — Богатство.
Те, что, измену затая,
Презрели без боязни
Первоосновы бытия,
Достойны лютой казни. —
Он вновь ощерился, как волк: —
Казнить жену — мой высший долг!

Нойоншу с ханшей плаха ждет,
И это справедливо.
А дальше... Дальше — твой черед,
Хурал мой терпеливый!
А дальше мы решать должны...
Ведь если... если две жены,
Знатнейшие на свете,

Своим супругам не верны,
Хаджи и мне — заметьте! —
Что стоит весь их женский пол?!
Средь них не сыщешь верной!
Пора пресечь источник зол,
Очиститься от скверны!
Скажите «да». Я дам приказ.
И мы — веленьем божьим —
Немедля

на земле у нас
Всех женщин
уничтожим!

Он кончил речь. Хурал молчал.
И каждый в страхе ощущал,
Как медленно идет ко дну
Гуртом и в одиночку.
Кто вспоминал свою жену,
Кто мать, жену и дочку...
Но ханский глаз,
хоть хан замолк,
Сверлил их всех, пиявя.
В уме кружилось: «Высший долг...»,
«Быть мягким я не вправе».

К тому же шкура... вот беда!
Другой не купишь шкуры...
И друг за другом:
«Да», «Да», «Да», —
Все выдавили хмуρο.

Приказ подписан был и дан
От имени хурала.

Всех по домам отправил хан,
Не задержав нимало.

Военачальников зовет,
Сулит чины, награды...
— Уничтожайте женский род!
Рубите без пощады!..

Пришел палач. Стоит, топчась,
В малиновой рубахе.
И хан велит ему тотчас
Две приготовить плахи:

— Как только пропоет петух,
Не позже и не раньше,
Казнишь прелюбодеек двух:
Нойоншу вслед за ханшей!

ГЛАВА VII

*Об исчезновении войск,
а также о странном старике*

Слух о том, что хан Хамбал
Уничтожить приказал
Женщин, девушек, старух, —
Леденящий душу слух,
Словно конь, порвав гужи,
В степь примчался на рысях.
И Хамбала и Хаджи
Проклиная так и сяк,
Поднялись хотоны с мест.

Тишь, безлюдие окрест.
Стала степь мертвым-мертва:
Только ветер да трава.
И хотя прошло семь дней,
Как, гоня лихих коней,
В степь отправились войска,
Нет от них вестей пока.
Но зудящим роем ос
В уши входят шепотки,
Будто войско разбрелось,
Всем приказам вопреки,
Словно кануло в туман...
Но о том не знает хан.
Все ж, того не зная, он
И смущен и раздражен,

Ибо дерзостный народ —
Точно вымерла страна! —
К хану в город не везет
Ни скота и ни зерна,
А из камешков Хаджи
Не печет никто коржи!

За напастями напасть.
От таких крутых времен
Похудел Хаджи-нойон
И слабее стала власть.

И надумал хан:

«Я сам
Поскачу к своим войскам!»
И легко вскочил в седло:
Был он телом сухопар,

Рядом с ним Хаджи — как шар,
Хоть его и подвело!

Скачет степью хан сам-друг.
Видит хан, что степь мертва.
Ни живой души вокруг:
Только ветер да трава!
Да ковыль, как белый дым,
Расступается пред ним,
Словно две сквозных стены,
Две клонящихся волны,
Да порой из-под копыт
Птица с клетотом взлетит.
Пыль и белый солончак...
Хоть бы где какой очаг!
Хоть бы где вдали хотон!..
Ни людей, ни тучных стад...
— Может, повернем назад? —
Предложил Хаджи-нойон.
Но могучий хан упрям, —
И наметом по степям!

Воды Гооджур-реки
Проскочили напрямки,
Скакунов пустивши вброд,
Черный обошли курган
Вкруг подножия в обход,
Борогчон блеснул — лиман...
И тогда увидел хан:
Вдалеке белеет скот!..

Овцы белые паслись,
Возле них старик стоял,
На герлыгу опершись...

— Вот ведь дожил до седин,
А в степи теперь один.
Все бежали кто куда,
Может, и за Борогчон...
Не догнать их нипочем:
В спину гонит их беда.
Верно, слышали?.. Хамбал,
Тот, что горя не хлебал, —
Чтоб ему живому сгнить! —
Женщин всех велел убить.
Взбеленился, что ль, злодей?
Вот и нет в степи людей!
Кто в леса увел сестру,
Кто жену свою и мать...
Я же, старый, здесь умру,
Не под силу мне бежать —
Мне за восемьдесят лет!
Здесь помру, в родном краю...

А ее, жену мою,
Что дарит мне тихий свет,
Помогает в трудный час,
Я от глаз драконьих спас,
Утаил от ханских слуг,
Посадил сюда — в сундук,
И таскаю за спиной:
Не расстанусь я с женой!

Пресекалась у старца речь,
Увлажнился тусклый взор.
Бережно спустил он с плеч
Ношу, будто там фарфор...

Больше хан не мог терпеть!
Заревел он, как медведь,
Скаля зубы, как бирюк:
— Открывай, глупец, сундук!..

Страшен был державный гнев,
И старик, остолбенев,
Понял, кто пред ним такой!
Перед ним стояла Власть.
В ноги он хотел упасть...

Но Хаджи своей рукой
Крышку отодрал...
Старик
Глянул, побелел — и сник.

То ль во мраке сундука
Ей дышалось тяжело,
То ли время подошло?..
Но подруга старика
Не поднимет больше век:
От гонений и от зла
Ускользнув, ушла навек...
Отстрадала! Умерла!..

К сундуку старик припал
И прикрыл его собой,
Точно принимая бой...
И постичь не мог Хамбал:
Иль старик от горя пьян,
Или хан ему не хан,
Только он утратил страх...

Но великий хан Хамбал
И визирь — его нойон,
Собираясь снова в путь,
Не смотрели на вдовца,
И не дрогнули ничуть
Ледяные их сердца.

ГЛАВА VIII

О Матери Жизни и о шести рагги

Не взглянув на старика,
Двое скачут...

Ни дымка.

Облик степи гол, суров.
В травах, порознь, стая дроф —
Знак, что нет вблизи стрелка,
Давнего безлюдья знак...
И, как прежде, ни собак,
Ни баранов, ни коров...
Пробежит, пыля, сайгак,
Да видны издалека
Перевалы...

— Быстро счесть! —

Хан нойону приказал,
И Хаджи пересчитал:
Шестьдесят их было шесть!

Миновали перевал,
Где миражи, словно в снах,
Мельтешили по краям,
И, привстав на стременах,

Плетью показал Хамбал:
Не кибитка ль это там?

Да, кибитка...

Между гор,
Веселя усталый взор,
Сквозь туман она плыла,
И была она бела,
Будто белый водомет,
Будто лебедь, что плывет
В тишине речных излук...
И хуура грустный звук
Чуть звучал из-под кошмы...

Вздогнул хан:

— Сегодня мы
Утолим святую месть:
Женщины в кибитке есть!
«Хорошо б сперва поесть!.. —
Про себя вздохнул нойон. —
Мой желудок истощен».

И они по склону вниз
Вскачь к кибитке понеслись,
Доскакали до дверей:
— Эй, хозяйева!..
Скорей! —
Завопил нойон. — Воды!
Да еды, еды, еды!..
Выходи сюда, кто жив!..
Хан оказывает честь,
Вас, ничтожных, посетив!.. —
Девушек прекрасных шесть

Из кибитки, что была
Будто лебеда крыла,
Вышли, белизной светясь.
Источали свет они,
Словно ангелы-рагни.

Хоть не видел отродясь
Красоты такой Хамбал,
Все же он не пожелал
Спешиться и рядом сесть...
А рагни чудесных шесть,
Чередой идя, несли
В чашах тонкого литья
Лучшие дары земли —
Кушанья и питья,
Так что слюнки потекли
У голодного Хаджи
Наподобие вожжи.

В чашах
                    чище, чем слеза,
Сладко пенилась арза,
И свела Хаджи с ума
Золотая актарма¹,
Прокопченная насквозь.
Вновь почуять привелось,
Ощущая кожей гул
И с трудом смиря дрожь,
Как душист он, как хорош
Жеребенка нежный круп!

---

¹ А к т а р м а — мясное блюдо.

Запахи, дразня, лились:
Пахнул кисленько кумыс,
И в кленовых пиалах
Крепкий чай мускатом пах!..
Запахи рождали звук,
Разъяря аппетит:
Предвкушал Хаджи, как вдруг
Теплый борщук захрустит!..
Лучшие дары земли
Девушки гостям несли,
Предлагали отдохнуть,
Позабыть нелегкий путь.
Проплывали чередой,
Излучая чистый свет...

И седьмая вышла вслед.
Хоть была она седой,
Голова как серебро,
Но шести рагни под стать,
Но прекрасней молодой,
Ибо всех прекрасней Мать,
Ибо Мать — само Добро.

Красотою раздражен,
Хан Хамбал шепнул Хаджи:
— Это все исчадья лжи!
Вспомни хитрых наших жен.
Не они ли, поклонясь,
Подносили нам еду
И лукавой лаской нас
Усыпляли на беду?!
Женский пол коварен, лжив,
Их язык медоточив,
Но злокозненна их речь! —

И, внезапно обнажив
Обоюдоострый меч,
Поразил он насмерть ту,
Что стояла перед ним
С полным блюдом золотым,
Излучая доброту.
Побледнев, качнулась Мать.

Но от хана отставать
Не посмел Хаджи никак,
Тяжкий поднял он тесак
И вторую рубанул...
Прокатился грохот, гул,
И на землю хлынул мрак, —
Точно лезвием меча
Раскололи небосвод,
И упал он, грохоча,
На простор степей и вод,
И в одно мгновенье ночь
Мир успела обволочь.
Двух убийц настигла мгла.
Меч подняв, застыл Хамбал,
Меч подняв, Хаджи молчал:
Камнем стали их тела.

ГЛАВА IX

*О том, как хана и Хаджи
допрашивала Мать Жизни*

Убийц беззвучно захлестнула мгла.
Проникло
в глотки черное удушье.

Жестокий страх оледенил их души,
И каменными стали их тела.

В глубинах тьмы, как в глубине реки,
Молчанье тяжкой глыбой их сдавило.
Оцепеневшей не поднять руки,
Ноги затекшей сдвинуть не под силу.

И вот им показалось в ту минуту,
Что вынут мозг из черепа и будто,
Чуть красноватый в черноте ночной,
Извилинами шевеля от стужи,
Стоит он вне хозяина, снаружи,
И только жилкой связан с ним одной...

Безмолвие внезапно расколосось,
И, как в пещере, странно гулкой голос
Объял их, он звучал со всех сторон.
Густой, однако же был женским он,
Могучий, был, однако же, немолод.
И падали слова, гудя, как молот,
На двух ошеломленных человек,
Впечатываясь в память их навек:
— За что, за что, скажите, вы убили
Двух девушек, двух трепетных рагни?
Радушно вас встречали не они ли?
Не доверяли разве вам они?..
Ты, старший, превращенный в изваянье,
Открой мне, в чем причина злодеянья?

Как звался ты?.. Слуга твой кто таков?
Вы оба родом из какого края?..
Лишь правду говори мне, предваряю.

Иначе, не живя, не умирая,
Стоять вам до скончания веков!..

Поняв, что уклоняться бесполезно,
Из глотки, ставшей трубкою железной,
Хамбал, губами двигая едва,
Выталкивал застывшие слова.

Он начал говорить о власти хана,
Но в холоде и мраке, как ни странно,
Бессмысленно звучало слово «власть»,
Козырную свою утратив масть.
Он продолжал бесстрастно, отрешенно,
Что им обоим изменили жены
И что хурал... К гортани речь прилипла,
И он ее не сразу отодрал,
Что, мол, хурал... Хамбал закончил хрипло:
Всех женщин истребить решил хурал...

Тогда земли заволновалось чрево,
И женский голос задрожал от гнева.

— Не то, не то! — со всех сторон звучало.
— Начни сначала. С самого начала.
И вспомни, скольких жителей Земли,
Что жить хотели, что могли быть живы,
Вы истерзали, на смерть обрекли,
Ты — ради власти, он — из-за наживы.

Поведай все. И знай, что ложь пустая
Не защитит тебя, что я могу
Не слушать слов твоих, в твоём мозгу
Ваш путь, как на пергаменте, читая.

Знай, для меня нет помыслов сокрытых:
Всей жизни вашей предо мною свиток!

И время

свой остановило бег,
Как лютою зимой теченье рек.

В кромешной тьме светился красновато
Мозг двух людей, застигнутых бедой.
Неровное дыханье вразнобой
Выталкивало, гнало вдале куда-то
Видения... Мерцающий их сонм
Был то, как дым, бесцветно-невесом,
То

красно-голубыми языками
Проскакивало и плясало пламя.

Все, что в себя за долгий жизни срок
Извилины впитали мозговые,
Всё стали исторгать они впервые,
Свиваясь, как змеенышей клубок,
И, лишены словесной шелухи,
На свет явились тайные грехи.

И, как дрожащий, струпчатый урод,
Когда внезапно враг с него сорвет
Нарядные блистающие ткани,
Сокрытая причина злодеяний
Предстала голой.

И была она
Постыдна, отвратительна, грязна...

Жизнь повторялась пред глазами дико...
О, если б только шевельнуться мог

Хаджи ничтожный и Хамбал великий,
Они б тогда со всех бежали ног,
Стремясь не повторять свой путь растленный,
В себя вобравший все грехи Вселенной.
Жизнь кольцами свивалась, как змея,
И вместе с ней кругами преисподней,
Как по спирали, мысль свою стремя,
Все вспять да вспять, пришли они к Сегодня.

Богатство, Власть... — звучит в ушах у них.
Но обе эти стопудовых гири,
Что перевешивали раньше

в мире

И Правду и Любовь для них двоих,
От их сознания словно отделились
И, потеряв значенье, отдалились
С тех пор, как гулкий голос вдруг возник.

И тот, кто раньше властвовал над всеми,
И тот, кто был корыстью ослеплен,
Подумали в одно и то же время:
«Что значит этот голос, чей же он,
Тот голос, что звучит со всех сторон?»

Лишь мысленно они спросили это,
Но прозвучали вслух

слова ответа:

— Мать Жизни,

щедрой милостью своею

И вас, двоих, на свет я родила,
Во чреве девять месяцев лелея.
Чтоб вы вершили добрые дела,

Стоят, белея, ласковы, чисты.
А перед ними — Мать всего живого,
И столько просветленной доброты
В ней, величавой и седоголовой,
Что, заглянув в лицо ее,

Хамбал

Вдруг зарыдал: он мать свою узнал!

Он сладно плакал, сбрасывая груз,
Хранимый долго, ненавистный самый.
Он плакал, как ребенок:

— Мама!.. Мама!

О, помоги мне, мама! Я боюсь...
Ох, мама! Страшный сон приснился мне:
Я властвовал, я повисал в провале.
И столько бед я натворил в том сне!
Эрлики «жизнью» этот сон назвали...

У матери просил, как в детстве, он
Спасенья от эрлика — злого духа...
А рядом всхлипывал Хаджи-нойон:
И перед ним стояла мать-старуха,
Защитница, хранительница прав,
Дающая всему живому имя...

Два образа различные приняв,
Мать Жизни предстояла перед ними,
И каждый к ней тянулся, узнавая
Забывтый образ матери своей:
— Спаси нас, мама!.. Защити, родная,
Несчастных, заблудившихся детей
От духов зла, что затаились в безднах,
От джунглей жизни, где рычит напасть,

От львов, разверзших огненную пасть,
От их зубов, от их когтей железных!

Но взгляд на них метнула Мать рагни,
И был он жестким, гневным, непреклонным.
Он ледящей стуже был сродни
И обжигал металлом раскаленным:

— Опомнитесь! Вы подняли мечи
На две звезды, струящие лучи!
Да вы, вы оба, волей самовластной
Двух дочерей моих

из тех шести,

Кому огонь поручено нести
По всем шести частям Земли прекрасной,
Убить хотели, жизнь у них отнять!..
Нет, этого простить не может Мать!

Убийца страшен. Но вдвойне убийца
Тот, кто на женщину поднимет меч!
Не от нее ли, может быть, родится
Мудрейший, что способен зло пресечь?..
Не дети вы!.. И путь ваш был тлетворен.
Ярясь, вы подрубали жизни корень,
Расшатывали истины основы!..
Деянья ваши к небу вопиют...
И да свершит над вами

правый суд

Властитель Время сереброголовый,
Он, отделяющий Добро от Зла!.. —
И Мать, сложив ладони, воззвала:

— Судия седой пути земного,
Сотворивший трон из облаков,

Страж — ревнитель истины суровой,
Собиратель тайн во тьме веков,
Солнцеликий!.. К нам сюда слети!
Светлым посещеньем нас почти!

И девушки — шесть трепетных рагни,
Сложив ладони, стали на колени
И вознесли смиренные моления:
— Лучами нас, о Время, осени!

...И тогда багровый солнца жар
Лучик вниз послал...

И постепенно
Лучик разрастался в белый шар.
Ближе, ближе...

Из блестящей пены
Выплыл, с ней сливаясь бородой,
Старец Время — властелин седой.

Восседая на высоком троне,
Матери с почтеньем поклонясь,
В сторону рагни раскрыл ладони...
— Дедушка!.. Скучали мы без вас! —
Весело рагни защебетали,
Лбами к старческой руке припали.

С белыми, как пена, волосами,
С белыми, как белый день, усами
Старец Время озирает свой трон
И молчал, в раздумье погружен.

А затем, взглянув на двух убийц,
Пальцем шевельнул он еле-еле...
Кубарем они с коней слетели.
У подножья трона пали ниц.

ГЛАВА XI

О суде

Восседая на высоком троне,
Сотворенном мастером, который
Всех искуснее и умудренней,
Чьих рисунков плавные повторы
Столь блистательно в себя впитали
Краску стекловидную эмали,
Чьи неповторимые узоры,
Перламутровые переливы,
Белыми повиты облаками,
Бирюзою блещут, жемчугами,
Вправленными в золото красиво, —
На подобном троне восседая,
Сребровласый Повелитель Время —
Схожа с пеной борода седая! —
Начал изучать неторопливо
Лица тех,

кто властвовал над всеми
С помощью угроз и беззаконий,
Вглядывался в темные их лица,
Сиясь отыскать Добра крупцу,
А затем опять раскрыл ладони,
Обращаясь к девушкам в тени.

И одна из тоненьких рагни
К трону подбежала легче лани
И достала Книгу Воздаяний.
Фолиант тяжелый
через силу
Подняла, пред старцем водрузила...

Уничтожить в мире

женский дух

И уже казнили женщин двух —
Жен своих...

Но прежнюю кичливость
Снова не сдержал в себе Хамбал
(А Хаджи поддакивал, кивал...):
— Мы осуществляли справедливосты!
Наши жены предавались блуду!
Таковы двукосые повсюду!..
Верность им неведома и честь.
Все они такие!.. Все как есты!

— Все они такие, говорите?.. —
И, листая Книгу Воздаяний,
Старец погрузился в ход событий,
Перед ним роившихся в тумане.
Над одной страницей

он вздохнул,

И помедлил, и рукой махнул...

...Ночь надвинулась на мир

опять.

Миг прошел, и стало вновь светать,
Снова степь вокруг шуршит травой...
Но, однако, что-то в ней иное,
И Хамбал толкнул Хаджи:

— Смотри!

Видишь?.. Перевалов только три!
А шестидесяти трех не стало.
Где же остальные перевалы?..
Третий перевал на холм похож,
Невелик он, точно горб верблюжий...
Видят: женщина склонилась тут же,

В порошок — ни много и ни мало —
Между мельничными жерновами,
Прах развеяв над семью морями...
Но об этом девушка не знала.

И пошла скитаться Лола, плача,
И копала землю наудачу,
Тело милого ища повсюду.

Если бы найти ей это тело,
Оживить его она б сумела:
В пузырьке ее таится чудо!

Как-то в детстве,
раненую птицу
Лола подняла, обмыла раны,
Выпустила, выйдя, на волю.
В дар своей спасительнице Лоле
Птица из-за моря-океана
Стала в клюве

приносить водицу
Из ключа между высот отвесных,
Что доступны лишь для птиц небесных, —
Люди там и не бывали сроду!
Птица понемножечку, по капле
Чудотворные сбирала капли,
Средство от смертей — живую воду!..

Ищет Лола милого могилу...
Средь каких песков лежит он, милый?
Где его похоронили, спрятав?

Женихи, прекрасные собою,
Нет от них, от женихов, отбоя!
К Лоле на дом засылают сватов.

Но родня встречает их смущенно,
Потому что Лола непреклонна:
Всем откажет — так или иначе!

Будь то воин или муж ученый...
И узнали жители хотона,
Что дала она обет безбрачья!

Пригрозили Лоле духи света:
— Откажись от страшного обета —
Женщине любовь всего дороже!..

Без любви погибнет жизнь Вселенной!
Тот, кто жизнь отвергнет дерзновенно,
Смерти будет недостоин тоже!

Лола их угроз не испугалась.
Все копала, прочь гоня усталость,
Не передыхая ни мгновенья.

Смерть ее сторонкой обходила.
Время
    Лолу в призрак превратило,
Стала Лола бестелесной тенью.

Вот они откуда — перевалы!
Возвела —

    ни много и ни мало —
Шестьдесят и шесть над степью голой
Та, что ножик тупит — не затупит,
От любви единой не отступит,
Та, кого называли
        верной Лолой.

ГЛАВА XII

О продолжении суда

— Продолжаем суд! —
Рек Властитель. — Закончив притчу,

Как велит обычай.
Уравняем мертвых и живых,
Вопрошая первых и вторых.
Что-то углядев за смутной далью,
Старец Время возгласил с печалью:
— Ближе подойдите, две жены,
Вы, что волей хана
казнены!

И две тени млечно-голубые,
С красноватой полосой на шее,
Проступили, странно хорошея
И задумчивее, чем живые,
На мужей глядят они беззлобно,
Видно, смерть им знанье даровала...
Но внезапно стужею загробной
Обдало нойона и Хамбала...

— Ты, при жизни ханская жена,
Расскажи нам, в чем твоя вина?

И затрепетала тень сквозная:
— За собою я вины не знаю!
Если в чем-то виноват цветок,
К солнцу простирающий любовно
Каждый свой прозрачный лепесток,
Может быть, и я тогда виновна!..

Но, о Время, если б высшей властью
Ты решился в мир меня вернуть,
Знай, что вновь бы я рванулась к счастью,
Прежний грешный повторя путь!..

— Слышали?! — ликуя, вскрикнул хан. —
Как повержена она к грехам!

Но одна из девушек-рагни
К старцу воззвала:
— Меня вини!..

Хан Хамбал, круша и убивая,
Позабыл о ней, своей жене.
Мучилась ее душа живая,
Видя все и стоя в стороне.

И тогда, исполняя сожаленья,
Я, по материнскому велению,
Женщине сказала: «Оживи!» —
Вдунула в нее огонь любви.

Не ответив девушке ни слова, —
Время — властелин седоголовый —
Суд продолжил:
— О жена Хаджи!
О своем проступке расскажи! —
И затрепетала возмущенно
Та, что на земле была женой
Богатея старого, нойона:
— Никаких проступков нет за мной!
Мне что золото, что кизяки!
Я сожгла б с деньгами сундуки,

Властолюбец и скупец богатый!..
Что ж, готовьтесь... Близок час расплаты!

— Пощади!.. —

взревел Хамбал в тоске. —
Мы другими стали. Мы ослабли...
И — тому свидетель бог Дярке! —
Крови больше не прольем ни капли.
Смилуйся!.. —

А втайне думал сам:
«Буду жив, так все переиначу:
Землю я взорву ко всем чертям,
С наглым старцем Временем в придачу!»

Оглядысь по сторонам, Хамбал
Эту мысль испуганно прогнал,
Не затем, что Землю жалко стало,
А чтоб Жизни Мать не прочитала!
Но почувял дуновенье Эла
Время — властелин седоголовый.
Омрачился блеск его чела,
Снова он перелистал и снова
Книгу, что лежала перед ним,
Возглашая голосом глухим:
— К вам я обращаюсь. К вам, казненным
Ханом и его слугой-нойоном!

К вам, кто низкой клеветою сгублен,
Засечен бичом, мечом зарублен,
К вам, кто псами лютыми затравлен,
Втихомолку палачом удушен,
Иль на людной площади повешен,
Кто сожжен, чей прах с землею смешан!..

Встаньте!.. Обретите ваши лица!
Медленной теките вереницей,
Чтоб глядели вам в глаза убийцы!

И как будто горы-исполины,
Собрались средь степи воедино
И на поясах тянуться стали, —
С громом дальние разверзлись дали
И раскрылись тайные могилы...

Черным дымом небо затянуло,
Заклубились тучи, сбились в кучу,
Вой протяжный, леденящий душу,
Отделясь от скрежета и гула,
Страшного, как при землетрясенье,
Стал расти... И вдруг, пространства руша,
Пала наземь, раскололась туча...
И пошли из тучи тени, тени...

Шли они безмолвно по дороге,
Кости шли, обтянутые кожей,
Что с землей растресканною схожа,
Шли, сгибаясь, высохшие ноги,
Шли глаза такой кричащей муки,
Что еще не видана на свете...
Старцы шли, и женщины, и дети...
Точно змей вился тысячерукий,
Голова на дальнем перевале,
Зыбкий хвост — между степной отавы.
Тени шли, истерзаны, кровавы...
И Хамбал с Хаджи к земле припали,
Сжалась в ожидании расправы.
И промолвил старец светлолицый:
— Как вода стекается в низины,

Реки крови, пролитой безвинно,
Рано ль, поздно, захлестнут убийцу...

Но раздался стук... И ядовитый
Змей сторукий сгинул...

И в надежде
Услыхал Хамбал: стучат копыта,
Слышен голос, столь знакомый прежде...

ГЛАВА XIII

*О попытке посторонних вмешаться
в ход суда*

Ближе, ближе слышен стук...
Трое верных ханских слуг
Миновали речку вброд...
Впереди сановник, тот,
Что держал в хурале речь,
Поспешив на брюхо лечь,
А за ним — на скакунах —
Два визиря в орденах.

Ближе цоканье и стук...
Трое самых верных слуг
Жаждают хана разыскать...
Где струивший благодать,
Где кормивший столько лет?..
А за всадниками вслед
Пешим ходом, между трав,
Без Хаджи оголодав,
Навостря чуткий нюх,
В каждый вслушиваясь шум,

Мчатся
Мастер оплеух,
Щекотун
и Мастер дум.
Синевой блеснул лиман —
Долгожданный Борогчон...
Где же он, великий хан?
Где Хаджи — его нойон?..

Видят всадники: в дымке
Замелькала вдалеке
Та кибитка, что была
Словно лебедя крыла...
Вот он, вот он, ханский стан!..
Подскакали с двух сторон...
Золоченый видят трон...
Но сидит на нем не хан —
Старец с белой бородой.
Возле матери седой
Шесть рагни, как шесть лампад,
Источая свет, стоят...

Где же он, что столь силен?
Где Хаджи, его нойон?..

Боже! Верить ли глазам?!
Самый-самый сильный, сам
Мудрый кормчий всей земли
И его нойон Хаджи
Пресмыкаются в пыли,
Как ничтожные ужи,
У подножия того,
Кто глядит, как божество!

И сановник — тот, что лыс
И притом хитер, как лис, —
Вдруг смекает, что Хамбал
В плен к сильнейшему попал.

Кто умен — не пропадет,
И поэт — сановник тож —
Повалившись на живот
И уставясь старцу в рот,
Начал:

— Ты, что столь хорош,
Столь разумен и велик,
Что в единый миг постиг
Мудрость самых толстых книг,
Хан, каких меж ханов нет,
Дав облобызать свой след,
Милосердно разреши
Мне,

по простоте души,
Рассказать тебе, отец,
Как замучил нас вконец
Кровожадный бывший хан —
Самодур, палач, тиран!..
Видишь, дышим мы едва...

И тотчас визиря два,
Те, что сли-пили всласть
У нойона на пирах,
Побоясь впросак попасть,
Перед троном пав во прах,
Возопили:

— Грабежи
Учинял нойон Хаджи!

Как набил он сундуки?..
Не иначе: две руки
Запускал в мешок казны!..
Вы казнить его должны!..

Хоть давненько хан Хамбал
В грош не ставил род людской,
Все же подлости такой
Даже он не ожидал
От того, кого вознес...
А Хаджи повесил нос,
И скатился на песок
Крупный золота брусок.

Потемнела Жизни Мать,
И, взглянув на лик ее,
Старец что-то стал шептать.
И она взяла копье
И метнула в старика...

А копье, звеня слегка,
Сквозь него, как сквозь туман,
Пронеслось... Он невредим.

— Нет, пришельцы, я — не хан! —
Обращаясь к шестерым,
Старец Время
начал речь. —

И не может острый меч
Причинить мне вред и боль...
Соткан я и сотворен
Из людских бессчетных воль,
Из желаний всех племен.

Время — так меня зовут.
Я творю над жизнью суд
И в ответе за нее...
Здесь — святилище суда.
Что ж слетелись вы сюда,
Как на пададь воронье?!
Силой хвастает шакал,
Зная, что бессильны львы.
Где, скажите, были вы
В дни, когда царил Хамбал?..

Вы ль не ставили печать
На любой его указ?..
Что ж надумали сейчас
Вы его изобличать?!

Там, где Время — судия,
Посторонним места нет!
Час пробьет, и кликну я,
Вы дадите мне ответ,
И воздам я по делам!..
А покуда по домам!

И вскочили на коней
Трое слуг, что всех верней...
Завилась поземкой пыль...

Зашагал, топча ковыль,
За Пощечником вослед
Щекотун почтенных лет,
И за ними, поотстав,
Меж степных шуршащих трав,
Раздосадован, угрюм,
Брел наемный Мастер дум.

ГЛАВА XIV

О приговоре суда

Затихли голоса и стук копыт...
И снова Время суд ведет суровый...
— О Мать!.. Хочу твое услышать слово! —
Сказал Властитель. —

Все оно решит.

Мать начала:

— На свете все живое
От женщины... Лишь за убийство жен
Могли бы лечь на плаху эти двое.
Но разве ими грех один свершен?!
В их списке
горы тяжких преступлений!..
Не искупить их в огненной геенне!..
Так почему же совесть в них молчала?
Обожествив сокровища и власть,
Они изгнали из души начала,
Способные облагородить страсть!
От лести пьяные, тупея, руша
Законы человеческие отцов,
Рассудок потеряв,

в конце концов
Они казнили собственные души!

Никто вокруг не ставил им преграды,
И потому им не был ведом страх.
Не думали они, что есть в веках
Суд Времени, не знающий пощады.
А этот суд при жизни их настиг.
И вот теперь они у ног твоих!

Казнить его за эту мысль одну
Я мог бы...

Все же, милосердью внемля,
И зная цену крови дорожую,
И не желая, чтобы нынче вновь
К пролитой крови прибавлялась кровь,
Хамбалу и Хаджи я жизнь дарую!
Вставай, Хамбал!.. Пусть мощь твоя растет,
Но пусть тебя не вводит в прегрешенья
И хоть кому-то в мире принесет
Не сокрушение, но утешенье!
(Хамбал привстал, восторгом озарен,
Как будто снова он всходил на трон.)

— Сокровища умевший умножать,
Хаджи, ты сохранишь свое уменье,
Но, поднимая золотую кладь,
Лишь радость принесешь и утешенье!
(И поднялся, восторгом озарен,
Хаджи, как будто он опять нойон!)

Жизнь предвкушали пленники заране...
Но старец поднял Книгу Воздаяний:
— Гордец Хамбал, чья сила велика,
Да превратится в мощного быка!

И только-только вымолвил старик
Слова свои, звучащие приказом,
Взамен Хамбала — круторогий бык
Предстал, к столбу веревкою привязан
И, словно вопрошая: «Почему?» —
Ревел, вытягивая шею:

«Му-у!»

А старец приступил к другому чуду:
— Бездельник и скупец Хаджи-нойон,
На радость всем, ты будешь превращен
В полезного рабочего верблюда!

И только-только вымолвил старик
Свои слова, как подошла расплата:
Хаджи-нойон исчез, и в тот же миг
Взамен его предстал верблюд горбатый!
Хотел Хаджи взмолиться: «Пощади!» —
Верблюжий крик рванулся из груди...

* * *

И облако, пушистое, как снег,
Спустившись с неба вниз, одело тех,
Кто правил суд: седого старца Время,
И Жизни Мать премудрую со всеми
Светильнями Земли — шестью рагни...
И тихо в небо поднялись они.

А там, внизу, в глухой пустыне ночи,
Привязанные накрепко к столбу,
Верблюд и бык — полезный скот рабочий —
Встречали новую свою судьбу.

ГЛАВА XV

О радостной вести и о ликовании степи

Без поводьев, без хлыста,
Шибче вольного коня,
Весть бежит из уст в уста,
По степи летит, звеня.

Говорят: навек пропал,
Буйным вихрем унесен
Ненавистный хан Хамбал
И Хаджи — его нойон.

Из болота, где туман,
Из пещер, повитых тьмой,
Из чужих, лихих сторон,
Услыхав, что сгинул хан,
Возвращается домой
За хотонами хотон.

Вновь калмык в родном краю.
Снова видит степь свою!

Тот, кто жив и невредим,
Вновь по степи гонит скот,
Вновь густой, как сливки, дым
Над хотонами плывет.
Ветер в травах шебаршит...
Альчиков расставив ряд,
Мальчуганы говорят:
— Кто-то к нам в хотон спешит...

Поднялся собачий вой,
Точно псам швырнули кость.
Гость пришел?.. Да нет, не гость, —
Паренек хотонский, свой...
Он торопит: пусть сойдут
С ним в низину напрямик —
Там привязан мощный бык,
Там, на привязи, верблюды!

По совету паренька
Все пошли путем степным

И увидели быка
И верблюда рядом с ним.
У животных грустный вид,
Словно голод их томит.

И сказал чабан-калмык:
— Мне знаком весь скот окрест.
Верьте мне, верблюд и бык —
Не из наших, здешних мест!
Привязали их чем свет,
А хозяев, видно, нет...

Тут обжора из обжор,
Все молчавший до сих пор,
Облизнувшись, речь завел:
— Нет хозяев налицо?..
Скот прирежем — и в котел!..
Превосходное мясо! —
Но, взъярившись, мощный бык
Поднял дикий рев и мык,
Заметался и верблюд,
Привязь рвут, копытом бьют!..

Снова речь пастух ведет:
— Этот скот — разумный скот.
Ясно, что верблюд и бык
Разумеют наш язык.

Может, мы поступим так?..
Вон стоит вдовец-бедняк,
У которого Хамбал
Всю скотину отобрал.
Осчастливим старика:
Отдадим ему быка.

Будет нам возить навоз
Этот бык-тяжеловоз.

— А верблюды слабее, что ль?
Пусть хотону возит соль!

Не потратив слова зря,
Порешил на том народ,
И, хотон благодаря,
Просняв, шагнул вперед
Осчастливленный вдовец:
— Отгулял Хамбал свое!
А мое житье-бытье
Расцветает под конец!
Не сумел загнать нас в гроб
Хан Хамбал, мучитель наш!..
Ну, пошли, бычок, цоб-цоб!
Ну, пошли, верблюды, хадж-хадж!

И, довольные собой,
Расходиться стали все
По вечерней по росе...
Звезды в дымке голубой
Задрожали, расцвели...
И видали, говорят,
На краю небес, вдали,
Шесть светил, как шесть лампад,
Трепетно мерцавших в ряд...

Над травой курился пар.
Пахла мятою земля.
И луны блестящий шар
Сквозь метелки ковыля

Всплыл,
        добрался до небес,
Рассыпая тьму чудес.

...Гнал быка к хотону дед:
— Цоб-цобел.. Пора вздремнуть! —
Люди им желали вслед:
— Белый путь! Счастливый путь! —
Степь затихла до утра.
Но слышалась домбра.
Молодых калмычек хор
Огласил степной простор.

Пели слаженно они,
Сладко было им внимать,
И, казалось, шесть рагни
И всего живого Мать
Вторят им издалека
Сквозь века, сквозь облака...

Славя каждую струной
Многоцветный мир земной,
Пела чуткая домбра
О могуществе добра,
Что любой его росток
Зацветет цветами в срок.

Отгоняя прочь печаль,
Наполняя ветром грудь,
Пели девушки хвалу
Времени,
        сквозь мрак и мглу
Пролагающему вдаль
Белый путь — счастливый путь.

З О Р И Г Т Е

Много-много лет назад,
Как преданья говорят,
Жил в степи старик Арлу
Со старухою женой.

В дни, когда сплошной стеной,
Сея пламя и золу,
Грозный враг на степи шел, —
Бил врага Арлу-орел.

Уходила прочь война,
И тогда в рассветный час,
Взяв гирлыгу чабана,
Дед Арлу отары пас.

Сгорблен, с виду еле жив,
Был он сердцем незлобив,
Уважал покой и мир.

Всем, кто слаб, и всем, кто сир,
Будь то птенчик иль сайгак,
Помогал Арлу-добряк.

...Год за годом плыл во мглу,
Снегом волосы беля.
Мирно старились Арлу
И его жена — Буля.

Но обоих, что ни год,
Дума горькая гнетет:
Небо сына не дает,
Кто продлил бы славный род.

Днем и ночью, говорят,
Восклицал Арлу-старик:
— О, когда бы мой закат
Озарил младенца крик!

Но в кибитке старика
Не слышать пока сына.
Лишь пищит птенец, лечась,
Иль ягненок-сирота.

Все ж однажды, в добрый час,
Давняя сбылась мечта.

Дед Арлу в июльский зной
Повернул отару вспять,
Чтоб в кибитке, под кошмой,
Жар полдневный переждать.

На кибитку глянул он —
Замер... Взять не может в толк:
Чьей рукою прикреплен
На унине¹ желтый шелк?

Шелк трепещет, как заря,
Блещет, словно говоря:

---

¹ У н и н а — шест.

«Эй, Арлу! Твой конь в поту.
Подъезжай-ка стороной:
Нюхать пот не вмоготу
Тем, кто чует мир впервой!»

И до слуха в тот же миг
Долетел издали
Богатырский детский крик,
Воскрешая старика,
Проливая благодать
В душу, что устала ждать.

Значит, в мир явился тот,
Кто продолжит славный род,
Имя рода понесет
В глубину других времен.

Возвестить его приход
Древний наш велит закон,
Чтоб слышала вся земля —
Даже и в глухом углу...
...Всех на пир зовут Арлу
И жена его — Буля.

* * *

Север они и юг обошли,
Запад, восток вокруг обошли
И с четырех открытых сторон
Тех, кто слаб, и тех, кто силен,
Тех, кто конями, деньгами богат,
Тех, у кого ни монет, ни стад, —
Всех пригласили на пир, говорят.

На зеленом душистом лугу
Забелели ковры — ширдыкí,
Чтоб, усевшись в тесном кругу,
Собеседовали старики
О друзьях, о резвых конях,
О былых, незабвенных днях.

А поляна поровней
Молодежи отдана.
Семью семь — веселых дней —
Там плясали допоздна.
Допоздна и до утра
Песням вторила домбра.

Сколько плясок вихревых!
Перехватывает дых!..
И от вывертов крутых
Ишкимдык и чичирдык¹
Вьются пыли облака,
А подошва сапога,
Точно лист, уже тонка!
Шум. Крик. Стук. Гик.
Ишкимдык!
Чичирдык!

Семью семь — сорок девять дней
У кибитки толпы гостей.
Все несут до поздней поры
Новорожденному дары:
Жеребенка ли сосунка,
Верблюжонка ль, чья шерсть мягка,
Кто — ягненка, а кто — телка.

---

¹ И ш к и м д ы к, ч и ч и р д ы к — танцы.

Чтоб, пока младенец растет,
И они росли, что ни год,
Чтоб давали щедрый приплод,
Чтоб стадам был потерян счет,
Чтоб стал несметно богат
Тот, кого сегодня дарят,
А дарящий снискал почет.

* * *

Как же будет зваться малец?..
Согласились отец и мать:
Настоящее имя дать
Может только Цецен-мудрец —
Старец, в долгой жизни своей
Внуков, правнуков, их детей
Опекавший с начала пути,
Имя давший, чтоб в жизнь войти,
Победивший всех по уму,
В память скрывший, словно в суму,
Все Былое, до этого дня,
С Настоящим соединя,
Чтоб грядущее увидеть
Так, как видят воду и хлеб,
Тот, кто научился читать
Золотую книгу судеб,
Старец — кроток и величав —
Над ребенком встал, помолчав,
Точно вслушиваясь во тьму.
Выбирал он имя тому,
Кто достоинства образец,
Чтоб пред ним трепетало Зло,
Чтобы имя то подошло

По значенью, по красоте...
И, найдя, изрек наконец:
— Да зовется он Зоригте,
Зоригте, что значит — Храбрец!

* * *

Час прошел — не день, не год, —
И Арлу заметил сам,
Что сынок его растет
Не по дням, а по часам.
Будто хочет доказать:
Имя то, что дал мудрец,
Вправду мальчику под стать,
Он и впрямь — силач, храбрец!

А когда прошло семь дней,
Ставши всемеро крупней,
Сын пробил ногою щель:
Дескать, всем наподдаю!
Деревянную свою
Разломал он колыбель,
А казалось, так прочна!
Колыбели той цена —
Десять лучших скакунов
Из отцовских табунов.

Хоть пропали кони зря,
Но сияющий Арлу
Небесам воздал хвалу:
— Я рашу богатыря! —

По совету мудреца
Вновь Арлу вошел в расход:
Для мальчишки — Храбреца
Колыбель он достает,
Что из камня сложена.
Колыбели той цена —
Двадцать лучших скакунов
Из отборных табунов.

Но прошло еще семь дней,
Ставши семью семь сильней,
Мальчуган вздохнул чуть-чуть,
Лишь чуть-чуть расправил грудь,
Шевельнул рукой...

Гранит

Рассыпается, гремит...

Говорит мудрец седой:
— Богатырь твой — не простой!
Твой сынок, Арлу, мощней
Всех других богатырей! —
И советует отцу
Обратиться к кузнецу.

В кузне плавится металл,
Свиристит протяжно дрель.
Малышу кузнец сковал
Из металла колыбель:
— Ну, попробуй, паренек,
Поломать хотя б шпынек,
Старикам своим назло! —

Но еще семь дней прошло,
Внемлет с трепетом отец,
Слышит в страхе мать Буля,
Что, губами шевеля,
Говорит их сын — малец,
Как большие говорят,
Устремив разумный взгляд
На обоих стариков:

— Мать, отец мой дорогой!
Вы, чьей волею благой
Вызван я из тьмы веков
И увидел солнце дня,
Вы простите ли меня?

Был я глуп, и был я мал,
Колыбели поломал,
Неосмысленный буйан,
Бедных вас введя в изъян!

Что мне камень, что мне клен?!
Непомерно я силен.
И, родные, мне вас жаль, —
Зря вы тратились на сталь!
Ночь не сплю; боюсь вздохнуть...
Если чуть расправлю грудь,
Шевельну рукой впотьмах,
Сталь рассыплется во прах!
Что лежать здесь в духоте?..

Приподнялся Зоригте,
Поднатужился слегка,
Повернулся не спеша...

Шкура крепкая быка,
Та, которой малыша
Спеленала мать Буля,
Разлетелась на клочки,
Словно сшита из гнилья...
Мальчуган стоит дыбки!

— Упадет!.. —

Отец и мать
К сыну бросились стремглав,
Но, с трудом его обняв,
Не смогли никак поднять.

— Не тревожьтесь за меня!
На ногах я устою!

И, как всадник, что в бою
Лихо прыгает с коня,
С колыбели мальчик прыг!..

Вот младенец — на полу.
На него глядит Арлу,
Смотрит мать Буля, дивясь:
Не бывало отродясь,
Чтоб ребенок, трех недель
Не проживший на земле,
Не хотел дремать в тепле,
Сам покинул колыбель
И пустился смело в путь,
Рассуждая обо всем,
Да еще не как-нибудь —
С благородством и умом!

— Видно, прав Цецен-мудрец, —
Прошептал Арлу жене, —
Подрастает молодец
На защиту всей стране,
Нам опора из опор...

— До каких же это пор,
Уважаемый отец,
Вам пасти в жару овец? —
Задал Зоригте вопрос. —
Я достаточно подрос,
Не пора ли вам помочь?
Поработать я не прочь,
Набираясь про запас
Ума-разума у вас...
С вами в степи я пойду!..

Он оделся на ходу,
И увидела Буля,
Счастья мальчику моля,
Что одежка старика
Зоригте не велика.

* * *

Время никого не ждет,
Время движется вперед.
Годы мчатся... Пятый год
Зоригте, пастуший сын,
Ходит по степям один,
В одиночку скот пасет.

Сладок отдых старику.
Не тревожится и мать:
Малолетнему сынку
Сил не надо занимать.
Он годами не велик,
Но когда матерый бык
На соперника-быка
Устремится, разъярясь,
Взвивши пыли облака
И скосив кровавый глаз, —
Лишь столкнутся два врага,
Поднимая дикий рев,
Мальчик хватъ их за рога
И огромных двух быков
Расшвыряет, как зайчат
Или малых сусличат!

Парень разумом не прост:
В дождь и тяжкую жару
Скот пасет он поутру,
А не то при свете звезд.
Знает умный мальчуган,
Где трава, что любит скот,
Изучил он, где растет
И йоркег и зултурган.

Пред закатом на курган
Поднимается малец.
Как его учил отец, —
Постоянно начеку;
Лишь пересчитав овец,
Поведет их к роднику.
Пастушок из пастушков...
Вот сынок Арлу каков!

* * *

По степи идет Зоригте,
Льнут к ногам пастуха цветы,
Убегают в небо мечты,
Нет предела живой мечте!

Устремляясь в лазурный свод,
Сладко жаворонок поет,
Прославляет степную ширь...

По степи идет богатырь,
Облакам и цветам дивясь,
Каждый птичий слушая клич.
Меж вещами тайную связь
Хочет мальчик умом постичь.

Безгранична синяя высь,
Лишь простор степей с ним сравним.
Зоригте сдается, что им
Друг без друга не обойтись.
В небесах сквозят облака,
Словно два пушистых цветка.
А земной цветочек — у ног,
Поутру он свежий такой!
Мальчик нежно гладит цветок
Непомерно сильной рукой.
Он вникает во все вокруг...
Что без разума сила рук?!

Мир познать во всей полноте
Хочет он, силач Зоригте,
И парнишке думать не лень...
Так за днем утекает день.

Но однажды, в час, когда,
Отдыхая от труда,
Подставляя ветру грудь,
Зоригте решил вздремнуть
Чуть в сторонке от овец,
Лишь на холм взошел малец
И смежил глаза на миг,
Как молящий, тонкий крик
Вдруг вонзился в чуткий слух,
Воздух разорвал и смолк...
На ноги вскочил пастух.
Видит: черно-пегий волк —
Наших стад исконный враг —
Поволок овцу в овраг.

Торжествует — наглый, злой, —
Точно пастуха и нет!
На траве — кровавый след...

Зоригте с холма стрелой
И за хищником вдогон,
Словно конь — во весь опор...
— Стой, разбойник! —

Пегий вор
Встал, как будто удивлен.

Мальчик взять не может в толк —
Не слышалось ли?

Волк,
На овечку положив
Лапу страшную свою,
Грозно выставив оскал,
По-калмыцки вдруг сказал:

— Берегись, покуда жив!
Я сейчас тебя убью!
Что-то пусто в животе... —
И, рванувшись к Зоригте,
Хищник совершил прыжок
Так, что пастуха ожег
Злобный пламень волчьих глаз.
Обдал, как горячий пар,
Волчьего дыханья жар...

Но парнишка, изловчась,
Наземь пал, к траве прильнул...
Предвкушая торжество,
Пегий волк через него
Далеко перемахнул.
И пока привстал, пока
Тушу мощную свою
Он ворочал тяжело,
Зоригте, легок и смел
(Так порой калмык в бою
С ходу прыгает в седло),
Волку на спину взлетел
И сидит на нем верхом,
Будто на коне лихом.

Оседлал он бирюка,
Сжав коленями бока
Так, что волк подался вниз,
Свет померк в его глазах,
Ребра — там, внутри, — сошлись.
И напал на зверя страх.

Черно-пегий еле жив.
За уши его схватив,
Приказал ему пастух:
— Прежде чем испустишь дух,
Поскорее объяви
Три желания свои,
Сожалений горьких три...
Говори, убийца, вор!..

От стыда и злой тоски
Волк дрожал... «Какой позор!
Погибаю от руки
Недостойного мальчика!»

Сбросить наземь храбреца
Все ж пытается бирюк.
Но кольцом железных рук
Парень волчье горло сжал.
Словно сто змеиных жал
В глотку хищника впились,
Хрустнул шейный позвонок,
С треском жилы порвались, —
Волк-ворюга изнемог...

«Если будет он убит,
Трех желаний не сказав,
Как предание велит, —
Все решат, что я не прав.

Что скажу своим, чужим
О такой неправоте?» —
Размышляет Зоригте,
Ослабляя свой зажим.

А еще скорблю о том
И, тоскуя, жду конца,
Что помру в краю чужом,
Не дождавшись тут отца.

Не мечом отец разит —
Взглядом огненным своим.
Вскинет око — враг убит:
Взгляд отца невыносим.

Сколь страшны его черты,
Скоро сам увидишь ты.
Скоро он придет сюда,
А за ним вослед — беда,
А за ним — огонь и дым...

Прахом станет все вокруг!
Жаль, что я не буду с ним,
Не увижу ваших мук,
Вашей крови не напьюсь...
Верь, об этом я томлюсь.

А еще сильнее мне жаль
И всего острее печаль,
Что, как меткое копье,
Грудь мою прожгла насквозь, —
Жаль, что съесть не удалось
Сердце сладкое твое,

Что не воин-удалец
Надо мной занес клинок,
А сгубил меня малец —
Недостойный сосунок!
Дважды, трижды проклят будь!.. —
Снова хочет волк стряхнуть

Пастуха, но тот сидит
Неподвижно, словно влит.

И смиряется злодей
С горькой участью своей.

— Что сейчас мне делать? — вслух
Юный думает пастух. —
Добивать его иль нет?
У отца спрошу совет.
Я к тому же есть хочу.
Накрепко его скручу —
И опрометью домой...

И веревкою стальной
Черно-пегого скрутя,
Зоригте сел рядом с ним...
(Вспомним, по годам своим
Был он все-таки дитя.)

— Подожди здесь до утра.
Мне поужинать пора.

Солнца луч давно потух.
Тут пастух заметил вдруг:
В глубине звериных глаз
Смеха искорка зажглась,
Оживился тусклый взгляд,
Словно волк чему-то рад...

Как ни прост был Зоригте,
Но при детской простоте
Понял: что-то здесь не так,
Замышляет что-то враг...
В злобном взгляде — хитреца...

Мальчик слышал от отца:
«Если враг твой не добит —
Жди несчастий, жди обид.
Поскорей берись за нож
И опасность уничтожь!»

Нет ножа? Ну что ж! Годна
И герлыга чабана!

Сжав конец ее в кулак,
Он взмахнул что было сил!

Сотрясая небо, взвыл
И подох косматый враг...

Чтобы волк ожить не мог,
Зоригте останки сжег.

Так впервые Зоригте
Сокрушил земное Зло...

Солнце красное зашло,
И над степью, в высоте,
Белая плыла луна,
Звездами окружена.

* * *

Дома оба старика
Беспокоились слегка:
«Не слышать овец, коров...
Где наш мальчик? Поздний час!..»

Но кошма приподнялась,
И сыночек жив-здоров
К ним с улыбкою вошел,

Глянул на казан-котел,
Где кипела снедь, бурля.

Говорит ему Буля:
— Припоздился, Зоригте!
Иль не страшно в темноте?

— Мама, ужинать давай!
И баранину и чай!

— Кушать хочется? Устал? —
У старухи на глаза
Набежала вдруг слеза:
«Хоть могуч, а все же мал...» —
Трудно, мальчик?.. Потерпи!

— Мама, плакать нет причин! —
Мысли матери — где сын.
Мысли мальчика — в степи...

Приоткрыв котел-казан,
Подает еду Буля:
— Кушай, душу веселя,
Жирный, крупный был баран,
На втором уже году... —
Сын садится за еду.

Две передние ноги
Съел он, высосав мозги.

Следом — пару задних ног
Жадно обглодал сынок
Подчистую, до кости,
Чтоб на кости перейти.

Зубы у него крепки:
Кость разгрыз он на куски.

Все перемолол в муку,
До последнего ребра...

Выпил супу полведра
Да еще ведро чайку.

И, распарясь, говорит:
— Ну, спасибо, мать! Я сыт.

— Сроду столько не едал!..
Видно, мальчик мой устал.
Нелегко стада гонять! —
Сокрушаясь, шепчет мать.

«Может быть, в степи глухой
Повстречался враг лихой,
С ним схватился наш малец...» —
Про себя решал отец.

Утолив свой аппетит,
Зоригте-сынок сидит,
Глядя на своих родных,
Начал он издавека,
Чтобы не тревожить их:
— Степь родная широка;
Пешему не обогнуть...
За день устаешь чуть-чуть.
Вы, родители мои,
Утешители мои,
Вы побалуйте меня:
Дайте доброго коня!

И к тому ж в степи глухой
Враг встречается лихой:
Может, змей, а может, волк,
Может, целый вражий полк...

Чтобы руки мне сберечь,
Дайте мне булатный меч,
Я с мечом — непобедим!..

Тут родителям своим
Он про волка рассказал,
Что был мастью черно-пег,
Страшный выставив оскал,
Говорил, как человек...

— Тут, наверно, колдовство.
Все же я убил его!..
Но у волка — старший брат,
Что сильнее его стократ,
И отец, что всех сильнее...
Не пройдет десятка дней,
И они придут сюда,
А за ними вслед — беда...

И, поведав обо всем,
Зоригте забылся сном.

Мать-старуха, не будя,
Как умеет только мать,
Богатырское дитя
Уложила на кровать.

Но, любовно закатав
Красный вышитый рукав,

Слабо вскрикнула:
— Отец!
Посмотри, какой рубец!
Покалечена рука!

Видит с ужасом старик,
Что на коже у сынка
Отпечатан страшный клык.
— Ну и зубы! Ну и пасть!..
Зверь подобный неспроста
В наши забежал места.
Он и впрямь сулит напасть...

И решил тогда отец,
Согласилась с ним и мать,
Что Цецен, седой мудрец,
Должен это разгадать.

* * *

На коня своего воссев,
Боевую броню надев,
Что от горла и до колен,
Дед Арлу поскакал в хотон,
Где в кибитке с давних времен
Проживал премудрый Цецен.

Вон кибитки войлочный кров...

У хотона множество псов
Хором подняли лай и рев,
Как почувяли чужака.

Но известно от стариков:
Псы не трогают смельчака,
А на труса, тотчас признав,
Налетят, оборвут полу...

Зная смолоду песий нрав,
На собак не взглянул Арлу.
Отыскал он, где коновязь,
Привязал покрепче коня
И в кибитку вступил, склонясь,
Хоть мешала ему броня,
И тяжел у него был шаг...

У Цеена пылал очаг.
Вверх рвались огня языки.
И, хотя на дворе темно,
Было здесь народу полно:
Молодые и старики
Собрались, уселись в кружок...

Ведь не зря у нас говорят:
Где ни рос бы редкий цветок,
Источающий аромат,
Где, в какой бы глуши ни цвел —
Все равно привлечет он пчел.

Так, вкусивший мудрости мед,
Источающий свет любви,
Где, в какой глуши ни живи —
Все равно привлечет народ.

Посмотрев на лицо Арлу,
Пригласил его сесть мудрец,

Чая дал ему пиалу,
Чтобы жажду он утолил,
О здоровье жены спросил,
О сынке... И лишь под конец
Самый важный задал вопрос:
— Чем встревожен ты? Что стряслось?

Если слово правде верно,
То опору найдет оно.
И пока Арлу не спеша,
Хоть горела его душа,
Повторял тот самый рассказ,
Что услышал от Зоригте,
Люди, сгрудившись в тесноте,
Каждый звук ловили, страшась —
Не прервать бы рассказа нить,
Ничего бы не упустить!
А когда дед Арлу замолк,
На Цецена взглянули враз:
Принесет ли им беды волк,
Тот, что мастью был черно-пег,
Говоривший, как человек,
Пегий зверь, что был злоречив?..
Кто они — его брат, отец?..

Все молчали, томясь.

Мудрец

Был недвижим, глаза прикрыв.
Верно, он под защитой век
В память взгляд устремил — на дно.
То, что было давным-давно,
С тем, что есть, безраздельно слив,
Добирался он до корней
Всех былых и грядущих дней,

К ним подыскивал верный ключ.
Что грядет?.. Может статься, луч
Все ж пробьется сквозь тучу туч
И светло заблещет восход?

Точно так же, как зверолов
В ширь степей и дебри лесов
За добычей борзую шлет,
Так мудрец своей мысли ход
Через толщу пространств и лет
За правдивым словом вослед
Посылает, все дальше мча...

Ведь народ не зря говорит:
«Слово правды прочней, чем щит,
И острее острия меча».

Слово правды Цецен обрел
И орлиным взглядом обвел
Всех, что в страхе молчали вокруг,
А потом он раскрыл сундук,
«Золотую книгу» достал,
Развернул ее, перелистал
И сказал, распрямившись вдруг:

— Хоть корова и черна,
Молоко ее бело.
В дом простого чабана
Счастье светлое пришло.
Под дырявою кошмой
Сын родился не простой.

От невиданной беды,
Что сейчас уже в пути,

Могут лишь его труды
Наш родимый край спасти.

Положить пределы Злу
Может только сын Арлу.

Пегий волк — не зверь лесной,
Он — лазутчик темных сил,
Угрожающих войной...

Зоригте его убил.
И за это вся страна
Честь ему воздать должна.
Он сломал хребет врагу,
Изрыгавшему хулу!

Все сидевшие в кругу
Посмотрели на Арлу,
Словно бы благодаря
За сынка-богатыря.

Книгу вновь раскрыл Цецен:
— Не пройдет десятка дней,
Как придут враги страшней,
Волку пегому взамен.

Ибо правду молвил он:
У него есть старший брат —
Злой колдун Домбо-нойон,
Чьи глаза давно глядят,
Зарятся исподтишка
На приволье наших мест.
Он, Домбо, не спит, не ест,

У него зудит рука, —
Хочет степи захватить...
Пуще даже, может быть,
Той же страстью обуян
Великан, старик Буш-хан,
Тот, кого перед концом
Волк назвал своим отцом...

Буш с Домбо с недавних пор
Заклучили договор:
С нами воевать вдвоем —
«Вместе рати поведем!..»

Но колдун Домбо-нойон
Трусоват, хотя умен.
Честный бой не для него!
В ход пустивши колдовство,
Вдунул он свои войска
В брюхо Буша-старика.

Тот же, алчностью объят,
Сверх нойоновых солдат
И свои еще полки
Понабил к себе в кишки,
Ибо он, Буш-хан, старик,
Столь же глуп, сколь и велик.

Из-за груза армий двух
Буш раздулся, Буш разбух
И, огромный словно слон,
Встал на месте, чуть живой,
Он безмозглой головой
Так уперся в небосклон,

Что ни взад и ни вперед,
Ни вперед и ни назад...
Кажется, сойдет вот-вот
Он с последнего ума...

...Чуть не лопнула кошма
Над кибиткой мудреца —
Так смеялся стар и млад
Над поступками глупца.

А Цецен, взглянув на всех,
Улыбнулся им светло.
Но тотчас его чело
Омрачилось...

— Этот смех

Не ко времени, друзья!
Вот что в книге вижу я:

Буш опять — опасный враг,
Хоть дурак из дураков.
Половину всех полков
Сплюнув наземь кое-как,
Он теперь опять силен.
Обернулся волком он,
Не жалея сил и ног,
Сгорбясь, к нам бежит вприскок!

Приуныли все... В глазах
У людей мелькает страх.
Пожалев людей, мудрец
Молвил:

— Правду говорят:
Сообща народ — храбрец,
Одолеет даже ад.

Попадется хан Эрлик —
Сокрушит его народ.
Молот, если он велик,
В землю ватный столб вобьет.
Было так и будет впредь!
Надо ль нам, друзья, тужить?
Ведь за волю умереть
Лучше, чем в неволе жить!
Кто решился жизнь свою
В честном положить бою,
Тот вовек непобедим
И навек победа с ним!

Вновь над книгою Золотой
Наклонился мудрец седой,
Ищет он меж строками знак, —
Есть ли средства, чтоб сгинул враг?
Как своей отчизне помочь?..

Люди все не спят в эту ночь,
Глаз сомкнуть не дает им страх.
Молодцов-гонцов на конях
Разослали во все концы,
Чтоб скликали народ гонцы.

Чуть пробились лучи зари —
И на каплях росы зажглись,
Как в Цеценов хотон стеклись
Знаменитые богатыри.

Каждый мощен, в плечах широк,
И в бою неизменно лих.
Молодой Зоригте — меж них,
Хоть ему лишь пятый годок.

Но — написано на роду —
Только он отвратит беду.
«Коль теленка бьют, — говорят, —
У коровы зубы болят».

Все, кто видели мальчика, те
Сокрушались о нем, любя.
Но сынок Арлу — Зоригте
Как мужчина держал себя,
Будто он понюхал огня,
Будто все повидал малец...
И Цецен — великий мудрец —
К мальчугану подвел коня...

Если нужно за краткий срок
Путь недолгий проделать вскачь,
Тут хорош трехлетний конек:
Быстроходен он и горяч.

Если нужен неспешный бег
И дорога твоя длинна, —
Кобылица пригодней всех:
Терпелива она, ровна.

Если в бой идет удалец
И ни шагу нельзя назад,
Виды видевший жеребец
Здесь всего нужней, говорят, —
Тот, кто видел кровь и огонь...
Вот таков был Цеценов конь!

С виду вроде тяжеловат,
Но попробуй-ка обогнать!

С виду, может, и староват,
Но трехлетке не убежать!
С виду будто бы простоват,
Но умом — мудрецу под стать.
Норовистый он, говорят,
Но когда б налетела рать
На хозяина-удальца,
Захватить он не дал бы в плен!

Вот такого-то жеребца
Седовласый подвел Цецен
К молодому богатырю:
— Принимай, Зоригте! Дарю!
Коль над родиною беда,
Головы нам не жаль тогда!

* * *

На большой горе Болзатá,
Там, где юго-западный скат,
Яма вырыта, говорят.
Заповедные те места
Лес и тигр надежно хранят.
Семью семь, говорят, сажён
Этой ямищи глубина.
Семью десять, в бок, ото дна
Потаенный ход проложён,
А длины его и не счесть!
И в конце хранилище есть.

Сотни лет назад чародей
Там сокрыл Всеразящий меч,
Чтоб от бурь его уберечь
И от глаза дурных людей...

И про это Цецен седой
В книге вычитал Золотой.

Десять славных богатырей:
Прочих всех мощней и сильней,
Извлекли тот меч из земли
И, с трудом его волоча,
Чуть дыша под грузом меча,
К Зоригте его принесли.

Сын Арлу не знал, что сказать,
Покраснел в смущенье слегка...
Дрогнув, сжала его рука
Драгоценную рукоять...

Тут примолкли все, говорят:
Тяжеленный этот булат
Зоригте, по годам дитя,
Поднял вверх как будто шутя,
Будто это просто игра,
Будто меч — он легче пера,
Что кружится, слетая вниз,
Если в солнечной высоте
Сокол с ястребом подрались...

Начал пробовать Зоригте
Остроту своего меча,
Меч подставив грани луча,
Мощь удара он испытал,
Размахнулся мечом, пыля,
Сразу воздух чернее стал,
И на локоть ниже земля.

А мудрейший из мудрецов
Отозвал в сторонку бойцов.
Что им делать, сказал старик.
Каждый в умное слово вник.
Ибо знали: мудрейший прав...

Чутким ухом к земле припав,
Головой покачал Цецен.
И едва он привстал с колен,
Стало слышно: земля дрожит,
То Буш-хан-великан бежит.

Обсудили всё так и сяк,
Взвесив довод этот и тот,
Каждый скрытый и явный знак,
Где беда, где победа ждет,
Что отбросить, что предпочесть,
Что велит им хитрость и честь,
И решили все: до конца
Выполнять совет мудреца.

* * *

Зоригте доспехи надел,
На коня Зоригте воссел,
Вместе с ним — отборный народ,
Из храбрейших храбрых — пятьсот.

Каждый воин бесстрашен, лих,
Звонко блещет на нем броня.
Каждый не одного коня —
Двух ведет коней боевых.

Меж горою Болзата
И Богдо-горой крутой
Появилась чернота,
Солнце скрыто чернотой.

То бежит из дальних стран
Черно-пегий волк Буш-хан.

Страшный волк бежит едва,
Хочет силы поберечь,
Ведь пустая голова —
Ноша лишняя для плеч.
На догадки не богат,
Как бывает с дурачьем,
Буш вобрал в себя солдат,
Не подумав ни о чем.
Слишком много войска в нем,
Жжет его нутро огнем.

Проглотил он, как на грех,
Может статья, сотни сот.
Как поить-кормить их всех?
Лишь один у волка рот!

А войска жадны к тому ж:
Подавай им пить и есть.
По пути могучий Буш
Съел и выпил все, как есть.

Как гора идя меж гор —
Хорошо ль горе пойти? —
Сто колодцев, сто озер
Осушил он на пути.

Буш мечтает, что сожрет
Весь калмыцкий наш народ,
Даже след его сотрет,
Положив свое тавро.
Лишь тогда он утолит
Ненасытный аппетит,
Жажду, что его палит,
Иссушив насквозь нутро.

* * *

Меж горою Болзата
И крутой Богдо-горой,
Не нарушив строгий строй,
Молча встали на места
Все пятьсот богатырей,
Те, что храброго храбрей,
Те, что сильного сильней;
Придержав своих коней,
Ожидают в немоте
Приказаний Зоригте.

...Золотую сжав рукоять,
Оглядел он свои войска,
Выше знамя велел поднять,
Что, как шахматная доска,
Желто-пестрое, на ветру
Развеваясь, давало знак,
Что сегодняшней бой — к добру,
Что нельзя унывать никак.
И, погладив рукой виски,
Зоригте сказал:

— Смелычаки!

Не удержится никогда
На высотах острых вода.
Кто достиг в похвальбе высот,
Тот свой разум не сбережет.
Все вы слышали тяжкий бег,
То, огромен и черно-пег,
Приближается волк Буш-хан...

Тут наказ был каждому дан.
(А каков был этот наказ,
Вы узнаете не сейчас.)

* * *

В ухо, словно в барабан,
Бьет и бьет тяжелый скок,
Камни сыплются, песок...
Показался волк Буш-хан.
На дороге грохот, мгла,
Словно вскачь гора пошла,
И ее густая тень
Омрачила ясный день.

Говорят богатыри:
— Приближается, смотри!

Хоть по тучности своей
Волк бежал едва дыша,
Все же он прибавил шаг,
Увидав богатырей:
— Здесь добыча!.. Вот она!
И тягучая слюна
Побежала с языка. —
Вот еда!.. Близка, сладка!.. -

Мыслью этой обуян,
Побыстрее бежит Буш-хан.

Но пока бежал, пока
Совладал он со слюной,
Отодвинулись войска,
Обратясь к нему спиной.

По дороге вскачь летят...
Но, однако ж, пятьдесят,
Пятьдесят несчастных душ
Встали... Видно, им пропасть!
Всех, с конями вместе, Буш
Вдохом-бурей вдунул в пасть!

Глядь, еще несчастных сто
Тут же, за горой Богдо,
Встали, как на караул.
Всех с конями Буш сглотнул
Да еще сто душ вослед...
Половины войска нет!

Но проклятый волк не сыт.
Лишь быстрее он бежит,
Чтоб умерить голод свой
Половиною второй:
Ведь утроба все пуста!..

Двести да еще полста...
Все богатыри — пятьсот! —
Бушем вобраны в живот.
И, победой легкой пьян,
Похваляется Буш-хан:

— Если здесь, в краях степных,
Сохранится кто в живых,
Да сломают мне хребет,
Да погибну в цвете лет!..

Непонятно дураку
То, что люди всякий раз
Замирали на скаку,
Чтобы выполнить наказ
Мудреца и Зоригте:
Что они, богатыри,
Оказавшись там, внутри,
Уничтожат в темноте
Все Бушхановы войска,
Раздобудут огонька,
Ярко факелы зажгут,
Торжествуя, в пляс пойдут...
Там, в утробе, — крик и гик.
Ишкимдык!
Чичирдык!

* * *

Сын Арлу теперь один
От Буш-хана мчится прочь.
То поскачет во всю мочь
Между гор и меж долин,
То придержит вдруг коня,
Буша глупого дразня.

Бушу кажется, вот-вот
Он коня за хвост возьмет,
И засунет в жадный рот,
Но Цеценов конь — в намет

И несется напрямик:
Мол, попробуй-ка напасть!

Волк за ним едва ползет...
Волк задохся, сжался, сник
И упал, разинув пасть,
Длинный вывалив язык.

А пятьсот богатырей
В брюхе волка — там, внутри, —
За оружие скорей!..

Как пошли богатыри
Рассекать, рубить, колоть
Печень, почки — всё подряд!..
Хоть была Бушханья плоть
Из железа, говорят...

Зоригте назад спешит
От горы Сайгачий Нос.
Словно солнце, блещет щит,
Чудо-меч горит, как жар...

Богатырь врагу нанес
Сокрушительный удар,
В руку правую вложив
Силу гнева своего...
Как по камню рубанул!
Прокатился страшный гул,
Но упорно — колдовство! —
Волк Буш-хан, как прежде, жив!

Самой смерти вопреки
Мечет он из глаз огонь.

— Проколи ему зрачки! —
Подсказал Цеценов конь.

И тогда, коня осадив,
Повод на луку опустив,
Зоригте берет в две руки
Меч заветный с метким копьём
И, подавшись слегка назад,
И копьё и верный булат
Мечет волку прямо в зрачки,
Злобным пышущие огнем.

Меч летит, слышен звон копья.
Раскалятся острия,
И с мечом, с копьём наравне
Зоригте летит на коне.

Меч с копьём опустились вниз,
Волку прямо в зрачки впились.

Зоригте оружие догнал,
На копьё и на меч нажал,
Чтобы глубже вошли они,
Чтоб окончились вражьи дни...

Свет в зеленых глазах потух:
Волк Буш-хан испустил дух.

Зоригте свой нож берет,
Волку он вспорол живот.

А оттуда — чад и смрад,
А оттуда — кто бегом,
Кто ползком, кто кувырком! —
Вон богатыри спешат
И, носы свои заткнув,
Восклицают: «Фуф-ф!» и «Пуф-ф!»,
«Ну, вонища!», «Ну и грязь!..»

Наконец, освободясь,
Воздухом степных широт
Жадно дышат все пятьсот.
Те пятьсот, что всех сильней,
Вместе с тысячей коней...

До горы Сайгачий Нос
Их веселье донеслось, —
Смех громовый, шутки их,
Топот коней боевых.

Сгинул враг родной земли!
Тут же черный труп его
На большом костре зажгли,
Не оставив ничего,
Чтоб не смог он колдовать,
Не пришел бы к нам опять!

* * *

И пятьсот сильнейших людей,
Чьим бесстрашьем сражен злодей —
Волк Буш-хан, что был черно-пег, —
Побратались теперь навек,
Обнялись, на холм поднялись,
На холме они поклялись

В том, что каждый слушать готов
Зоригте — своего вождя,
И в сражениях бить врагов,
Милой жизни своей не щадя.

И взвилось, как заведено,
Знамя пестрое в облака,
Колыхалось — желто, черно,
Словно шахматная доска,
Над холмом, откуда видна
Чуть не вся степная страна.

А внизу под холмом потек
Нескончаемый ручеек, —
То из разных концов земли
Благодарность люди несли.

Впереди, как добрый отец,
Мед победы с детьми деля,
Показался Цецен-мудрец,
Рядом с ним Арлу и Буля.

Эти двое степенно шли,
Но, увидев, что там, вдали,
На коне Зоригте сидит,
Зарыдали оба навзрыд.

...Нескончаем пестрый поток.
Вот красавиц яркий венок —
Иль созвездье дневных светил, —
Поднимая чаши, поплыл,
Поднимая чаши, пропел
Победителям свой «Йорел»...

Семью семь — сорок девять дней
Длился праздник богатырей.

Допоздна и вновь до утра
Песням вторила там домбра.

Пелось в песнях о доброте,
О бесстрашии Зоригте,
Кто с пелен и силен и смел,
Чей рассудок в боях созрел.

Разгораясь в бессчетный раз,
Все не гас долгожданный пир
В честь того, кто отчизну спас,
Дал народу желанный мир.

**ЦВЕТOK,
ОДОЛЕВШИЙ БУРЮ**

Слышал я, что в стародавние годы
 В некоей стране, где небесные своды,
 Словно гигантский лазурный шатер,
 Вольный, степной увенчали простор,
 Там-то, с двенадцатью братьями вместе,
 В сладкоцветущем и радостном месте,
 Мирно росла, как цветочек сама,
 Девушка, имя которой Альма¹.

С милою жизнью прощаясь в печали,
 Мать и отец сыновьям завещали:
 Холить сестренку Альму и блюсти
 И жениха ей из лучших найти.
 Ну, а пока им, двенадцати, нужно
 Жить всей семьей нераздельно и дружно
 И сообща, не жалея труда,
 Множить свое достоянье — стада,
 Память родителей тем почитая,
 Приобретая почтение в крае.

Младшие, слушая старшего брата,
 Волю покойных исполнили свято.

---

¹ Имя Альма в переводе значит «яблоко».

Братьев Альмы одобрял весь народ:
«Сами добры, и сестренка цветет,
Станет и впрямь она яблочком алым,
Да и с приданым к тому же немалым».
Есть, мол, у братьев, шептались вокруг,
Медью окованный древний сундук,
В нем драгоценное предков наследье...
— Что там? — случается, спросят соседи. —
Золото, может?.. Кинжал?.. Самоцвет?.. —
Старший — Бадма — усмехнется в ответ.

Был он, Бадма, справедлив и отважен,
И, как у нас говорится, «на сажень»
Ставили братья всех выше Бадму,
Превосходящего их по уму.
Он же «на сажень» меньших своих тоже
Ставил за то, что они помоложе.

Горя не зная, что выжгло бы очи,
Сил не теряя с утра и до ночи,
С ясным рассудком и чистой душой
Старший, и средние все, и меньшей
Ждали с надеждою день светозарный
И провожали его благодарно.

Встанут, бывало, с зарей розоватой
И до пылающей яри заката,
Не утомляясь, друг с другом в черед,
Зорко пасут многочисленный скот
В благоуханном степном разнотравье,
В полдень усталое стадо направя
К звонкожурчащей струе родника,
Всех призывающей издалека,

Там отдыхают; бывало, от зноя,
Лоб освежают струей ледяною.

Женской работой не брезгают братцы.
Те, что в кибитке должны оставаться,
Варят обед, прибирают в дому,
Нянчат с любовью сестренку Альму
И на руках ее носят, заране
Предупреждая любое желанье.

Только лишь месяц светец свой зажег,
Братья, бывало, сберутся в кружок
И обсуждают спокойно и мудро,
Что надлежит им проделать наутро.
И все двенадцать, по воле Бадмы,
Соединяют свои все умы,
Не обижая и младшего брата,
В разум один — многогранный, богатый...

Так они жили, в гордыню не впав,
Так сохранили приветливый нрав,
Миром довольны, друг с другом согласны,
Зависти, злобной змее, не подвластны,
Славя Сегодня за то, что прекрасно,
Даже тогда, когда небо ненастно,
И, в ожиданье грядущего дня,
В сердце горячем желанья храня,
Ибо, как только желанья заглохнут,
Корни веселья и счастья иссохнут.

Двигается дней и ночей оборот,
Близкое вдаль неизменно плывет,
Дальнее в близь неизбежно придвинув...
Только нагнешься и выпрямишь спину —

Время, что было еще впереди,
Тенью скользнув по лицу, по груди,
Легкой морщинкой оставив замету,
Волосы чуть изменивши по цвету,
Припорошив их слегка сединой, —
Время уже у тебя за спиной!..

Вот и с Бадмой приключилось то же:
Да не вчера ли среди молодежи
Был он как равный?.. Но мчатся года,
Глядь — голова серебристо-седа!..

Впрочем, Бадма от того не в убытке:
Он ведь отца заменяет в кибитке.
Младшие братья — что дети его,
Радует младших его старшинство,
И выполняют они порученья
Не из боязни, а лишь из почтения.

2

Тают снега и уносят с собою
Годы, бегущие без перебоя,
И колесо свое в полный разгон
Крутит прилежная прялка времен.
Не отдохнет и мгновения даже
И оставляет звенящую пряжу:
Не оборвать ее, не изменить —
Жизни земной непрерывную нить!

Вешними, радостно-свежими днями
В зелени, словно в лучащейся раме,

Будто ягненок, бывало, с утра
Добрых двенадцати братьев сестра,
Не уставала играть и резвиться:
Малым ребенком была озорница.
Годы бегут по пути своему...
Как-то взглянув на сестренку Альму,
Охнули братья: где птенчик их малый?!
Тополем стройным лозинка предстала!
Вот чудеса-то!.. Альма средь подруг
Самой прекрасною сделалась вдруг.

Слухи о ней понеслись по хотонам —
И по ближайшим, и по отдаленным,
И, не пугаясь опасных дорог,
Наипустейший придумав предлог:
Будто у всех у них время в избытке,
Гости к двенадцати братьям в кибитки
Скачут, идут... Не проходит и дня,
Чтоб не сидело чужих у огня.

Роем жужжат длиннокрылые слухи.
К братьям спешат старики и старухи
Из сердцеведов, из тех, что на взгляд
Свойства характера определяют.
Как, мол, невеста? Скромна иль спесива?
Так же разумна, насколько красива?
Всё они высмотрят взглядом одним.
Всё?.. Или, может, так чудится им?

Речь о неважных делах, не иначе,
Скромно ведут они, важное пряча.
Хитрость их только Альме не видна, —
Белыми нитками шита она.

Братья внимают беседе невинной
Так, как велит им обычай старинный,
Будто уловок не видят совсем;
Гостя учтиво проводят затем,
Словно приезд его ставят в заслугу.
Гость уезжает... Взглянув друг на друга
И убедаясь, что чужих не видать,
Приснут батыры, пойдут хохотать.

Только красотке Альме невдомек
То, что она, как ночной огонек,
Бабочек вокруг собирающий летом,
Всех привлекает мерцающим светом.
Мудрые братья молчат до поры
И не смущают покоя сестры.
Дома Альме-баловнице не худо,
Незачем ей волноваться покуда.
Нежное сердце встревожить легко,
А до решенья еще далеко.

Близким далекое стало однако:
Кто из улуса, а кто из аймака,
Кто из хотона далеких сторон
Скачет к двенадцати братьям в хотон,
Цели приезда теперь не скрывая.
Скажут, везут из неблизкого края
Братьям разумным прекрасной сестры
Низкий поклон, дорогие дары —
Жирных баранов, сосуд с аракою, —
Хвастая щедрой своею рукою.
Скажут и просят у братьев ответ
Самые славные в крае мужчины:

Мол, отдадите сестру или нет?
Ежели нет, укажите причины.

Но не теряются умные братья.
Молвит Бадма:

— Был бы рад вам отдать я
Нашу сестру, но Альма молода,
Птенчик еще... Без родного гнезда •
Даже и в самом богатом жилище
Будет она обездоленной, нищей.
Наша семья благодарна за честь,
Но принимайте всю правду, как есть.
Жить без родных в стороне чужедальной
Было бы девочке слишком печально.
Может завянуть столь юный цветок.
Рано еще... Не пришел ее срок.
Рано... Но как ни отталкивай «рано»,
Все оно движется к нам постоянно.
Как ни проси — наплывает, растет,
Не принимая моления в расчет,
Над горизонтом плывет все свободней,
Чтоб наконец превратиться в Сегодня.
Глядь, и сегодняшней день отошел,
Как ты его ни держи за подол, —
Уж не сегодняшней он, а вчерашней...
Этот закон — неизбежный, всегдашний,
Нам неподвластный во веки веков,
Волею зоркой Природы таков.

Осуществляя извечное право,
Он удлиняет деревья и травы

И направляет и движет в свой срок
Жизни сладчайший, горчайший поток,
Судит и правит явлениями всеми.
Видно, всему на земле свое время:
Время родиться и время цвести,
Время смириться и время уйти.

Плохо, когда между «рано» и «поздно»
Лишь пустота разверзается грозно.
Тот, кто свой срок упустил, для того
Горечью вздохов полно естество.
Кто уклонился в свой срок от деянья,
Сделал ничтожным свое достоянье,
Все, что в свой срок не свершил человек,
То улечувивается навек.

Братья Альмы — и кротки и мудры —
Знают, что медлить умно до поры.
Время уходит, и надо ж когда-то
Выбрать меж многих почтенного свата
И, расспросив у людей пожилых,
Впрямь ли достоин невесты жених,
Верно ль, что это жених — наилучший,
Знаком судьбы посчитать этот случай
И осчастливить сестрицу свою,
Доброго мужа ей дав и семью.

3

«Правдой неправду представивший грубо
Может на каше сломать себе зубы.
Правдою правду представивший — тот
Камень зубами подчас разгрызет».

Были решения братьев правдивы,
Были расчеты разумны на диво,
Было бы счастье Альмы велико,
Да поселилось оно далеко.

Если, не днюя в пути, не ночуя,
Гнать что есть мочи трехлетку лихую,
Не различая ни света, ни тьмы,
Через просторы, озера, холмы,
Ежели множество верст перемерить,
Дней проскакать семью семь — сорок девять,
Путь завершится в хотоне степном,
Где проживает, известный умом,
Силой негнущейся, стойкой отвагой,
Он, воевавший калмыкам на благо,
Он, богатырь знаменитейший наш,
Гордость народа — могучий Араш.

Он-то, Араш, всех врагов сокрушивший,
Он, поднимающий выше и выше
Свой семикратно прославленный род,
Братьям дары и приветствие шлет
И от себя и от старшего сына.
Слив пожелания с ним воедино,
Хочет могучий сосватать ему
Яблочко счастья — красотку Альму,
Слух о которой пронесся по свету.

Прибыли сваты. И просят ответа.

Сваты, испытанные в красноречье,
 Видно, скакали не зря издалече.
 Братьям слова их по вкусу пришлось:
 Тут же, за трапезой, все поклялись
 Клятвой великою, клятвой священной
 Верность друг другу хранить неизменно,
 Зло сокрушить, помогая добру...
 Если, взрывая земную кору,
 С гневом стихия поднимется злая,
 Если, родимым краям угрожая,
 Хлынет на степь иноземная рать,
 Будут они друг за друга стоять.

Ну, а покуда, на радость невесте,
 Братья и сваты пируют все вместе,
 Мир на «твое» и «мое» не деля,
 Музыкой, песнями слух веселя.

Вторя звучанию нежной ятхí,
 Девушки песни старинной стихи,
 Стоя рядами, ласкающе пели,
 Нежили душу их стройные трели.
 Чуть замолкала их звонкая стая,
 Тотчас, плечами тряся, громыхая
 Так, что качалась, дрожала земля,
 Вихрями вея, орлами орля,
 Ноги сгибая, под крики «Хадрис!»
 Парни вокруг девушек в пляске неслись.

Все отдаляя минуту прощанья,
 Праздник, казалось, не знал окончанья.

Но не пора ли, однако, отвезть
Тем, кто заждался, хорошую весть?..
Братья довольны: их выбор удачен.
День солнцблещущей свадьбы назначен,
Сваты о том говорили с Бадмой...
Но перед тем, как поехать домой,
Шаг свой замедлил старейший из сватов.
Что-то, как видно, за пазухой спрятав,
Он осторожно рукою извлек
Шелковый, чудного вида платок
И развернул его...

В ту же минуту
Стало намного светлее, как будто,
С неба скатившись, блеснула звезда,
И разлилось по кибитке тогда,
Тихо струясь, голубое сиянье.
Люди стояли в смущенье, в молчанье.
Лишь у иных пронеслось в голове:
«Фокусы это, наверно, илве»...

Братья с Бадмою, невеста, подруги
Долго смотрели в восторге, в испуге,
Молча и словно на месте застыв,
Как многоцветных лучей перелив —
То золотистый, то голубоватый —
Плыл из ладони у старшего свата,
Как пробивался сквозь тонкий платок...
Что там такое?.. Алмаз? Огонек?..
И почему он так празднично ярок?..

— Это Альме от Араша подарок.
Дивный портрет его сына — Бембе.
Не о простой говорит он судьбе... —

Сват между тем пояснял горделиво. —
Лик жениха, словно солнце, красивый,
Нет благородней Бембе меж людьми!
Вместе с платочком, невеста, прими!

Сват поклонился почтительно братьям,
Все же портрета не стал отдавать им.
В руки Альмы он вложил этот дар —
Сверток чудесный, горевший, как жар.
Дар принимая, невеста смутилась,
Нежным, горячим румянцем покрылась,
Яблочка спелого стала красней...
Девушки стайкою бросились к ней,
От любопытства дрожа и сгорая:
— Ой, покажи, покажи, дорогая,
Вправду ль хорош он, жених твой Бембе?
Славный платочек прислал он тебе!

— Спорить не будешь: подарок отменный! —
Вторили старые люди степенно.
Не промолчал ни один человек...
Сват седовласый волненье пресек,
Слово свое продолжать он намерен:
— Дело не в том, что портрет этот верен,
Что, неспособный на ложь и обман,
Юный Бембе здесь, как белый тюльпан, —
Он и хорош, и похож чрезвычайно...
Скрыта в портрете великая тайна:
В черточке каждой, прозрачна, тиха,
Дышит живая душа жениха.
Соединенная нитью незримой
С нею, Альмою, невестой любимой.

Если все так же средь милой родни
Будут ей посланы ясные дни,
Дому — покой, а родным — долголетье,
Свет не померкнет на этом портрете.

Если же горе сюда пригрядет,
Черной клюкой постучит у ворот,
Вестники зла прилетят к изголовью, —
Очи портрета наполнятся кровью,
Разом померкнет сияющий свет...
Глянь-ка, невеста, каков он, портрет!.. —
Сват обратился к Альме ясноглазой.
О, как хотелось послушаться сразу,
Глянуть скорее, хорош ли жених...
Все ж дозволенья у братьев своих
Девушка взглядом спросила...

Прекрасно!

Те головами кивнули согласно:
Дескать, взгляни, если хочешь, сама...
Тут же платок развернула Альма.

Радуга вокруг поплыла, засверкала,
Всех ослепила... Но мало-помалу
Глаз к нестерпимому блеску привык.

Смотрит Альма на пленительный лик,
И теплота в ее сердце струится...
Смотрит шалунья Альма, баловница,
Девочка та, для которой вчера
Жизнь была только забава, игра.
Странно ей... Дома она иль не дома?
Все ей предстало теперь по-другому:
Близкое — чуждым, чужое — родным.
Самое время стало иным.

Братья, подруги, все люди хотона
Тоже глядят на портрет изумленно:
Что там за чудо в девичьей руке?..
И наконец восклицают:

— Дяркел¹

Лик этот милый, немного печальный,
Видно, воссоздал творец гениальный.
Он, изучивший души глубину,
Правду сокрытую, правду одну
В образе каждом искал терпеливо,
Ложь отстраняя рукою брезгливой,
Даже когда и нарядна она.
Вот потому-то проник он до дна
Юноше в душу и кистью великой
Суть воплотил нежно-смуглого лика,
Всплывшего, словно бы солнце в ночи.
Кистью своей передал он лучи
Глаз, что сияли святой добротой.
Вот потому-то Бембе, как живой,
Был на портрете. Казалось, что слово
С губ его теплых сорваться готово.

Видели все, что не красок игра —
Нет, воплощенье любви и добра
Чудом предстало на этом портрете...
«Есть же подобная прелесть на свете! —
Думали люди. — Хотя б вдалеке!..
Жизнь-то и впрямь хороша... О дяркел!»

Все зашумели. Бадма между тем
В тень отошел, озабочен и нем.

---

¹ Дяркел — Божел

С тайными страхами воля боролась.
«Время!» — приказывал внутренний голос.
Страхи шептали: «А может, и нет?
Может, не время исполнить завет
И передать дорогое наследье?»

Все же Бадма, не мешая беседе,
Отпер окованный медью сундук,
Взяв осторожным движением рук
Нечто, прикрытое стертою кожей...
Что это? Золото? Нет, не похоже!..
Лалам присуще иначе блестеть...
Это витая тяжелая плеть.
Значит, об этом молва толковала?..
Плеть... Рукоять у нее из сандала.
Странно мерцают на ней письма.
Даже и в сумерках ясно видна
Росписи мелкоузорная вязь...

К свату Бадма подошел, поклонясь:
— Вот он, подарок Бембе дорогому
И от Альмы, и от нашего дома.
Нашим наследьем он будет владеть.
Это не просто красивая плеть,
Наша родня ей не зря дорожила:
В плети сокрыта великая сила.
Злых устрашали во все времена
Эти сияющие письма.

Верю, что сын благородный Араша,
Тот, что всех прочих смелее и краше,
Вправду достоин принять этот дар.
Если надвинутся мор и пожар

Иль нанесут ему тяжкие раны
Чернокосматые слуги обмана,
Плеть расписная в могучих руках
Зло укротит, обратит его в прах.
Слушайте далее: плети известно,
Что происходит в хотоне невесты.
Все передаст жениху эта плеть...
Если по-прежнему будет блестеть
Масло на крепкой ее рукояти,
Значит, здоровы невеста и братья,
Нашему краю дано процветать.
Если же вдруг, обагрив рукоять,
Выступят алые капельки крови,
Плеть призовет: «Будь, Бембе, наготове!
В доме невесты случилась беда.
Эй, на коня!.. Отправляйся туда!»

Приняли сваты подарок с поклоном.
С братьями стали прощаться, с хотоном,
Всех за радушие благодаря...
Утром, едва разгорелась заря,
В путь они двинулись, в дальние дали.
Братья своих скакунов оседлали
И, провожая гостей далеко,
Вслед пожелали: — Да будет легко
Мчаться дорогой беспыльною, белой! —
По возвращеньи возникшее дело
Вновь обсудили.

И с этого дня
К свадьбе готовиться стала родня.

Дальше? Что дальше случилось со всеми?
 Дальше как будто раздвоили время.

Время одно — все бежит, как назло.
 Только что, кажется, солнце взошло,
 Только что взялся за важное дело,
 Только что начал, а солнышко село.

Время второе — бессильно ползет,
 Солнце ленивое на небосвод
 Еле взберется и медлит в зените,
 Поторопите его!.. Подтолкните!
 В небе стоит неподвижно оно,
 Будто приклеено, пригвождено.

Люди, что шьют или вяжут для свадьбы,
 В страхе торопятся: не опоздать бы!
 Всё ли успели скроить и соткать?
 Кажется, все... Но, проверив опять,
 Видят: забыта нужнейшая малость.
 Только исправят — неделя промчалась,
 А за неделей и месяц пропал...
 Время для них словно конь-аранзал.

А для других... нет, верней, для невесты
 Время не движется, солнце — ни с места,
 Тянется ночь: петухи не поют...
 Время Альмы — колченогий верблюд.

Встанет невеста, мгновенья не чая:
 «Скоро ли братья покушают чая?»

И, торопливо посуду помыв,
Выбежит в степь, в ароматный разлив
Сладостных трав, горьковатой полыни,
Радость прихлынет... Портрет она вынет:
— Здравствуй, мой друг долгожданный!..—

В ответ

Ей улыбнется глазами портрет,
Вымолвит, губ своих не раздвигая:
«Как тебе нынче спалось, дорогая?
Что ты увидела нынче во сне?..»
Здесь-то, в привольной степной тишине,
Вдосталь душа потолкует с душою.
Время начнется другое — большое,
Время, в котором мгновенье одно
Тайного, скрытого смысла полно.
В слух проникают желанные вести.
Хочется плакать, смеяться невесте.
Чувством налита душа до краев.
А у Альмы не находится слов, —
Так это чувство для девушки важно...

Все это выльется в песне протяжной,
Той, что от бабки слыхала она,
Той, что певали во все времена
Утром весенним в калмыцком кочевье
Девушки, птицы, цветы и деревья.

6

Но время все-таки идет
И для нее, Альмы.
Давно растаял сизый лед,
В помине нет зимы.

И девушка что деревцо,
Омытое дождем:
Ее румяное лицо
Прелестней с каждым днем.

Минуло ей шестнадцать лет.
Милы ее черты.
Сквозь них сияет чистый свет
Душевной доброты.

Он изливается, лучась
Из полудетских глаз,
Напоминая всякий раз:
Свет жизни не погас!

И тот, кто сдался, кто устал,
Кто счастья не нашел,
В ком цвет весны давно увял
От мелких бед и зол,

Заметит вдруг, что гнет забот
Слетел с него долой...
Не сразу, верно, он поймет,
Что встретился с Альмой,

Но освежен живой водой
Ее цветущих лет,
Ее любовью молодой
И радостью согрет;

Начнет он снова ощущать,
Что сладок жизни сок,
Что раскрывается опять
Души его цветков.

* * *

— Весна! — воскликнул дикий гусь. —
Вставайте! Рассвело!.. —
Но почему такая грусть?
Что на сердце легло?..

Никто не вразумил Альму,
Что счастья вешний цвет
Терзает завистью шулму¹ —
Носительницу бед.

И та спешит изобрести
Обходные пути,
Чтоб стала жизнь трудней, лютей...
Что в жизни у людей
И боль, и радость сплетены
В один тугой клубок...
Невесте в дни ее весны
Покуда невдомек,

Что тяготит ее, Альму.
Быть может, сон дурной?
...Альма откинула кошму,
Спешит в простор степной.

Над степью праздничный восход.
Рассеялся туман.
Портрет невеста достает,
Взбегает на курган

---

¹ Ш у л м á — злой дух калмыцких сказок.

И снова торопливо вниз...
Покоя нет нигде.
Как буря, мысли пронеслись:
«Сегодня быть беде».

Но даль чиста, но даль светла...
Твердит себе Альма:
«Все хорошо. И я сошла,
Скорей всего, с ума.

Когда наклеишь беду,
То явится беда...
Уж лучше к озеру пойду.
Там весело всегда».

Стоит Альма над зыбью вод
И смотрит, чуть дыша,
Как важно уточка плывет,
Скользит средь камыша,

Среди озерной красоты,
Меж бликов и теней,
И, словно желтые цветы,
Утята вслед за ней.

Как будто золотой шнурок
По глади тащит мать,
А по пути дает урок,
Как пищу добывать.
Нырнула, шейку изогнув:
«Учитесь, детвора!»

И вот победно поднят клюв,
В нем слиток серебра...

Сам селезень недалеко,
Зеленовато-сиз.
Он на утином языке
Зовет семейство вниз,

Туда, где будет славный лов,
Указывает путь...
«И мы с Бембе своих сынов
Взрастим когда-нибудь...» —

Альме подумалось. Вдали,
Над золотом струи,
Там шеи гибкие свои
Два лебедя сплели.
Стоят, застигнуты весной,
Сверкают белизной...
«Вот так когда-нибудь к тебе
И я прильну, Бембе!»

Невеста вздрогнула, смутясь:
«Ох, выдала секрет!.. —
Глядит — вокруг прохлада, ясь... —
Никто не слышал, нет?»

Из камыша донесся плеск,
Взлетел, блестя, фонтан.
Там, рассыпая звездный блеск,
Пошел плясать сазан.

Горит на солнце каждый сгиб
Чешуйчатой спины,
И пляшут стаи крупных рыб
Свой танец в честь весны.

Рыбешек малых вверх взмело...
Ну пляс!.. Ну кутерьма!..
Туда, где воды как стекло,
Шагает вброд Альма.

Вода — блестяща и мягка —
Лепечет ей: — Взгляни!.. —
Альма над гладью озера
Склонилась... «Маани!»

Прелестнейшее существо
Ей улыбнулось вдруг.
— А я ведь, право, ничего! —
Альма сказала вслух.

— Что ж, ты должна ее беречь,
Красу, что всем мила. —
Вода шепнула. Эту речь
Невеста поняла. —
Любовь дарует доброту,
А значит — красоту. —
Альма расслышала опять
И вновь смогла понять.

Язык воды, травы, зверья
Стал нынче, как родной...
«Быть может, поумнела я?
Не знаю, что со мной...»

И кто способен разъяснить
Взволнованной Альме,
Что здесь причина, может быть,
Не в знанье, не в уме.

Любовь ей отворила слух,
Любовь ей окрылила дух:
Ведь тот, кто любит и любим, —
В родстве со всем живым.

Альма все дальше вглубь идет
По ласковому дну
Озерных, серебристых вод...
«Нырну! Сейчас нырну!..»

Дарит ей озеро покой,
Омыт сомненья грех...
И девушка, взмахнув рукой,
Кричит: — Люблю вас всех!

Блести, вода, во всей красе!
Ты, уточка, пльви!
Ликуйте все, живите все
В довольстве и любви!

Пускай цветет свой полный срок
Любой степной цветок!
Да будет счастлив мотылек,
И мушка, и малёк!
Да правит миром птиц и трав
Любви закон живой!..

Птицы с опаленными крылами
Падают на землю тяжело?..
Небо!.. Кто глумится там, над нами?
Зло пришло... Откуда это зло?

Кажется, ни ветра, ни ненастья...
Но вещает сердце о плохом.
Может, где-то вдалеке несчастье?..
Может, что дурное с женихом?..

«Милый мой, мой сокол ясноокий,
Что могло с тобой произойти?..»
Кто-то сердце сжал рукой жестокой,
Не людской — когтистой, в шерсти...

«Духи ада!.. Пронеситесь мимо!
Все равно вам счастья не отдам!»
Достает Альма портрет любимый,
Поднесла к заплаканным глазам...

Блещет лоб его, как прежде, чистый...
Нет, недугом он не омрачен!
И, как прежде, взор Бембе лучистый
На Альму с любовью обращен...

Он все тот же — добрый, озаренный...
Слава небу!..

Но — о чудеса! —

Через степь, со стороны хотона,
До Альмы домчались голоса —
Чьи-то зовы... А вернее, стоны...

Слабенько звучат они, и глухо,
И почти неслышимо для уха,
Но для сердца — грозно, как громá.
Различает девушка с испугом:
Все двенадцать братьев, друг за другом,
Призывают жалобно:
— Альма!..

В голосах любимых столько муки!..
Узнает она, ломая руки:
«Это — старший... Это — младший мой!»
Пошатнулась: подкосились ноги.
Но вскочила тотчас... Без дороги,
Задыхаясь, бросилась домой.

Сквозь кустарник, раздирая ветви,
Мчится. Пробегает через дол.
Ветра нет, но как при буйном ветре,
Развевается ее подол.
А тоска в груди все неизбывней,
Словно в сердце когти вонзены...
Ливня нет. Но, как при буйном ливне,
Щеки у Альмы влажным-влажны.

Путь привычный мнится бесконечным...
Встречные с тревогой смотрят вслед:
— Эй, Альма!.. Куда бежишь чем
свет?... —
Но Альма не отвечает встречным...

Не сказав ни слова, дальше мчится,
Как недавно прочь летели птицы,
Словно бы прогнала их шулма.

Добежала... В ужасе великом
Ворвалась в кибитку.

С диким криком
Без сознания падает Альяма.

...Вот они лежат — рядом, в бессилье, —
Все двенадцать, что ее растили,
Словно здесь, на земляном настиле,
Отдыхают от больших работ.

Отдыхают?.. Нет, лежат так странно:
Неподвижно, слепо, бездыханно...
В уголке у губ — темно и рдяно —
Медленною змейкой кровь течет...

Люди услышали крик дурной,
И к кибитке — со всего хотона...
Замерли у входа потрясенно.
Онемели. Пятятся спиной...

«Мор... Чума...» — решили втихомолку.
Как сайгаки, встретившие волка,
Врассыпную бросились домой.

Разобрали наскоро кибитки,
Увязали кое-как пожитки...
Весь хотон готовится в отъезд.
Так корова, кровь сестры почуя,
В сторону кидается любую, —
Лишь бы дальше от проклятых мест!

Как пожар степной, возникший рядом,
По траве ползет — с шипеньем, чадом, —
Слово «мор» бежит из уст в уста.

И, еще не закатилось солнце,
Как в дорогу собрались хотонцы,
Подались на новые места.

Про себя бормочут божье имя
И бичами толстыми, витыми
Гонят вскачь верблюда иль быка,
Так нахлестывая им бока,
Будто злополучная скотина —
Всех несчастий их первопричина.

«Кто накликал бедствие? Кому
Выпал жребий прогневить шулму?..
Может, кто-то наступил на масло
И благополучие угасло?
Иль шагнул он через молоко?..
Это тоже сходит нелегко...
На хотон напали злые духи
И наслали смертоносный мор...» —
Рассуждают меж собой старухи.
А мужья, зятя — во весь опор
Гонят скот за старые пределы.
Жаль, в хотоне — бедная Альма!..
Но когда тебе грозит чума,
То «своя рубашка ближе к телу».

* * *

Бедная Альма глаза открыла...
Братья рядом — неподвижны, стылы.
Слезы жарко брызнули из глаз,
Снова ослепив ее тотчас.

Тело словно придавили тяжко,
Корчится в бессилии бедняжка.
Мир вокруг — безлюден, глух и нем...
Надо встать. И надо жить. Зачем?..

Все же поднялась мало-помалу
И над братьями запричитала:

— Вы, что на руках меня держали,
Холили меня и ублажали,
Согревали теплотой дыханья,
Выполняли все мои желанья,
Отгоняли прочь беду-злосчастье,
От эрликов бережно хранили...
Где вы, дорогие?.. В полной силе
Умерли, погасли...

Очи ваши, что могли воочью
Разглядеть опасность днем и ночью, —
Мол, при вас сестренку не обидят!.. —
Где они, сияющие очи,
Что глядели с нежной лаской отчей?..
Умерли, не видят...

Уши ваши, что малейший шорох
Различить могли в степных просторах,
Чуяли, как ночью травы дышат,
Те, кого боялся тайный ворог,
Те, кому был детский смех мой дорог, —
Умерли, не слышат...

Братья, где вы?.. Где ваш быстрый разум?
Все двенадцать вы умолкли разом.

Что сгубило вас?.. Чума? Напасть ли?
Что вы сделали со мной, сестрою?!
Бросили на свете сиротою!
Умерли, угасли...

Ваших слов я не услышу боле.
Одинокая былинка в поле,
Я к земле приникну поневоле
В день ненастный.

Вы, что были мне всего дороже,
Цепенеете на смертном ложе.
Братья, братья!.. Вслед за вами тоже
Я погасну.

* * *

«Сколь ни тяжек плод, — сгибаясь долу,
Стебель выдержит.
Сколь бы горе ни было тяжелым, —
Сердце выдюжит».

Снова сердце у Альмы забилося,
Голова немного прояснилась,
Стала боль прозрачна и тиха.
И, подобно солнцу из-за тучи,
Из глубин ее печали жгучей
Выплыл милый образ жениха.

Тихий голос, полный состраданья,
К ней донесся через расстоянья,
Через реки, горы и моря.
И Альма внезапно услышала

Чутким слухом, всей душой усталой:
«Я с тобою, бедная моя!
Я с тобою неизменно буду!..»

Как оно свершилось, это чудо?
По чьему велению, чьей мольбе?
Нежность пробудилась в ней и жалость,
И Альма вскочила, не сдержалась,
Закричала горестно: — Бембе!

Клич помчался к северу и югу,
Полетел в заоблачные дали.
Этот зов, слегка клонясь друг к другу,
Все цветы и травы повторяли.
Ветер эхо горестного клича
В норы перенес и в гнезда птичьи,
И заплакали зверьки и птицы,
Сожалев об Альме-сестрице...

А тем временем Альма дивилась:
Где же люди, где подружек стая,
С кем она в младенчестве резвилась,
Тайнами делилась, подрастая?
Почему их голосов не слышно?..
Из кибитки сиротинка вышла.

Огляделась вокруг, глазам не веря...
Что такое? Иль она ослепла
От беды, от горестной потери?..
Пусто вокруг... Летают хлопья пепла,
Где стоял хотон, теперь просторно,
Холодно и гулко, как в пустыне.
Лишь помет скота, чернея, стынет,
Словно бы щербины оспы черной.

Что такое приключилось, что же?!
Может, проскакала сила вражья,
Молодых и старых уничтожа?..
Все — чужое... Лишь луна все та же,
Смотрит в безразличии великом
На Альму, блистая круглым ликом...

«Села бы верхом на кобылицу, —
Гривы нету, не за что схватиться!
Мух тоски подальше б отогнала, —
Нету ни кнута, ни опахала...»
Вымерло на свете все живое...

Тут раздался свист над головою...

* * *

Свист пробился через тучи,
Словно кто Альму позвал.
Видит: мчится конь могучий,
Чернокрылый аранзал.

Свист ввинтился прямо в ухо,
В сердце самое вошел.
На коне сидит старуха,
Развевается подол.

Что есть духа, легче пуха
Приближается старуха.
Лихо спрыгнула с седла
И девицу обняла:

— Что, Альма? Терпеть нет мочи?..

Трудно в горе быть одной!

— Кто вы?..

— Иль признать не хочешь
Тетеньки твоей родной?..

Я тебя малюткой знала! —

И, вздохнув, запричитала

Очень жалобно и глухо

Эта странная старуха: —

Ой, племянники мои родные,

Вы, орлы, богатыри степные!

Вы, двенадцать золотых сердец,

Кто насрал на вас лихой конец?

Кто коварной злобою змеиную

Выжиг очи ваши соколиные?..

Чьими кознями, чьей немилостью

Ваше солнышко закатилось?..

Словно звездочки, отблестали вы

И оставили тетку старую...

Стонет, воеет в полный голос,

Точно боль невперенос,

Рвет руками тусклый волос —

Пряди серые волос.

Причитает все быстрее,

И Альма рыдает с нею.

Но теперь не так ей больно.

Истомленная безлюдьем,

Думает она невольно:

«Все ж на свете не одна я...»

— Тетя, тетенька, родная!

Что мы обе делать будем? —

Распрямясь, старуха встала.
Конь крылатый — в поводу:
— Отведу я аранзала
И тотчас к тебе приду.

Обернулась — нет старухи приткой.
К братьям девушка пошла, в кибитку.
Фитилек лучиной засветила:
Каганец горит во тьме вполсилы.
Все двенадцать братьев — как живые!
Не страшны их лица восковые.

И сестрице, как бывало, любви
Щеки эти бледные и губы.

Вовсе не испытывая страха,
Оправляет волосы, рубаху
На лежащих братьях то и дело
И вздыхает горестно сестрица.
Села в угол...

Скоро возвратится
Тетушка, что с неба к ней слетела.

Правда, через две иль три минуты
Старая ступила на порог.
Замигал светильник почему-то,
Зачадил, забился фитилек.
И Альма зажмурила ресницы:
Вдруг ей показалось из угла,

Что у всех лежащих братьев
лица
Словно судорога повела.

А старуха, горбясь чуть не вдвое,
Вроде бы сложилась пополам,
Встала у Бадмы над головою,
Что-то поднесла к его губам, —
Кажется, кюрде, священный свиток...
Словно тень она среди убитых.
Опустила длинный нос вороний,
На головы им кладет ладони...

Ниже-ниже клонится старуха,
Напрягает сморщенное ухо,
Вся как будто превратилась в слух,
К небу подняла глаза...

И вдруг
Испустила нечто вроде стона —
Хрипло, точно каркнула ворона:

— Эй, Альма! Прислушайся сама:
Жив еще твой старший брат Бадма!

Фитилек внезапно вспыхнул с дрожью,
Разгорелся ярче каганец...

— И другие братья живы тоже!..
Иль не слышишь слабый стук сердец?

Бьются пульса тоненькие нити,
Кровь по капле поступает в жилы...

— Тетя, тетя! Что вы говорите?!
— Говорю, что слышишь: братья — живы.
Не сдались в последнем поединке!
Прочь душа еще не отлетела,
Не покинула навеки тела,
Держится на слабой паутинке.

— Живы братья?! Ох, не верю счастью!

Взяв Бадму за жилистую руку,
Тетка, словно бы впилась в запястье,
Замерла, прислушиваясь к звуку...

— Тетя, неужели вправду чудо?! —
И Альма услышала:

— Покуда
Жив Бадма. И живы остальные.

— Братья! Милые мои! Родные!..
Как теперь я вас лелеять стану!..

— Стой, голубка! Радоваться рано. —
Голос у старухи хриплый, жуткий. —
Иль ты недослышала, девчонка?!
Души их — на паутинке тонкой,
В пустоте, в холодном промежутке
Между жизнью и жестокой смертью...
Сила их чуть теплится в предсердье,
Их существование так хрупко...

— Тетя!.. Как же укрепить их души?
Жизнь мою отдам за это тут же!.. —

Тетка развернула свиток-трубку,
Что была с кюрде по виду схожа.
Видит девушка: на темной коже
Знаки, словно налитые кровью.
Зыблется слегка их тень густая...

Тетушка сидит у изголовья,
Скрючилась, внимательно читая
Буквы, проступившие нечетко.
Ждет Альма, что повелит ей тетка
Совершить любимым во спасенье.
Может, в пламя прыгнуть в одночасье?
Кинется Альма без размышленья,
Принимая эту смерть за счастье...

Скажет: «Вынеси все муки ада».
Вынесет Альма и будет рада.
Даже, может быть, почтет за милость...
Только бы у братьев жизнь продлилась,
Только бы не оторвались души,
Что на паутинке, на отлете!..

Наконец-то рот открыла тетя.
Говорит Альме:
— Смотри и слушай!
Видишь знаки на волшебной коже?..
На тарантулов они похожи.

Девушка глядит на свиток вещей...
В чем он — смысл паучьих этих знаков?
Проступают то слабей, то резче.
Каждый непонятно одинаков.

А старуха говорит зловеще:
— То, что братьев чуть не погубило,
Обладает непомерной силой.
Но племянники мои не слабы,
Попытались волею железной
Удержаться... хоть над самой бездной,
На тончайшем волоске хотя бы!..
И однако, плод борьбы могучей
Может уничтожить жалкий случай.

Да, любая из ничтожных тварей —
Паучок ли, муха ли, комарик, —
Если только залетит в кибитку,
Может непредвиденно, случайно,
Даже не подозревая тайны,
Оборвать трепещущую нитку.
А созданиям большого роста —
Лошади, корове, хищной птице —
Это совершить и вовсе просто:
Чуть заденут, и душа умчится.

Знаки возвещают: «Истребите
Все, что угрожает тонкой нити,
Все живое, что вокруг кибитки...»
Так написано в чудесном свитке.
«Убивайте рыб, гусей и уток,
Их детенышей разите смело!..
На такое праведное дело
Отпускается двенадцать суток».

За двенадцать суток мы с тобою
Истребим зверьков степных и пташек,
Мотыльков, жуков — все, все живое,
Охраняя жизни близких наших.

* * *

«Если вывихнута рука,
Человеку в тягость она.
Если вывихнута душа,
Человеку жизнь не нужна».

Стала жизнь для Альмы тяжка.
Как ходить по земле, греша?..
Белый свет убийцам не мил...
Прилегла на жесткий настил
Возле братьев — полумертва,
Не Альма — подобье Альмы...

— Тетя, тетя! Неужто мы
Неповинные существа
Счастья жизни, света лишим?
Хорошо ль это нам двоим
Беззащитных тварей губить,
Повергать их в могильный мрак?..

— Что ж, по-твоему, лучше так:
Пусть порвут эти твари нить,
Бедных братьев твоих губя,
Тех, что так любили тебя?!

Тетка с места приподнялась,
В хриплом голосе гнев и страсть: —
До чего ж ты, девка, добра!
Жалко мухи и комара...

А несчастных братьев ничуть
Не жалеет злая сестра!..
Так прощай же!.. Не обессудь!
Нам с тобою не по пути!

Рвется старая прочь уйти.
До чего же стала страшна!..
Темный лик искажила злость...
«Вправду ль братьев любит она?» —
Подозрение родилось
В задрожавшем сердце Альмы.

Но в селенье смерти и тьмы
Оставаться жутко одной.

— Тетя!.. Смилуйтесь надо мной!..
С детства слышала я от всех:
Убивать беззащитных — грех!

— Врешь, девчонка! Все чепуха!
Нет совсем на свете греха!

Взяв Альму за обе руки,
Тетка прямо в ее зрачки
Устремила колючий взгляд.

— Повторять за мною изволь!.. —
И Альму пронизала боль:
Словно мозг железом сверлят,
Словно в жилы вливают яд...

Но внезапно это прошло,
Точно вынули вдруг сверло...

Пусто, больше препятствий нет...
И Альма, за старухой вслед,
Целиком ей подпав под власть,
Страшной клятвою поклялась:

— Тот, кто братьям смертью грозит,
Будет этой рукой убит.
И его ненавистный род
Меч в моей руке пресечет!
Если даже грозит мне ад,
Нет пути у меня назад!

Повторяет Альма, спеша,
Вслед за теткой эти слова,
Но томится, стонет душа,
Губы двигаются едва.

Утешает одно Альму:
«Грех на совесть свою приму
Только ради братьев моих,
Чтобы смерть не пожрала их...»

У старухи скривился рот,
Словно вятен ей мысли ход.

— Рассужденья твои пусты.
«Ради братьев...»

Да если ты
Из простой причуды своей
Уничтожишь сотни людей
С их потомками заодно,
Кто сказал, что это грешно?!

Грех лишь трусов бросает в дрожь,
А для храбрых пути легки.
Что грехи?!

Если ты умрешь,
То умрут с тобой и грехи.
Лишь глупец боится греха.
Вовсе нет греха, ха-ха-ха!..

И страннейшая из старух
Говорит Альме, хохоча:
— Очерти острем меча
Круг пошире — огненный круг!
На крылатого сядь коня
И все то, что в черте огня,
Все живое, что встретит взгляд,
Бей двенадцать суток подряд.

Вот тебе мой булатный меч!
Я останусь братьев стеречь.

Из кибитки вышла Альма,
Грех отныне ей — нипочем.
Поднялась по склону холма,
Размахнулась тяжким мечом...

Синих искр фонтан засверкал.
В небо змеи, шипя, всползли.
Пред Альмою конь-аранзал
Вырос точно из-под земли.

За спиной два черных крыла,
Брызжет пеною — дик, могуч —

И, дрожа, грызет удила.
Чуть коснулась Альма седла —
Поднялась, взвилась выше туч...

Удивленно глядит луна,
Звезды с ужасом смотрят вслед:
«Неужели это она,
Излучавшая добрый свет?»

За конем полоса огня,
Грохот, гром, наводящий страх..
Конь летит... Под брюхом коня
Превращаются твари в прах.

Где промчался конь, там беда.
Сеет смерть жестокий булат.
Страшно зубы Альмы скрипят,
А глаза — из черного льда —
Все живое секут ножом...
Злостью лик Альмы искажен.

Где промчится грозная тень,
Погибает птица и зверь,
Ведь в груди у Альмы теперь
Вместо сердца острый кремь —
Камень проклятых небом скал,
Сгусток черных, жестоких сил...

...Мчится по небу Чернокрыл.
Смерть земле несет аранзал.

* * *

А в кибитке тем же часом,
Только прочь Альма ушла,
Скачет, пляшет диким плясом
Черный Мус — прислужник Эла.

В ход пустив лихие чары,
Изменивший облик свой,
Он под видом тетки старой
Издевался над Альмой.

А теперь он сбросил платье
И — уродлив и космат —
Веселится там, где братья,
Неподвижные лежат.

Кувыркается, хохочет,
Беспокоит братьев сон...
Разбудить Бадму он хочет:
— Хватит спать!.. Вставай, нойон!..

Треплет спящего за щёки:
— Просыпайся, говорят! —
И прервав свой сон глубокий,
Шевельнулся старший брат.

Чует чей-то холод лютый,
Видит Муса в полумгле...
— Эй, не знающий приюта,
Бездомовный на земле!..

Не сыскавший в тучах шелку,
Чтобы на небо пролезть,
Что беснуешься без толку?..
Скоро-скоро свистнет плеть!

Мус качнулся, скособочен,
Чуть зашла о плети речь:
— Но, но, но, Бадма!.. Не очень,
Если хочешь жизнь сберечь!..

Не добил я вас покуда,
Некий замысел храня.
Рассержусь, так будет худо!..
Ой, Бадма, не зли меня!

Видишь, ты лежишь в бессилье.
Я ж — гляди! — силен весьма...
Как порву я сухожилья
На твоих ногах, Бадма!

Все твои сломаю кости,
Кожу с вас, живых, сниму!..
И тогда...

(Дрожа от злости,
На лежащего Бадму
Мус кидается косматый...)
Поглядим, как ты хорош.
И услышим, что тогда ты
В этих лапах запоешь!

Но Бадма, как был, спокоен:
— Ты силен на краткий срок.

Низкой кривды подлый воин,
Ты по глупости жесток!

Расправляйся с бедным телом!
Гордый дух — непобедим.
Ложь — ничто пред духом смелым,
Не тебе сражаться с ним!

Ты — от мала до велика —
Всем проевший ложью слух,
Подхалим и прощелыга,
Ты не только глуп, ты — глух!

Чем над связанным глумиться,
Извергая струи лжи,
Выйди в поле, чернолицый,
К травам ухо приложи!

В чистом поле, на рассвете,
Ты услышишь, что к тебе,
Угрожая мощной плетью,
Приближается Бембе.
Скоро ты смиришь свой норов,
Завизжишь, косматый трус!..

— Может, хватит разговоров? —
Вдруг смиренно молвил Мус. —
Прекратим пустую ссору.
Умным ссориться не впору.
У Бембе — неблизкий путь.
Всё в пути случиться может —
Грянет выстрел чей-нибудь...
Кто вам всем тогда поможет?

Пусть тебе неведом страх...
Ну, а братья?.. А сестрица?..
Судьбы их в твоих руках —
Стоит только согласиться...
Братья встанут из могилы,
Стоит только захотеть...

Если хитростью иль силой
У Бембе отнимешь плеть,
Тотчас братьев подниму,
Превращусь в красавца тут же,
Стану как Бембе, не хуже!
И просватаю Альму.
И все вместе будем мы, —
Провизжал прислужник тьмы, —
Всех сильнее, всех богаче
В этом мире! А иначе...
Начал он, но в тот же миг
Прикусил себе язык,
Не давая волю желчи...

Но Бадма не дрогнул. Молча
Он опять глаза прикрыл,
Чтобы зря не тратить сил.

В диком гневе Мус проклятый
Разбудил второго брата,
А за ним и остальных...
Но напрасно возле них
Он кричал, напрасно топал
Лапою когтистой об пол,
Всеми пытками грозя...
Храбрецов смутить нельзя

Ни угрозами, ни лестью:
Неразрывна братьев связь.

Берегут, как раньше, вместе
Чувство дружбы, правды, чести,
Самой смерти не боясь.

Мус — в смятенъе. Близок час —
Час расплаты, час возмездья.

* * *

А меж тем сестрица Альма,
Над землею мчась в высоте,
Все живое в кругу, в черте
Истребляет, словно чума.
Беспощадным став палачом,
Поднимает руку с мечом
В сине-белом блеске зарниц,
И тела обожженных птиц,
Окровавленное зверье
Устилают пути ее.

Бьет и рубит седьмую ночь...
Аранзал устал ее несть,
И мечу убивать невмочь.
— Мечь!— Альма восклицает.— Мечь!—
Криком взбадривает себя,
Неповинных тварей губя.

На восьмую ночь, наконец,
Только звезды вокруг зажглись,
Захрипел ее бегунец:
— Эй, Альма!.. Опускайся вниз!..

Дай напьемся, передохнем!..
Видишь, там внизу — водоем.

Верно: там, внизу, далеко,
Словно зеркало, при луне
Блещет круглое озерко.
Вниз летит Альма на коне:
— Что ж, попей воды, аранзал!
Ты, крылатый, и впрямь устал.

Отпустила пастись коня...
Вид как будто Альме знаком.
Не над этим ли озерком,
В ликованье вешнего дня,
Наклонялась она, смеясь?
Не над ним ли в любви клялась
Солнцу, людям, тварям земным?
Неужели над ним?.. Над ним!

Нынче трудно узнать его.
Так пустынно оно, мертво.
Комаров — и тех не слышать...
Не шелóхнется очерет,
И сазан в воде не плеснет...
Неподвижна темная гладь.
Что там, в глубях, погребено?
Сколько тварей легло на дно?

Но, однако, вода свежа,
Хоть она и внушает страх...
Входит глубже Альма, в руках
Окровавленный меч держа.

Перепуганная луна
Что-то шепчет ближней звезде...
Наклонилась Альма к воде
И застыла, потрясена...
Что за чудище там, под ней,
В сине-черной игре теней?!
Дева, юноша иль старик?..
Отражает темная гладь
Безобразный каменный лик...
Над морщинами лба — хаос
Точно проволочных волос,
Встала дыбом каждая прядь,
Будто бешеная змея...
Дикой злобой пышут черты...

— Это я?.. Неужели я?.. —
Отвечало озеро: — Ты!
— Потеряла ты доброту,
Замарала ты красоту,
Не сумела ее сберечь... —
Прошуршали ей камыши.
Но невнятна природы речь
Для озлобившейся души.

Запеклась на мече кровь.
Отреклась от Альмы любовь.

Чудо любви!.. Не согретый тобою
Несправедливо обижен судьбою.
Жалко мне, право, таких бедняков!
Словно больной среди тех, кто здоров,

Как между зрячим — слепорожденный,
Тот, кто не видел вовек небосклона,
Бродит безлюбой, мятется во мгле...
К счастью, не много таких на земле!

Бедным владеют лихие стихии.
Люди безлюбые — точно глухие,
Те, кому не привелось услышать
Песни, какую баюкала мать,
Птичьего щебета, свежего гула,
Сердце у них, не раскрывшись, уснуло,
Солнца не видит, не чует весны...
Высшего счастья они лишены.

Знаете вы, да и я это знаю:
Только любовь к нам слетит, поднимая
Над суетою привычного дня, —
С жизни как будто спадает броня.
Мир предстает озарен, расколдован,
Дышит, пьянит своим обликом новым,

Преображенный, сияет, цветет...
Смотришь: прекрасен вчерашний урод;
Та, что была неказистой, простою,
Нынче тончайшей полна красотой.
То ль изменились понятия твои,
То ли прозрели глаза от любви?
С миром почуял ты связи живые,
Словно бы солнце увидел впервые.

То же с Бембе приключилось когда-то.
Только вернулись почтенные сваты

И привезли долгожданную весть,
Сердце у юноши начало цвести.
Слушая сватов живые рассказы,
Видел он образ Альмы ясноглазой
И улыбался... Втройне возросла
Сила его, что была не мала.

Храбрость Арашева старшего сына
Люди недаром равняли со львиной.
В подвигах он состязался с отцом,
Пробуя силу свою неустанно.
Встретясь недавно в пустыне песчаной
С бешено-диким верблюдом-самцом,
Не выносящим руки человеческой,
Смело к врагу устремившись навстречу.
Прыгнул Бембе на него точно лев,
Между горбов неподвижно воссев.

Плетью витою ударил с оттяжкой
Между ушами верблюжьими. Тяжкий
Звук прогремел по пустыне, как гром,
И, словно глиняная посуда,
Треснула, враз разойдясь пополам,
По черепным расколосась швам,
Пала в пески голова верблюда.

Так доказал свою зрелость пред всеми
Храбрый Бембе, не теряясь в борьбе.
Понял Араш, что приблизилось время,
И потому-то засватал Бембе

Девушку — яблочко райского сада...
...Если бы знал он, какие преграды
Встанут у сына его на пути!..
Счастье не просто на свете найти!

День злополучный, тот самый, когда
Грянула в доме невесты беда,
Для жениха начинался светло...
Нынче Бембе на охоте везло.
Ехал домой он с богатой добычей,
Не торопясь, созерцая величье
Степи широкой, игру облаков,
Думая, сколько до свадьбы деньков;
Долго ли будет с любимой врозь...

Кверху дорога взбиралась... На взгорье
Сердце сдавило внезапное горе...
Думает юноша: что-то стряслось!

Слышит Бембе: из далеких краев
Ветер доносит пронзительный зов,
Кто-то рыдает, его призывая...
Глянул на плеть... Рукоять, как живая,
Потяжелела и, словно огонь,
Вдруг накалясь, обжигает ладонь.
Надпись священная стала кровавой,
Падают капельки крови на травы...
«Небо!.. Альма призывает меня!»
К дому отца повернул он коня.

* * *

Мудрый Араш, не колеблясь нимало,
Отдал Бембе своего аранзала.
Огненно-рыжий лихой бегунец
Грыз удила, селезенкою ёкал...

— Мчись! — приказал аранзалу отец.

Юноша прынул в седло, точно сокол,
И, поклонившись отцу, поскакал...

Попросил Бембе:

— Аранзал!

Ты отцу был верным слугой,
Послужи мне, конь дорогой!
До Альмы, говорил мне сват,
Если даже глаз не смыкать,
Если днем и ночью скакать,
Проведешь в дороге подряд
Семью семь — сорок девять дней...
Мне же надо — в семь раз скорей!..
Милосерд будь к моей судьбе!

— Я ль тебя не люблю, Бембе?!

Малышом я тебя катал
На широкой спине своей...
Довезет тебя за семь дней
До невесты твой аранзал!

Пыль клубится из-под копыт...
Кверху взмыл аранзал... Летит...

Да глаза свирепо горят,
Так и пышет из них злость...
На коне чернокрылом — гость,
Будто тень из царства теней.

Соскочило с коня тотчас
В латах странное существо,
Над Бембе стоит, наклонясь...
Веет холодом от него.

Прикоснулась ко лбу ладонь.
Холодна она и жестка,
Как неструганая доска.

Тут заржал чернокрылый конь,
И Бембе очнулся от сна.
Это кто же стоит над ним,
Из живых ни с кем не сравним?
Непонятно: он иль она,
То ли женщина, то ли муж,
То ли молод он, то ли стар?..
Может, душит Бембе кошмар?
Может, бредит он?.. Почему ж
Так отчетливо видит он
Степь, зарю, далекий хотон?
Чист предутренний небосвод,
Озаренный первым лучом.
Тем ужаснее предстает
Сине-серый призрак с мечом.
Страшен глаз его черный лед...
Может, это шулма, эрлик?!

Меч как будто к руке прирос...
Точно выбит из камня лик.
Как луна, он голубоват,
Косы, или подобье кос,
Что железные — врозь торчат.
Встала дыбом каждая прядь...
Это — женщина все ж, видать...

Вдруг движением палача
Замахнулась она мечом...
Ослепили искры меча,
На смерть юноша обречен...
Меч блистает над головой.
Хриплый голос шепчет:
— Умри!.. —
Злые очи в Бембе впились...

Но внезапно взгляд неживой
Ожил, словно бы изнутри
Осветился лучом зари.
Ослабела, скользнула вниз,
Не роняя меча, рука,
Пальцы словно дрожат слегка...

Приподнялся Бембе рывком:
Облик женщины стал знаком,
Словно виденный в давнем сне...
О, как странно она глядит,
Непрерывно меняя вид:
То — прекрасна, то — вновь урод...
Почему?.. Бембе не поймет.

То пробьется луч красоты
Через каменные черты,
То померкнут глаза опять...
Почему — не может он знать.

Видит он только то, одно,
Что глазами видеть дано,
А душою он слеп и глух
И не слышит, что добрый дух,
Просветляющий дух любви,
Бой ведет у нее в крови
С Мусом, сердце забравшим в плен...
Да, причины всех перемен
Непонятны Бембе пока.

...В набежавшие облака,
Вдруг померкнув, солнце зашло,
Неужели холод и зло
Победили в смертной борьбе?!
Нет, светлеет!.. Бежала тьма.
И вскричала Альма: — Бембе! —
И воскликнул Бембе: — Альма!..

Из руки выпадает меч.
Из тумана прорвался луч.
Солнце выплыло из-за туч,
Не желая тепла беречь...
Воссияла степь — не узнать!..
Засверкала водная гладь.
Озарилась вешняя рань,
Блеском радости залита.
И стоит, как робкая лань,
Пред Бембе сама красота.

Обнимает Бембе Альму,
Приникает она к нему.
И трепещет его рука,
Глядя пряди ее волос,
Что теперь мягки, как шелка...
Он целует след ее слез,
Слышит голос, полный любви:
— Дорогой! Любимый! Живи!..

* * *

Конский топот ближе, ближе...
Из просторов прискакал
Конь Бембе — могучий, рыжий,
Солнцекрылый аранзал.

Конь Альмы заржал сердито.
Рыжий, верно, неспроста
Опустил свое копыто
На конец его хвоста.

Говорит золотогривый:
— Эй, Бембе! Не ранний час!
Хоть невеста и красива,
Много дел еще у нас!

Плеть свою сейчас опробуй!
Черный этот аранзал
Не по воле дышит злобой:
Мус его околдовал.

Плетью тронь его на счастье,
Чары гнусные развей!

Он хотя и черной масти,
Но со мной одних кровей.

Видишь, схожи каждой статью?
Мы — двоюродные братья.
Жеребенка-стригуна
Мус украл из табуна.

Сын Араша тронул плеткой
Чернокрылого коня.
Пыхнул тот струей огня
И тотчас же тихо, кротко
И приветливо заржал:
Расколдован аранзал.
Словно в юности когда-то,
Трется он о шею брата.

Молвит рыжий конь премудрый:
— Время нас, Бембе, не ждет!
Разгорелось ярко утро.
Дел еще — невпроворот
У твоей могучей плети!..
Поспешим к хотону, дети!..

* * *

— Где Альма?.. Еще в полете?..
Жду девчонку не дождусь, —
Снова став почтенной тетей,
Бормотал в кибитке Мус.

В неописанной досаде
На лежащих братьев глядя,

Он пинал Бадму ногой:
— Будет мне Альма слугой!
Силой, хитростью и ложью —
Все равно вас уничтожу!
Пусть тебя не одолеть,
Мне Альма добудет плеть!

Тут раздался стук копыт...
— Вот она ко мне спешит!
Эй!.. Скорей входи, Альма!..

Но раздвинулась кошма,
И предстал чернее тучи
Сам Арашев сын могучий,
Сам Бембе, несущий страх...
Вьется плеть в его руках,
Письмена мерцают грозно...
Взвизгнул Мус:

— Помилуй!..

— Поздно!

Пробил твой последний час!

Но презренный Мус, мечась,
Буйным ветром обернулся,
Закружился, вверх рванулся,
Устремился в дымоход...

Сын Арашев этот взлет
Оборвал ударом плети,
И тотчас же буйный ветер
Мусом черным стал опять
И пошел вопить, стонать,
Как бездомный пес, взъерошен...

Ноет: — Буду я хорошим!
Позабуду о волшеб!

Снова поднял плеть Бембе,
Хлестанул... Раздался всхлип.
Черный Мус к земле прилип.

* * *

В степь направив аранзала,
На порог Альма взбежала:
Что такое там, в углу?
Кто чернеет на полу,
Всех чудовищ безобразней?..
— Кто там?..

— Не узнала разве
Тетушки своей почтенной? —
Говорит Бембе в ответ. —
Это — черный Мус презренный,
Мус, причина общих бед!

Правда, чучело из чучел?..
Это он тебя измучил,
Братьев усыпил твоих...
А теперь, как мышь, притих
Перед гибелью своею...
Вот сейчас его огрею,
Хлестану разок опять...
Видишь, черный, рукоять?.. —
Поднял плеть Бембе с усмешкой...

Блеет Мус:
— Бембе, помешкай!
Дай пожить еще чуток!..
Ну, полчасака... Часок!
А еще бы лучше полдня!
Что попросишь — все исполню. —
И в униженной мольбе
Лижет ноги у Бембе.

Есть закон для всех душонок,
Напрочь совести лишенных:
Если им дается власть,
Беззащитных мучат всласть,
Упиваясь их страданьем,
Над слезами их смеясь.
А столкнутся с испытаньем —
Превратятся в слизь и грязь
И у сильных лижут пятки...
До чего же подлы, гадки!

Мус, в предчувствии удара,
За Бембе ползет ползком,
Лижет землю языком...

— С братьев снять немедля чары! —
Приказал ему Бембе,
Шлепнув Муса по губе
Расписною рукоятью.

— Оживут немедля братья!
Расколдую всех, клянусь!..
И в ладоши хлопнул Мус.

Друг за другом братья встали:
— Маани! Мы долго спали.
За работу нам пора!..
Здравствуй, милая сестра!
Здравствуй, храбрый сын Араша!
Ты еще светлей и краше,
Чем ты был изображен...
Значит, подлый враг сражен?

Но при виде Муса злого
Потемнели братья снова:
— Жив он! Жив презренный враг,
Прародитель зол и врак!

Что же ты, Бембе прекрасный?
Неужели понапрасну
Плеть была тебе дана?!
Подними ее живее,
Прочитай скорей злодею
Золотые письма!

Мус вопит: — Бембе, не надо! —
Мус мычит: — Молю пощады!
Ох, не убивай меня!
Как ягненок, стану кроткий.
Да не только я, все тетки,
Братья — вся моя родня,
Позабыв о древней розни,
Навсегда оставят козни,
Будут с вами жить в любви...
Всех по свету я развеял...
Дай созвать их всех!..
— Зови! —

Мус взревел, завыл, заблеял
На десятки голосов.
Столь был гнусен этот зов,
Что завяли уши даже,
И — один другого гаже —
Изо всех концов земли
Прибежали, приползли
Дети Муса, тети, дяди...
На главу семейства глядя
И косясь на рукоять,
На полу расселись крúгом,
Стали хором друг пред другом,
Друг на друга клеветать, —
На племянника, на брата,
А на Муса семикратно:
Он, мол, всех подбил на грех,
Ибо он главнее всех!

Были струи клеветы
Так зловонны, так густы,
Что дыханье захватило,
И Бембе со всею силой,
Пресекая гнусный гул,
Злую бражку стеганул...

Завизжали, взвыли дико
Осквернители земли
И — от мала до велика —
Бездыханно полегли,
Повалились на порог...
Черный Мус — тот первый сдох.

Чтоб никто в веках не ожил,
Чтоб огонь их уничтожил,
Братья и Бембе с Альмою
Падали вымели метлою
И спалили на костре,
Разведенном во дворе.

Тут аранзалы примчались:
— Взгляните!

Утро закончилось, солнце в зените!
Нужно, покуда оно не зашло,
Честно исправить свершенное зло.

Мы порошок раздобыли чудесный.
Ты разбросай его всюду, невеста,
Всех оживив, воскрешенье даря
Тварям земным, что загублены зря!

Белое зелье схватила Альма,
Быстро взошла на вершину холма
И порошок разбросала повсюду,
Громко воззвав:
— Да содеется чудо!

Да оживут все создания земли,
Все, что от этой руки полегли,
Ибо жестоко меня ослепила
Ненависть — Муса презренного сила.

Пусть из пределов земли испарится
Зло, что уродует души и лица.
Да преисполнится сердце любви!..
Все, что погублено мной, оживи!.. —

Так возгласила Альма, заклиная.
И поплыла по-над степью сквозная
Тучка сияющего порошка —
Благоуханна, чиста и легка...

Вновь засновали зверьки полевые.
Вновь при сияющем солнце,

живые,

Мушки, жучки замелькали везде,
Рыбы, плеща, заиграли в воде,
Птицы запели, как пели когда-то,
И потянулись за уткой утята,
Лебедь серебряный взмахами крыл
Небо рассек и к подруге поплыл.
Всюду веселые клики и зовы...
Стадо идет. Замычали коровы...
Все, что немело и глохло вчера,
Ожило, славя победу добра!

И меж людьми воцарилось согласие...
Слышал я: в полном довольстве и счастье,
Славно трудясь, не переча судьбе,
Дружные братья, Альма и Бембе,
Прожили долгие-долгие годы
В доброй стране, где небесные своды,
Словно гигантский лазурный шатер,
Вольный, степной увенчали простор.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>М. Дуди н.</i> Слово о поэте	5
Песнь чудесной птицы. <i>Перевела Ю. Нейман .</i>	9
Золотое сердце. <i>Перевела Ю. Нейман .</i>	27
Равные солнцу. <i>Перевел Л. Пеньковский .</i>	49
Сар-Герел. <i>Перевела Ю. Нейман . .</i>	85
Повелитель Время. <i>Перевела Ю. Нейман .</i>	157
Зоригте. <i>Перевела Ю. Нейман . . . . .</i>	237
Цветок, одолевший бурю. <i>Перевела Ю. Нейман .</i>	283

Для среднего и старшего школьного возраста

Давид Никитич Кузультинов

СКАЗКИ

ИБ № 8768

Ответственный редактор *И. М. Пушчева*. Художественный редактор
О. К. Кондакова. Технический редактор *Т. П. Тимошина*. Корректоры
Л. А. Лаварева и *И. Б. Котунова*.

Сдано в набор 01.07.85. Подписано к печати 04.10.85. Формат 70×108¹/₃₂.
Бум. офсетная №1. Шрифт академический. Печать офсетная. Усл. печ. л. 15,4.
Усл. кр.-отт. 31,15. Уч.-пад. л. 14,27. Тираж 100 000 экз. Заяв № 859. Цена
1 р. 10 к. Орденов Трудового Красного Знамени и Дружбы народов издатель-
ство «Детская литература» Государственного комитета РСФСР по делам
издательств, полиграфии и книжной торговли. 103720, Москва, Центр,
М. Черкасский пер., 1. Фабрика «Детская книга» № 2 Росглавполиграфпрома
Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии
и книжной торговли. 193036, Ленинград, 2-я Советская, 7.

1 р. 10 к.

